

ОКТАБРЬ | 2024

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ТАНЕЦ — ЭТО СЧАСТЬЕ

Как происходит
русификация субкультур

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ИНТЕРВЬЮ

04 «Музыка — это каждый миг жизни»

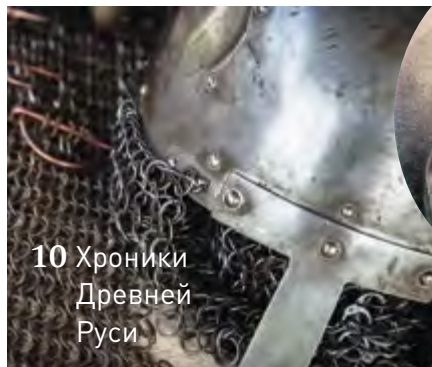
НАСЛЕДИЕ

36 «Религиозно сытый человек»

42 Родной угол

ИСТОРИЯ

10 Хроники Древней Руси

18 Больше, чем жена

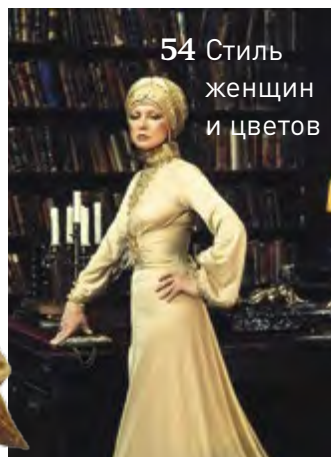

26 Обитель силы

КУЛЬТУРА

48 Когда солнце было моложе...

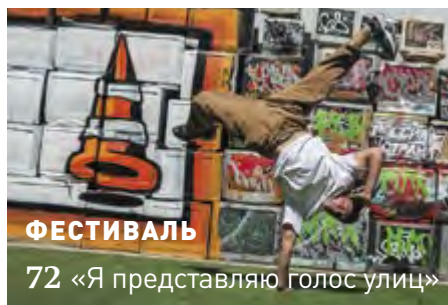

54 Стиль женщин и цветов

МУЗЕЙ

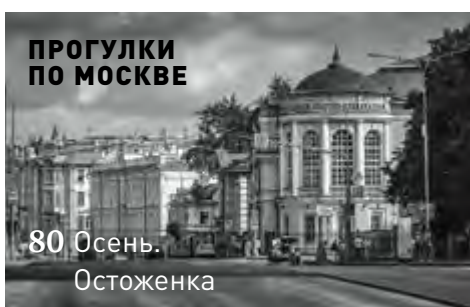
64 Тайны «Старой аптеки»

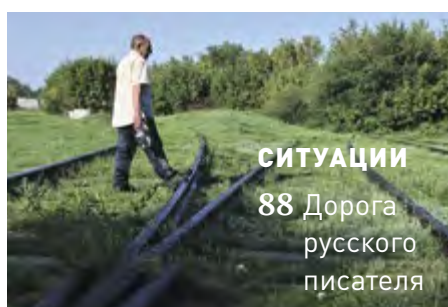
ФЕСТИВАЛЬ

72 «Я представляю голос улиц»

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 Осень. Остоженка

СИТУАЦИИ

88 Дорога русского писателя

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:

Илья БРУШТЕЙН
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Алексей КАРПОВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностранн
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностраных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ

**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

«МУЗЫКА – ЭТО КАЖДЫЙ МИГ ЖИЗНИ»

БЕСЕДОВАЛ

ИЛЬЯ БРУШТЕЙН

[ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СЕРГЕЯ ШАХОВА]

О ТОМ, КАК СЛЕПЫЕ МУЗЫКАНТЫ ЧИТАЮТ НОТЫ ПАЛЬЦАМИ И ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ НИХ МУЗЫКА, МЫ БЕСЕДУЕМ С НЕЗРЯЧИМ МУЗЫКАНТОМ-МУЛЬТИИНСТРУМЕНТАЛИСТОМ СЕРГЕЕМ ШАХОВЫМ. ОН ИГРАЕТ НА КЛАРНЕТЕ, САКСОФОНЕ, БАС-ГИТАРЕ, ГИТАРЕ И АРМЯНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ИНСТРУМЕНТЕ ДУДУКЕ. ВМЕСТЕ С СУПРУГОЙ – НЕЗРЯЧЕЙ ПИАНИСТКОЙ ОЛЬГОЙ ГРАЧЕВОЙ – СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ПРЕПОДАЕТ В ОХТИНСКОМ ЦЕНТРЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, А ТАКЖЕ ВЕДЕТ МУЗЫКАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ПРИ ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ И СЛАБОВИДЯЩИХ ДЕТЕЙ В ПОСЕЛКЕ МГА В КИРОВСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.

ЕЩЕ ВО ВРЕМЯ УЧЕБЫ В КУРСКОМ музыкальном колледже-интернате слепых Ольга Грачева и Сергей Шахов создали дуэт «КЛАРИНО» (КЛАРнет И фортепьяНО), который и сейчас продолжает радовать публику. А в 2019 году супружеская пара переехала в Санкт-Петербург и влилась в музыкальный коллектив Good Company, выступающий с джазовыми и эстрадными программами.

– *Сергей Анатольевич, я знаю, что вас нередко сравнивают с Петром Попельским – главным героем повести Владимира Короленко «Слепой музыкант». Как вы на это реагируете?*

– Я люблю эту повесть Владимира Короленко, мне близок ее главный герой. Рассматриваю сравнение с Петром Попельским как комплимент, вероятно, еще не вполне заслуженный... Скорее, как аванс на будущее!

Эта повесть покорила сердца многих читателей. Но одновременно она – вольно или невольно – способствовала появлению мифов о незрячих людях. Например, среди зрячих распространилось мнение об особой музыкальности слепых. И оказалось, что это очень живучий предрассудок! Якобы слепота «компенсируется» особыми музыкальными способностями. Да, конечно, слух играет значительную роль в жизни незрячих людей. Но это не имеет отношения ни к музыкальному слуху, ни вообще к музыкальности. У незря-

чих музыкантов нет никаких преимуществ перед коллегами с нормальным зрением.

Надеюсь, на меня никто не обидится, но, думаю, зрячим людям трудно понять «Слепого музыканта». Отсутствие у Петра Попельского возможности визуально воспринимать окружающий мир – это важное, трагическое, но далеко не главное обстоятельство в формировании его личности.

– *Почему вы так думаете?*

– Такое же беззаветное, страстное увлечение музыкой можно наблюдать и у многих музыкантов без каких-либо физических ограничений. Именно этим интересен Петр Попельский, а вовсе не своей инвалидностью. Владимир Короленко создал яркий, реалистичный, живой образ музыканта-самородка.

С одной стороны, писатель привлек внимание к судьбам незрячих людей из разных социальных слоев, а с другой – показал формирование личности музыканта: с детства и до момента его выхода на профессиональную сцену.

Музыкальное творчество хотя и не дает незрячим каких-либо преимуществ, но также и почти не накладывает на них ограничений. Музыка – «царство инклюзии»! Именно поэтому так много незрячих людей выбирают профессии музыкантов и массажистов. Массаж – это тоже «инклюзивная территория».

– *Прочитав «Слепого музыканта», можно прийти к выводу, что Петр Попельский разучивает музыкальные произведения на слух, без использования нотной партитуры.*

– Вполне возможно услышать исполнение какого-то музыкального произведения и по памяти повторить его. Но без овладения нотной грамотой невозможно стать профессиональным музыкантом и даже успешным музыкантом-любителем. Это относится к незрячим музыкантам так же, как и к «визуалам». Ведь исполнитель должен не просто механически повторить, воспроизвести какую-то мелодию. Его задача состоит в том, чтобы стать своего рода соавтором композитора. А это может произойти только в том случае, если исполнителю удастся понять замысел композитора, его идеи и мысли. Все они заключены в нотной партитуре.

Музыкальное творчество – это не только репетиции, но и размышления над нотной партитурой. Незрячие музыканты используют те же самые ноты, что и остальные их коллеги. Отличие состоит только в том, что мы читаем ноты не глазами, а кончиками пальцев. Для записи нот используется особая система, созданная в первой половине XIX века Луи Брайлем. Она позволяет записывать не только тексты, но и ноты, химические и физические формулы, даже китайские и японские иероглифы. Брайлевскую систему называют «рельефно-точечным шрифтом», так как все буквы, цифры, знаки препинания, ноты и так далее

Сергей Шахов
и Ольга Грачева
перед входом
в Курский
музыкальный
колледж-
интернат слепых

записываются с помощью сочетания крошечных выпуклых точек. Они воспринимаются подушечками пальцев.

– Но зрячие музыканты во время игры часто смотрят в ноты...

– Слепой музыкант так поступить не может, так как при игре практически на всех музыкальных инструментах одновременно задействованы обе руки. Поэтому работа с нотной партитурой происходит в процессе домашней подготовки, а на сцене произведение играется по памяти.

– Сергей Анатольевич, почему для вас важно играть на сцене на разных музыкальных инструментах?

– Это не является для меня самоцелью. Поверьте, я никогда не стремился кого-либо удивить или привлечь особое внимание публики самим фактом владения различными музыкальными инструментами. Это далеко не главный вопрос для музыканта. Выступать с каким-то одним инструментом всю жизнь – это нормально. Но необходимо стремиться совершенствовать свою игру, улучшать качество звучания, чувствовать настроение зала. Разные музыкальные инструменты – это разные способы самовыражения, разные грани души, это попытка найти свой путь в музыкальном творчестве. Сейчас я выступаю на сцене с пятью музыкальными инструментами: кларнетом, саксофоном, бас-гитарой, гитарой и дудуком. Детей и взрослых обучаю игре на двух инструментах – кларнете и саксофоне.

Для меня музыкальное творчество – это возможность осознанно прожить каждое мгновение своей жизни. Я имею в виду не только те часы, которые занимают репетиции и концерты... Музыка – это вся моя жизнь, каждый ее миг. Я могу заниматься домашними делами и думать о будущих концертах.

– Когда вы увлеклись музыкой?

– В 7 лет, когда пошел в первый класс и одновременно стал учиться играть на аккордеоне. Правда, в третьем классе бросил это занятие. Моя малая родина – деревня Вятка Муромцевского района Омской области. Родители – сельские труженики. Я родился с врожденной атрофией зрительного нерва. До 16 лет у меня сохранялся небольшой остаток зрительных функций, а потом осталось только светоощущение. В 7 лет я начал учиться в Омской школе-интернате для незрячих и слабовидящих детей.

– Какие воспоминания остались у вас о школе-интернате?

– Я очень благодарен школе, с удовольствием вспоминаю наших учителей, воспитателей, одноклассников. Я хорошо адаптировался к жизни в интернате. Конечно, скучал по дому, по родителям, по трем сестрам. Но, с другой стороны,

когда находился дома, то по интернату тоже скучал. Он фактически стал для меня вторым домом. В интернате были различные музыкальные кружки, я в них занимался. Но, к сожалению, не было полноценной музыкальной школы. Честно говоря, сейчас немного жалею, что в детстве не удалось получить фундаментальное музыкальное образование. Наверстать упущенное было непросто. В детстве у меня был интерес в первую очередь не к собственному музицированию, а к прослушиванию музыкальных произведений. Меня увлек рок. И русский, и зарубежный. Когда мне было 13 лет, у нас в школе образовалась рок-группа. Я участвовал в ней, играл на гитаре. Одновременно стал участником школьного духового ансамбля. Научился играть на блок-флейте.

– Когда вы решили стать профессиональным музыкантом?

– В десятом классе, за два года до окончания школы-интерната. Стал готовиться к поступлению в Курский музыкальный колледж-интернат слепых. Хотелось поступить на отделение гитары, но оказалось, что в тот год планировалось принять на учебу только двух гитаристов. Я не попал в число этих счастливицев, и в приемной комиссии мне предложили изучать кларнет. Я согласился. И любил этот инструмент. У него удивительно бога-

тое звучание. В нижнем регистре кларнет может быть мрачным и угрюмым, в среднем – он дает возможность извлекать светлый, «прозрачный» звук, а в верхнем регистре порой становится резким и крикливым.

В зависимости от музыкального произведения кларнет порой звучит тихо, чуть слышно, а в других ситуациях – он гордо поет в полный голос, удивляя яркостью и насыщенностью звука.

Прекрасного звучания можно достичь, когда кларнетисту аккомпанирует фортепьяно. Уже на первом курсе во время обучения в Курском музыкальном колледже мы музицировали вместе с Ольгой Грачевой. Образовался наш дуэт, наше творческое содружество. И со временем этот дуэт перерос в семью.

– В курском колледже вы учились с 2008 по 2012 год. Какие события этого времени вам больше всего запомнились?

– Годы учебы разбудили страсть к музыке. Сначала она проявлялась в огромном желании повторять, копировать своих учителей, других успешных музыкантов-кларнетистов. Затем стали появляться мысли о том, как я могу достичь своего, «особого» звучания, проявить свою индивидуальность как кларнетист.

На гитаре и бас-гитаре я тоже с удовольствием играл. Еще во время учебы в Курске стал саксофон

осваивать. Но все-таки главным моим инструментом в те годы был именно кларнет.

Уже на втором курсе обучения в колледже мне предложили выступать в качестве солиста с духовым оркестром нашего учебного заведения. Это была большая честь и одновременно большая награда, которая воодушевила на продолжение работы над собой. Было много концертов, которые запомнились на всю жизнь. Когда я учился на третьем курсе, меня направили в Прагу, где проходил Международный конкурс незрячих музыкантов имени Луи Брайля. Я исполнил «Концертино» Карло Вебера, был отмечен третьей премией этого конкурса. Также на третьем курсе, в 2011 году, я участвовал в фестивале «Шаг навстречу» в Санкт-Петербурге. Выступал в Большом зале Филармонии. Это было мое первое выступление в качестве солиста в сопровождении симфонического оркестра. Яркий, незабываемый опыт! А в 2012 году, незадолго до окончания учебы, участвовал в концерте нашего колледжа-интерната на Поклонной горе в Москве.

– Почему после окончания Курского музыкального колледжа-интерната слепых вы решили продолжить обучение в Воронежском государственном институте искусств?

– Воронежский государственный институт искусств в течение многих лет сотрудничает с Кур-

На сцене –
Good Company

ским музыкальным колледжем-интернатом. Профессора и преподаватели из Воронежа хорошо знают наших студентов. Поэтому мы с Ольгой были уверены, что в этом институте нас примут доброжелательно. И не ошиблись.

В Воронеже мы много учились и много работали. В октябре 2013 года состоялась наша свадьба. Кроме того, именно в Воронеже родилось название нашего дуэта «КЛАРИНО».

– Дуэт «КЛАРИНО» известен любителям музыки в первую очередь как джазовый коллектив. Вы неоднократно принимали участие в джазовых фестивалях, часто выступаете в джазовых клубах. Почему выбрали именно джаз?

– «КЛАРИНО» играет не только джазовую музыку. У нас есть и программы классической музыки, в том числе старинной. И с эстрадными композициями мы выступаем.

Джаз – это удивительные ритмы, это чувство свободы, раскрепощенности, полета, которое от музыкантов передается слушателям. Я бы обратил внимание еще на один аспект джазовой музыки: ее узнаваемость.

– Что вы имеете в виду?

– Можно провести такой любопытный эксперимент: на улице любого города останавливать случайных прохожих, давать им послушать джазовые композиции и задавать простой вопрос: «Какой это музыкальный жанр?» И почти все скажут, что речь идет именно о джазе. Его не спутают ни с классической музыкой, ни с эстрадой, ни с роком, ни с шансоном. Согласитесь, это уже немало!

– Почему вы с Ольгой решили переехать в Санкт-Петербург?

– В Петербурге, конечно, больше возможностей для профессиональной реализации. Мы стали преподавать в Охтинском центре эстетического воспитания. Одновременно принимаем участие в нескольких музыкальных проектах.

– В 2019 году, сразу после переезда в Санкт-Петербург, вы стали одним из создателей и участником музыкальной группы Good Company. Так же как и дуэт «КЛАРИНО», ваш новый коллектив много внимания уделяет джазу, но исполняет и музыку других жанров.

– Мы с Ольгой с удовольствием продолжаем выступать дуэтом, но для меня создание Good Company – это новый жизненный этап, возможность развиваться. Да, концепция Good Company не предполагает игру на кларнете во время выступлений. Зато у меня есть возможность поиграть на саксофоне.

Думаю, потенциалы саксофона и кларнета дополняют друг друга. Кто-то услышит в звучании кларнета больше теплоты и нежности, а в звуках саксофона – больше страсти и раскрепощенности.

– Отличается ли атмосфера в зале на джазовых концертах и на концертах классической музыки?

– На любом концерте, если он прошел успешно, ощущается единение публики и зала. Но у джазовых концертов есть свои особые традиции. Например, на джазовом концерте зрители могут начать хлопать прямо во время исполнения музыкального произведения. Это нормальная ситуация!

Обычно так происходит, когда исполняется какая-либо сольная партия: на кларнете, саксофоне или трубе. Тогда могут раздаться не только аплодисменты, но даже одобрительные крики.

– Три года назад в вашей жизни появился новый проект: вместе с супругой вы стали координаторами музыкальных классов в школе-интернате для незрячих и слабовидящих детей в поселке Мга Кировского района Ленинградской области.

– В Мгинской школе-интернате учатся около 300 детей с нарушениями зрения. В настоящее время 40 мальчиков и девочек 9–14 лет посещают музыкальные классы. Хотя официально речь идет о «музыкальных классах», но фактически в Мге создана полноценная музыкальная школа.

У этой небольшой, камерной школы нет «директора». Мы с Ольгой на равных берем на себя функции координаторов проекта, общаясь и с педагогами, и с учащимися, и с администрацией учебного заведения.

В детстве и юношестве мне не хватало систематического музыкального образования. А сейчас учащиеся Мгинской школы могут такое образование получить. Возможно, кто-то из них захочет стать профессиональным музыкантом, а другие предпочтут играть на музыкальном инструменте в качестве хобби, радовать своих друзей и близких как участники музыкальных ансамблей, аккомпаниаторы, вокалисты.

– Сергей Анатольевич, ваша увлеченность музыкой становится понятна еще до того, как вы начинаете играть... Нельзя не заметить, с каким

трепетом вы берете в руки инструмент, на котором играете.

– У каждого исполнителя существует особая связь с музыкальным инструментом, на котором он играет. Во время игры – и на концертах, и на репетициях – инструмент как будто превращается в живое существо, начинает вести диалог с музыкантом.

Я играю на кларнете, который был изготовлен из черного дерева во Франции в начале XX века. Знаю, что за прошедшие годы металлическую фурнитуру на инструменте меняли уже два раза. Но главное в кларнете – это не фурнитура, а деревянная основа. А дерево с годами звучит только лучше! Не берусь подсчитать, сколько музыкантов играли на этом кларнете за прошедшие сто с лишним лет.

Для высококачественного инструмента столетие – это только юность! Уверен, в ближайшие столетия на этом кларнете будут играть новые поколения музыкантов, которые еще не родились... Как же я могу брать в руки этот кларнет без трепета и уважения?

– Сергей Анатольевич, к чему вы стремитесь? Чего хотели бы достичь?

– Мне больше нравится говорить о том, что уже сделано, а не делиться планами. Но в любом случае прежде всего хочется двигаться вперед, быть нужным и полезным своим родным и близким, своим ученикам, своим слушателям. А всем читателям журнала «Русский мир.ru» я хочу искренне пожелать больше слушать музыку в живом исполнении. Самая великолепная запись на любом носителе никогда не заменит живого концерта! 🎶

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 973-Й

Недолгое княжение Ярополка в Киеве очень скудно освещено древнейшими русскими источниками. Показательно, что о важнейшем из внешнеполитических предприятий Ярополка мы узнаём от иностранного автора – немецкого хрониста XI века Ламперта Херсфельдского.

Из «Анналов» Ламперта:

«...973 [год]. Император Оттон Старший вместе с младшим (будущим Оттоном II. – Прим. авт.) прибыл в Кведлинбург и там 23 марта отпраздновал святую Пасху. Туда же прибыли послы многих народов, именно: римлян, греков, беневентанцев, итальянцев, венгров, данов, славян, болгар и руси с великими дарами». (Перевод А.В. Назаренко)

Съезд в Кведлинбурге, на котором присутствовали послы, – событие очень важное в германской истории. Он должен был продемонстрировать могущество возродившейся Западной империи, которую вынуждена была признать Византия. Очевидно, послы «руси» отправились в путь не позднее конца зимы 972/73 года – то есть менее чем через год после получения в Киеве известия о гибели Святослава. Это первый самостоятельный шаг правительства Ярополка, и шаг этот говорит о многом. Ярополк был старшим среди Святославичей и, вероятно, наиболее близким Ольге, наиболее подверженным ее влиянию. И своих послов он направил ровно по тому же маршруту, по какому это сделала Ольга четырнадцать лет назад, – в Германию, к императору Оттону.

Участие в праздновании христианской Пасхи свидетельствует о том, что представители Руси были настроены благожелательно по отношению к христианской вере, а скорее всего, и сами являлись христианами.

Можно думать, что христианство не было пустым звуком и для Ярополка. Сам он так и не принял христианство (его кости были крещены лишь посмертно, в 1044 году). Но, возможно, намеревался это сделать? Кстати сказать, христианское влияние князь ощущал постоянно – в своей собственной опочивальне. Христианкой была его жена – некая гречанка, бывшая прежде монахиней и попавшая в плен к русам во время балканской войны Святослава. По словам летописи, ее привез в Киев, предназначив в жены своему сыну, сам Святослав, «красоты ради лица ее».

Так Русь сделала новый поворот в отношении к христианству, вернувшись от резкого неприятия при Святославе к благожелательному отношению при его старшем сыне.

Большинство историков сходятся на том, что Русь стояла перед выбором веры еще в 70-е годы X века – за полтора десятилетия до крещения Владимира. Но вот очередной парадокс истории: в начавшейся вскоре войне между Ярополком и Владимиром победу одержит Владимир – будущий Креститель Руси, а в то время ярый язычник и ненавистник христианства. И языческая реакция в Киеве вновь возторжествует. Что ж, такое в истории случается нередко...

ГОД 975-Й

Из «Повести временных лет»: «В лето 975. Охотился Свенельдич, именем Лют: вышел из Киева и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, заехав, убил его Олег, ибо сам охотился. И оттого началась ненависть между Ярополком и Олегом...»

Летопись, конечно, лучше нас оценивает значимость каждого события – даже на первый взгляд незначительного. Эта встреча и последовавшее за ней убийство сыграли огромную роль в истории Древнерусского государства и привели к совершенно непредсказуемым и трагическим последствиям.

В глазах человека того времени поступок Олега был оправдан. Древлянская земля, куда в поисках охотничьих угодий забрался Свенельдов сын, принадлежала ему. Появление там чужака без его на то воли могло рассматриваться как посягательство на его власть.

Князь Олег Святославич убивает на охоте Люта Свенельдича. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

Замок и церковь в Кведлинбурге

Тем более что речь шла об охоте на зверя – исконно княжеском занятии. Получалось, что Лют ставил себя в княжеское достоинство, вел себя как равный Олегу. Еще важнее то, чьим сыном был Лют. Напомню, незадолго до своей смерти князь Игорь Старый вручил Свенельду «древлянскую дань». Дарение Игоря не могло быть забыто. Более того, по давности лет оно значило едва ли не больше, чем завещание самого Святослава, посадившего «в Древлянах» Олега. Не посчитали ли Свенельд и Лют, что пришло время вернуть себе законные права? Или, может быть, сын действовал независимо от своего родителя? Так или иначе, но после его убийства Свенельду предстояло отомстить за сына.

«...И говорил всегда Ярополку Свенельд: «Пойди на брата своего и заberi волость его», хотя отомстить за сына своего».

ГОД 977-Й

Из «Повести временных лет»: «Пошел Ярополк на Олега, брата своего, на Древлянскую землю. И вышел Олег против него, и исполнились оба. Сразились полки, и победил Ярополк Олега. Олег же побегал с воинами своими в град, называемый Вручий...»

Подобный исход, наверное, был предопределен. За Ярополком стоял Киев, сильнейший и в людском, и в экономическом отношении город Южной Руси. Но то, что произошло дальше, вряд ли входило в расчеты киевского князя.

«...Был через ров перекинут мост к воротам градским, и люди, теснясь, спихивали друг друга в ров. И спихнули Олега с моста в ров. Пали многие люди, и давили кони людей».

Несколько иную версию случившейся трагедии приводит «Память и похвала князю Русскому Владимиру» Иакова мниха – памятник XI века:

«...У Вруча града мост обломил-ся с воями, и удавили Олега в гребли (во рву. – Прим. авт.).»

Но продолжим рассказ «Повести временных лет».

«И вошел Ярополк во град Олев, забрав власть его, и послал искать брата своего. И искали его, [но] не нашли.

И сказал один древлянин:

– Я видел, как вчера столкнули его с моста.

И послал Ярополк искать брата, и вытаскивали трупы из рва с утра и до полудня, и нашли Олега под трупами. Вынесли, положили его на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду:

– Смотри! Этого ты хотел!

И похоронили Олега на месте у города Вручего, и есть могила его и до сего дня у Вручего.

И переял власть его Ярополк...».

Так Свенельд добился своего. Убийца его сына принял мучительную и к тому же бесславную смерть. Между прочим, это последнее упоминание Свенельда в летописи. Как поступил с ним Ярополк, нам неизвестно. Знаем лишь, что место Свенельда при князе занял другой воевода – с «говорящим» именем Блуд. Но ценой отмищения стала не только жизнь князя Олега и даже не только жизнь по крайней мере десятков людей, погибших во время вручевской трагедии, но и устойчивость всего порядка, сложившегося на Руси после Святослава.

Законными наследниками отцовской власти выступали сообща все трое Святославичей. По завещанию отца, Русская земля – хоть и формально, в некоем несбыточном идеале – была их совместным владением. Смерть, причем насильственная, одного из братьев нарушала устойчивость положения обоих оставшихся, ставила под сомнение их «легитимность», как бы мы выразились сейчас. Это хорошо должен был понимать третий из братьев, Владимир, княживший в Новгороде.

Оплакивание и погребение князя Олега Святославича у города Овруча (Вручего). Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

И он в страхе бежал – ибо не знал намерений старшего брата и боялся его.

«...Владимир же в Новгороде, услышав, что Ярополк убил Олега, испугавшись, бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде, один владея в Руси».

Заметим, «Русь» здесь – достояние Святославичей, главным образом Поднепровье и Новгород, а не вся территория Древнерусского государства, значительная часть которого не входила в состав их владений.

В том же, 977 году или в начале следующего, 978-го Владимир вернулся в Новгород с варяжской дружиной и изгнал из города посадников Ярополка.

«И сказал посадникам Ярополчим:

– Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, пристраивайся

(то есть готовься, выступай. –

Прим. авт.) биться».

И сел [княжить] в Новгороде».

Так на Руси началась новая, в полном смысле этого слова братоубийственная война.

Полагают несомненным, что Владимир бежал из Новгорода в Скандинавию. Действительно, в составе его дружины мы увидим скандинавов. Имена некоторых из них – Сигурд, Олав – известны нам из скандинавской Саги об Олаве Трюггвасоне, в которой рассказывается о пребывании будущего норвежского короля в Хольмгарде (Новгороде), при дворе «конунга Вальдамара» (князя Владимира). В саге, вероятно, описывается именно тот период княжения Владимира, когда он вернулся в Новгород с варяжской дружиной.

Викинги и в самом деле были грозной силой. В те времена перед ними трепетала вся Европа – от Англии на севере до Италии на юге, от мирных обитателей приморских и приречных селений до владетельных монархов. Да и на Руси на протяжении более чем полутора столетий (до Ливенской битвы 1024 года, в которой один из сыновей Владимира, Мстислав, разгромил варяжскую дружину своего брата Ярослава) тот из русских князей, у кого в войске оказывалось больше варягов, неизменно одерживал верх над своим противником.

Но набрать варягов на службу можно было не только в Сканди-

Княжеская печать Ярополка Святославича

навии, но и по всей Прибалтике – от Померании (Поморья) до Старой Ладogi (Альдейгюборга скандинавских саг) – наиболее оживленной контактной зоны между Скандинавией и Русью. Отметим также, что скандинавские саги ни словом не упоминают о пребывании «Вальдамара Старого» в Швеции или Норвегии. Да и выражение «за морем» к землям за Ладогой вполне подходило. И еще о датах. О вручевской трагедии и бегстве Владимира летопись рассказывает под 977 годом. При этом предшествующая летописная статья и две следующие оставлены пустыми. Возвращение же Владимира в Новгород и его война с Ярополком датированы 980 годом.

Но здесь мы вновь сталкиваемся с условностью летописных дат. Причем на этот раз мы можем говорить об этом с уверенностью, ибо в нашем распоряжении имеется еще один источник – «Память и похвала князю Русскому Владимиру», написанная неким Иаковом мнихом (то есть монахом), вероятно, в XI веке. В ее составе читается текст, который исследователи называют «древнейшим житием» князя Владимира. Составитель «древнейшего жития», в свою очередь, использовал какие-то несохранивши-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Меч и горшки – погребальный инвентарь. X век. Гнёздово. Государственный исторический музей (ГИМ)

ся источники, более древние, чем «Повесть временных лет». Из одного из них была извлечена точная дата вокняжения Владимира в Киеве – 11 июня 6486 (978) года. Учитывая относительность датировок ранних статей «Повести временных лет» и древность того источника, которым пользовался составитель «древнейшего жития», ученые признают дату «Памяти и похвалы» Иакова мниха более достоверной, нежели летописная.

Река Волхов и Староладожская крепость (Климентовская и Воротная башни) в городе Старая Ладога

Следовательно, делают вывод историки, события, о которых летопись рассказывает под 980 годом, в действительности происходили на два года раньше.

Началась же война между братьями с поисков возможного союзника. Таковым и для Ярополка, и для Владимира мог стать Рогволод, княживший в Полоцке. По словам летописца, этот князь «пришел из-за моря» и был независим и от Киева, и от Новгорода – по крайней мере со времен Святослава.

Однако чисто политический сюжет оказался осложнен некой романтической историей, главной героиней которой стала дочь Рогволода – красавица Рогнеда. К ней почти одновременно посватались оба князя – и Ярополк, и Владимир.

ГОД 978-Й

Из «Повести временных лет»: «...И послал [Владимир] к Рогволоду в Полоцк с такими словами: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же отвечала: «Не хочу розуть робичича¹, но Ярополка хочу» («В то же время хотели Рогнеду вести за Ярополка», – добавляет чуть ниже летописец. – Прим. авт.)... И вернулись отроки Владимировы, и поведали ему всю речь Рогнедину...»

Это был отказ, означавший не только личный выбор гордой княжны, но и политический выбор ее отца, полоцкого князя. Прозвучал же этот отказ крайне оскорбительно для Владимира, напоминая всем о происхождении его матери, Ольгиной «робы» Малуши.

Оскорбленным счел себя и дядя Владимира Добрыня, брат Малуши. Обиду надлежало смыть кро-

¹ «Розуть» – то есть вступить в брак: по обычаю, невеста снимала обувь со своего супруга, тем самым признавая его власть над собой.

вью самих обидчиков. Решиться на это было тем проще, что ко времени переговоров с Полоцком Новгород в основном уже подготовился к войне. К набранному «за морем» варягам присоединились дружины из самого Новгорода и подвластных или союзных Новгороду земель.

«Владимир же собрал воинов многих: варягов и словен, чудь и кривичей, и пошел на Рогволода... И пришел Владимир к Полоцку, и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял себе в жены. И пошел на Ярополка...».

Подробнее о жестокой расправе с полоцким княжеским семейством и о судьбе Рогнеды рассказывает Лаврентьевская летопись, в которой под 1128 годом записано предание о полоцких князьях. Главную роль в событиях, разыгравшихся в Полоцке, этот рассказ отводит Добрыне. Именно он, охваченный яростью, повелевает войскам двинуться на Полоцк.

«...И был у него (у Владимира. – Прим. авт.) Добрыня, [дядя его], воевода, муж храбр и распорядителен... И исполнился ярости (Добрыня. – Прим. авт.). И собрали войска, и пошли на Полоцк. И победили (Добрыня и Владимир. – Прим. авт.) Рогволода. Рогволод же вбежал в город. И приступили к городу, и взяли город, и самого [князя Рогволода] схватили, и жену его, и дочь его. И поносил Добрыня Рогволода и дочь его, и нарек ее робичицей, и повелел Владимиру быть с нею пред отцом и матерью. Потом отца ее убил, а саму (Владимир. – Прим. авт.) взял в жены. И нарекли ей имя – Горислава...».

Так кровью и слезами завершилось сватовство Владимира. О том, насколько впечаталась в память потомков полоцкая кровавая свадьба, свидетельствует тот факт, что даже в церковно-историческое сочинение – «Успе-

Бирка с надписью и изображением меча. XI век. Через отверстие цилиндра пропускалась веревка, скреплявшая горловину мешка с товаром или данью. Знак в виде меча означал собственность сборщика налогов. Музей письменности. Великий Новгород

Среди современных реконструкторов популярна тема викингов. Московский фестиваль «Времена и эпохи», реконструкторы из Дании

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Итак, Полоцк был взят и, судя по археологическим данным, полностью разрушен. Это резко изменило соотношение сил в борьбе между братьями. Подавленный неблагоприятным для него стечением обстоятельств, Ярополк не решился выступить против брата и затворился в Киеве. Началась осада, всегда гнетущая действующая на осажденных, ибо бездеятельность, помноженная на видимую взору силу врага, порождает безысходность и отчаяние.

Из «Повести временных лет»: «...И пришел Владимир к Киеву со многими воинами. И не смог Ярополк выступить против, и затворился в Киеве с людьми своими и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись на Дорогожиче, – между Дорогожичем и Капичем. И есть ров тот и до сего дня».

ние равного апостолам великого князя Владимира самодержца», в повествование о крещении князя и взятии им греческого города Корсуни (центральный эпизод всего Жития Крестителя Руси!) – вошел вымышленный рассказ о том, как Владимир сначала послал сватов к корсунскому князю, а затем, оскорбленный отказом, обесчестил корсунскую княжну на глазах князя и княгини.

Дорогожичи – пригород Киева, к северо-западу от самого города, несколько выше по течению Днепра. Сюда сходились пути, шедшие из Чернигова и Вышгорода. И позднее, уже во времена удельной Руси, именно у Дорогожича останавливались князья, искавшие «златого» киевского стола. Тут часто случались сражения. «Кровью политой» называл летописец здешнюю землю. «Капичь» же – капище, языческое

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

не веля ему выходить из города на битву. Говорил же, обманывая, Блуд Ярополку: «Киевляне ссылаются с Владимиром. Велят ему: «Приступай к городу, предадим тебе Ярополка». Беги из города». И послушал его Ярополк, и бежал [из Киева], и затворился в городе Родне, что в устье реки Рось, а Владимир вступил в Киев. И осадил [Владимир] Ярополка в Родне, и был в городе великий голод, так что осталась поговорка до сего дня: «Беда, аки в Родне».

«Беда, аки в Родне» – это, вероятно, лишь часть поговорки, не до конца раскрывающая ее подлинный смысл. «Беда аки в Родне: брат брата убил» – именно так передают ее более поздние летописцы, обыгрывая еще и название города, в котором произошла трагедия.

Родень, или Родня, – старая славянская крепость в устье реки Рось, правого притока Днепра. Выбор этого города как укрытия труднообъясним. Вероятно, Ярополк оказался здесь случайно, внезапно застигнутый на пути своими преследователями. В таком случае, куда он намеревался бежать? За Родней простирались уже чужие земли – ниже по Днепру, за порогами, начинались владения печенегов. Возможно, киевский князь направлялся именно к печенегам, с которыми был связан договором. О том, что такая вероятность существовала, свидетельствует та же «Повесть временных лет». В конце роденской осады Варяжко, еще один воевода Ярополка, единственный оставшийся верным своему князю, прямо призывал его: «Беги, княже, в Печенежскую землю. Приведешь воевод оттуда». Но достичь Печенегии Ярополку было не суждено. Иаков мних называет точную дату вокняжения Владимира в Киеве – 11 июня 978 года. Возможно, это дата гибели Ярополка.

Оставшиеся без Ярополка киевляне сами отворили город и

святилище, располагавшееся уже близ самой киевской крепости. Киев был хорошо укреплен. Сам город возвышался на Старокиевской горе, господствующей над округой. Надо заметить, что древнейшая киевская крепость имела незначительные размеры, занимая лишь небольшой северо-западный угол будущего «города Владимира», примерно в 2 гектара. Все это облегчало защитникам города возможность обороняться, тем более что оружия и припасов у них было в достатке. Но Владимир и Добрыня сделали ставку не на лобовой приступ и даже не на взятие города измором, а на другой, более действенный способ овладения городом.

«Владимир же послал к Блуду, воеводе Ярополкову, говоря с лестью:

– Поприятствуй мне! Если убью брата своего, то хочу иметь тебя вместо отца, и многу честь примешь от меня. Не я ведь начал братию убивать, но он! Я же, убоявшись того, пошел на него. И отвечал Блуд послам Владимиром:
– Буду в любви с тобой и в приятии!..»

Блуд постоянно пересылался с Владимиром, ставя его в известность обо всем, что происходило в Киеве. И он же давал

советы Владимиру, как ему надлежит действовать, призывал пойти на приступ, обещая свою помощь. Владимир с Добрыней, однако, не решились на это. И оказались правы: Ярополк сам шел к ним в руки.

Блуд искал удобного случая убить князя, рассказывает летопись. Но сделать это в самом Киеве было затруднительно: Ярополка постоянно окружала дружина, в большинстве своем лично преданная ему. И Блуд сумел добиться того, что Ярополк покинул Киев. Получается, что воевода проявил завидную изворотливость и, по существу, открыл князю заговор, во главе которого стоял сам.

«...Блуд же не мог никак погубить его (Ярополка. – Прим. авт.) и замыслил обман,

Вид на Рюриково городище. Здесь в течение многих веков находилась «резиденция» русских князей

Крышка с надписью («Трифон»?]. XI–XIV века. Музей письменности. Великий Новгород

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

встретили Владимира как своего князя, с поклоном. Но война еще не была завершена. Родня, в отличие от Киева, не была подготовлена к длительной войне; запасов, достаточных для князя и его дружины, в городе не хватало. Этим опять же воспользовался предатель Блуд.

«Сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам не перебороть их. Заключай мир с братом своим». Говорил же так Блуд, обманывая князя. И согласился с ним Ярополк: «Так будет». И послал Блуд к Владимиру: «Сбылась-де мечта твоя. Веду к тебе Ярополка. Приготовься убить его».

Услыхав то, Владимир вошел в теремной двор отцовский... сел тут с воинами и с дружиной своей. И сказал Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты ни дашь мне, все я приму». Ярополк же пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, княже! Убьют тебя. Беги к печенегам, приведешь воинов!» И не послушался Ярополк, и пришел к Владимиру. И когда входил в двери, подняли его два варяга мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал пройти своим. И так убит был Ярополк. [Варяжко же, увидев, что Ярополк убит], бежал со двора к печенегам и [много воевал против Владимира с печенегами]. И едва примирился с ним Владимир, дав ему клятву.

Владимир же залежал жену брата, грекиню, а была она непраздна: родился у нее Святополк. От греховного корени зол плод бывает... Потому и не любил отец Святополка, что был от двух отцов – от Ярополка и от Владимира».

Как сложилась судьба изменника Блуда, мы достоверно не знаем. Согласно новгородской летописной традиции, Блуд был «дядькой» и воеводой князя Ярослава Новгородского, сына Владимира. Если доверять этим

Убийство князя Ярополка Святославича. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV век

известиям, то надо признать, что Владимир выполнил свои обещания, сделав Блуда «кормильцем» одного из своих сыновей. Но в «Повести временных лет» место Блуда занимает другой воевода – некий Буды, и вряд ли это имя – результат ошибки летописца. Скорее, наоборот: позднейший книжник заменил непонятное ему имя Буды на хорошо известное и ставшее едва ли не нарицательным имя Блуд. Совсем другое известие о Блуде читаем в «Истории Российской» В.Н. Татищева:

«Блуд же, изменник Ярополков, принял от Владимира великую честь и возносился три дня, потом убиен бысть от Владимира, тако глаголя ему: «Я тебе, по обещанию моему, честь воздал, яко приятелю, а сужу, яко изменника и убийцу государя своего».

Но достоверность и этого известия также вызывает сомнения.

Так с помощью подкупа и обмана и благодаря братоубийству Владимир стал киевским князем. Можно с уверенностью сказать, что если бы он умер спустя несколько лет после своего вокняжения в Киеве, то остался бы в нашей памяти лишь клятвопреступником и злодеем. Ибо все, что он сделал на пути к власти, выходило за рамки обычного даже применительно к его жестокому веку. Надругательство над невестой и целая череда убийств, прямое предательство, а затем и клятвопреступление. Но последнее его злодеяние перевешивало остальные. Владимир вошел в русскую историю как первый известный нам братоубийца. По крайней мере, именно таким изображает его летопись. Ибо, в отличие от Ярополка, тоже ставшего виновником смерти брата, Владимир убил родного брата намеренно, расчетливо, тщательно подготовив свое преступление. Ну а что с варяжским войском, нанятым Владимиром? Здесь

Спекшиеся предметы вооружения из кургана Черная могила – мечи, сабля, наконечники копий, стрема. Конец X века. Чернигов. ГИМ

Украшения
славянского
женского
наряда –
височные
кольца.
IX–XII века.
ГИМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

как раз Владимир (наверное, тоже с подачи Добрыни) показал себя весьма дальновидным политиком.

Правители, пришедшие к власти силой оружия, находятся в известной зависимости от тех, на чье оружие они вынуждены опереться. Владимир был обязан победой иноземцам. Теперь те требовали для себя законной и, наверное, заранее оговоренной награды.

«...Сказали варяги Владимиру: «Се град наш, хотим выкуп с горожан взять – по две гривны от человека». И отвечал им Владимир: «Подождите с месяц, пока люди не соберут куны». И ждали месяц, и не за-

платил им [Владимир]. И сказали варяги: «Обманул ты нас. Покажи нам путь в Греки». Он же отвечал им: «Идите». И выбрал среди них мужей добрых, разумных и храбрых, и раздал им города; прочие же пошли к Царьграду, в Греческую землю. И послал [Владимир] перед ними послов, так говоря царю: «Вот идут к тебе варяги. Не смей держать их в Городе (то есть в Константинополе. – Прим. авт.), не то сотворят тебе зло – такое же, как и здесь. Но разошли их по разным местам, а сюда не пускай ни единого!»

Как видим, князь сумел внести раскол в ряды наемников, сделав ставку на «добрых» и «разум-

Скандинавский
боевой корабль
типа драккар.
IX–XI века.
Реконструкция.
Псковский
государственный
музей-
заповедник

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ных» («смысленных») среди них. Остальных же прельстил заманчивой перспективой обогащения в далекой Византии. Он обещал им «указать» туда путь, снабдить проводниками и припасами, а главное, сослаться по их поводу с византийскими императорами. Предполагалось, что в Византии варяги либо наймутся на службу к василевсам, всегда нуждавшимся в воинах, либо силой добудут себе такие богатства, которых в Киеве просто не было.

«Смысленные» же мужи становились теперь его воеводами и наместниками в городах и землях Руси. Нам известно имя лишь одного такого наместника, причем вовсе не из числа пришлых варягов. Это все тот же Добрыня, дядя Владимира, посаженный править Новгородом. Добрыня и позже будет участвовать в важнейших военных походах своего племянника в качестве воеводы и первого советчика. Но постоянная опека с его стороны, видимо, начинала утомлять Владимира.

Рассказ об избавлении Киева от варягов не до конца ясен. В летописи он несет на себе черты фольклорного сказания: в нем, как и в других сказаниях такого типа, прославляется хитрость Владимира, сумевшего обмануть корыстолюбивых чужеземцев. Но в то же время речь, очевидно, идет о вполне конкретном и весьма важном политическом шаге – посольстве в Византию, переговорах с Константинополем и оказании военной помощи империи путем отправки туда крупного воинского корпуса.

О переговорах Владимира с византийскими императорами и о прибытии в империю военного контингента из Руси сообщают и иностранные источники. Но они датируют эти переговоры более поздним временем – 986–987 годами – и связывают их с крещением русского князя. Об обстоятельствах и последствиях русско-византийских переговоров мы будем говорить под соответствующими годами. ■

Портрет графини Марии
Дмитриевны Нессельроде.
1825 год. Раскрашенная
литография по оригиналу
А.П. Брюллова

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЖЕНА

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ЛЮДИ РАСКРЫВАЮТСЯ В ПИСЬМАХ, НАПИСАННЫХ БЛИЗКИМ И ДРУЗЬЯМ. МАРИЯ ДМИТРИЕВНА И КАРЛ ВАСИЛЬЕВИЧ НЕССЕЛЬРОДЕ, НЕСМОТРА НА ТО, ЧТО БЫЛИ СУПРУГАМИ, НАХОДИЛИСЬ В ПОСТОЯННОЙ ПЕРЕПИСКЕ – ВЕДЬ ОНИ ЧАСТО БЫВАЛИ В РАЗЪЕЗДАХ. ЭТО БЫЛО СВЯЗАНО НЕ ТОЛЬКО СО СЛУЖЕБНЫМИ ДЕЛАМИ КАРЛА ВАСИЛЬЕВИЧА, НО И С ДОЛГИМИ РАЗДЕЛЬНЫМИ ПУТЕШЕСТВИЯМИ МУЖА И ЖЕНЫ ПО ЕВРОПЕ. В ТО ВРЕМЯ ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЯЖИ, ОСОБЕННО ЛЕЧЕНИЕ НА ВОДАХ, ВХОДЯТ В МОДУ У РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ. ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО ПАРОХОДНОЕ СООБЩЕНИЕ ИЗ КРОНШТАДТА В ЛЮБЕК ИЛИ ШТЕТТИН СУЩЕСТВЕННО ОБЛЕГЧАЛО И УСКОРЯЛО ПУТЬ, ЗАНИМАВШИЙ ПРИМЕРНО НЕДЕЛЮ.

Н АПОЛЕОНОВСКИЕ войны закончились. В 1816 году граф Нессельроде вместе с Иоанном Каподистрией стали статс-секретарями Министерства иностранных дел. Началась мирная жизнь, а вместе с ней и путешествия.

Карл Васильевич, пунктуальный во всем, с немецкой педантичностью сумевший навести порядок в работе вверенного ему министерства, любил и умел отдыхать. Отпуска Нессельроде отличались от кратковременных отлучек его подчиненных – он мог себе позволить отсутствовать на протяжении нескольких летних месяцев. Несмотря на то, что здоровья граф был отменного и страдал лишь подагрой, на лечении в Карлсбаде (ныне – Карловы Вары) или Киссингене он бывал регулярно.

Мария Дмитриевна, под стать супругу, тоже любила отдыхать подолгу. 3 апреля 1818 года Карл Васильевич писал своему коллеге и другу графу Шарлю-Андре Поццо ди Борго, в 1814–1834 годах занимавшему пост посла России во Франции, о планах Марии Дмитриевны на отпуск: «Моя жена тоже планирует совершить длительное путешествие. Ее здоровье настоятельно требует оказаться на водах Карлсбада. Она туда собирается в мае. Зимой планирует провести в Италии и вернуться сюда летом 1819 года». Отдыхая порознь, Мария Дмитриевна и Карл Васильевич непременно информировали друг друга об увиденном и услышанном. Когда Мария Дмитриевна находилась на отдыхе, она сообщала мужу о важнейших европейских событиях; если муж был в Европе по долгу службы или на отдыхе – она сообщала ему все важные новости из России. Ее письма содержат глубокий анализ событий, свидетельницей которых она являлась, и прекрасные портреты людей, с которыми она виделась. А это были представители европейской политической элиты.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ш. Эйнар. Посмертный портрет
Жана-Габриэля Эйнара

Кроме того, Марии Дмитриевне часто писали влиятельные политики и дипломаты с просьбой довести содержание их корреспонденций до графа Нессельроде. К примеру, когда Карл Васильевич бывал в отпуске, так поступал российский дипломат Адам Фаддеевич Матушевич или французский эллинофил Жан-Габриэль Эйнар, информировавший графиню Нессельроде о событиях в Париже и греческих делах. Но из этого вовсе не следует, что Мария Дмитриевна оказывала влияние на принятие мужем политических решений, как порой писали о том современники. Так, баварский дипломат Оттон де Брэ отмечал, что граф Нес-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

сельроде, «полагаясь на здравый ум графини <...> имеет обыкновение не только беседовать с нею о делах политики, но, как говорят, зачастую советуется с нею». Сама Мария Дмитриевна отрицала свое политическое влияние на мужа, о чем писала, например, 4 апреля 1844 года сыну: «Ты же знаешь, твой отец не имеет привычки особо распространяться со мной на темы подобного рода». В данном случае речь шла о визите императора Николая Павловича в Лондон, который граф

Граф Дмитрий
Карлович фон
Нессельроде.
1841 год.
Акварельный
портрет

Карлсбад,
Эгерштрассе.
Литография
1830 года

Нессельроде одобрял, а Мария Дмитриевна – нет. Она вовсе не подчинила себе мужа, скорее, она лишь делилась информацией и высказывала свое мнение. Предпочитая модные – как правило, немецкие и английские – курорты, Мария Дмитриевна любила отдых активный, наполненный общением и встречами. Отдых для нее являлся, скорее, продолжением «работы» по сбору информации. В те годы начали входить в моду морские купания – английское новшество, введенное королем Великобритании Георгом IV. 18 августа 1829 года графиня Нессельроде сообщала сыну Дмитрию из французского Дьеппа: «Я иду на пляж, чтобы посмотреть на купающихся дам, и присутствую при очень комичных сценах; дети тут визжат как резанные поросята. Сегодня я посетила также баню герцогини Беррийской (Мария-Каролина Беррийская, вдова герцога Беррийского, сына французского короля Карла X, и мать герцога Бордоского, наследника трона Бурбонов. – Прим. авт.), которая ее принимала вместе с остальными страждущими. Все время играла музыка, а неподалеку находился корабль, давший двадцать один пушечный залп. Все это я могу наблюдать каждый день, но мне и одного раза хватило».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Однако через год всем стало не до развлечений: Европу вновь накрыла революционная волна. Июльская революция 1830 года во Франции стала катализатором революционного движения общеевропейского масштаба. После Июльской революции отношения между Россией и Францией стали весьма напряженными: император Николай I негативно воспринимал рожденный на баррикадах режим короля Луи-Филиппа Орлеанского. Соответственно, контакты между двумя странами были ограничены, а император Николай Павлович и вовсе был против того, чтобы его подданные, тем более высокопоставленные, посещали Париж и наносили официальные визиты французскому монарху. Граф Нессельроде, с 1829 года являвшийся вице-канцлером империи, а в 1845-м ставший канцлером, разумеется, поездок в Париж избегал, хотя, как отмечал его внук Анатолий, «на протяжении всей своей жизни активно интересовался тем, что происходило на берегах Сены». В 1839 году граф Нессельроде писал супруге из Бадена: «Меня здесь окружают французы, и чем больше я общаюсь с представителями этой нации, тем больше они мне нравятся. Почему же, взятые по отдельности, они очаровательны, но, объединяясь, становятся невыносимыми?» Однако если граф в Париж не ездил, то это не значит, что у него не было там личных доверенных корреспондентов.

И одним из таких бесценных корреспондентов была его собственная супруга, которая регулярно навещала французскую столицу и писала оттуда мужу обстоятельные письма, а точнее – настоящие аналитические записки о внутривосточной ситуации во Франции. Кроме того, в Париже у самой Марии Дмитриевны было немало осведомленных знакомых, и информацией, полученной от них, она щедро делилась с мужем.

Несмотря на то, что графине больше нравилась Англия (хотя

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

И. Леконт.
Июльская
революция.
Битва у ворот
Сен-Дени
в Париже
28 июля
1830 года

в свое время она находила ее скучной), Париж Мария Дмитриевна посещала часто. Вот что писала графиня Нессельроде сыну Дмитрию 9 августа 1831 года из Великобритании: «Когда тебе исполнится семнадцать лет, ты начнешь учить английский. Чтобы хорошо понимать эту страну, чтобы наслаждаться ею, надо безупречно знать язык. Тогда ты сможешь оценить то совершенство, которое царит здесь во всем, и ту стабильность, которая здесь повсеместно чувствуется; все это поистине удивительно. Только здесь есть действительно крупные собственники. Им принадлежит все, что только есть значительного, и какие это богатства!» Правда, Мария Дмитриевна сетовала на дороговизну английской жизни: «Если что меня и разочаровывает, так это то, что для жизни здесь нужно слишком много

денег <...> Ничего нельзя увидеть, не дав чаевых; я удивляюсь, как еще не платят за воздух, которым дышат!»

Во время этой поездки, перемещаясь с одного берега Ла-Манша на другой, Мария Дмитриевна встретила в Дьеппе с графом Поццо ди Борго (см.: «Русский мир.ru» №4 и 5 за 2024 год, статья «Корсиканская тень Наполеона»). Тот планировал совершить путешествие в Англию, но из-за напряженной международной ситуации, связанной с восстанием в 1831 году в царстве Польском, отказался от этой идеи. Поскольку Поццо ди Борго не испытывал большого желания оставаться в беспокойном Париже, Мария Дмитриевна, прежде весьма критически оценивавшая этого дипломата, теперь убеждала мужа, что в интересах России и в целом в интересах европейской ста-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Э. Хостейн.
Пляж в Дьеппе.
1854 год

Париж, палата
депутатов.
1850-е годы.
Литография
А.-Ж.-Б. Байо
с рисунка
Л.-Ж. Жакотте

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

бильности необходимо убедить гордого корсиканца остаться на своем посту посла империи во Франции. Она писала Карлу Васильевичу 13 сентября 1831 года: «Он очень необходим на этом месте, надо, чтобы он там остался. Он – консультант всех дипломатов; сохранить его на своем посту – значит оказать услугу всей Европе. Он так привык к своей службе, что, несмотря на отчаяние, испытываемое им при этом режиме (Июльской монархии.– **Прим. авт.**), я сомневаюсь, что он смог бы приспособиться к спокойной жизни...»

ПАРИЖСКИЕ ХРОНИКИ

Прошло девять лет, и Европу захлестнул новый кризис: на Востоке разгорелся конфликт между турецким султаном и его вассалом, пашой Египта Мухаммедом Али. В самый разгар Восточного кризиса, в ноябре 1840 года, Мария Дмитриевна оказалась в Париже и, как обычно, обо всем увиденном и услышанном информировала мужа. В столице Франции графиня Нессельроде активно интересовалась как политикой, так и светской жизнью, тем более что тогда эти сферы были тесней-

Граф Петр Петрович Пален (1777–1864), российский военный и государственный деятель, в 1835–1851 годах чрезвычайный и полномочный посол России во Франции

Ф.-П.-С. Жерар. Портрет Шарля-Андре Поццо ди Борго. 1824 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

шим образом взаимосвязаны. Эту черту очень тонко подметил князь Петр Андреевич Вяземский: высший свет и политика – «два сросшиеся сиадца». Июльская монархия ввела моду на политику, палата депутатов стала модным местом, активно посещаемым представителями и представительницами высшего света. Поэтому знаменитых людей можно было увидеть и в светских салонах и в палате депутатов, причем это были, как правило, одни и те же персоны. В палату мог попасть любой желающий, но предварительно нужно было отстоять очередь, особенно в те дни, когда должны были выступать прославленные ораторы. Еще можно было получить заветный билетик от кого-то из парламентариев или дипломатов. Заседание палат князь Вяземский называл не иначе как «утренним спектаклем».

Мария Дмитриевна, конечно, бывала в Парижской опере, где граф Петр Петрович Пален, посол России во Франции, любезно предоставил ей свою ложу, но с не меньшим энтузиазмом она посещала и заседания палаты депутатов. 26 ноября она сообщала мужу: «Я присутствовала на заседании Палаты и была до конца дискуссии по Адресу (адрес палаты депутатов в ответ на тронную речь короля. – **Прим. авт.**). Чтобы там найти место, надо было прийти в Палату в полдень, зная, что выйдешь оттуда только в шесть часов вечера». Однако, продолжала Мария Дмитриевна, «эти долгие заседания кажутся короткими, такой интерес они вызывают, и я не знаю, случались ли когда-либо еще дебаты столь же бурные, как сейчас». 28 ноября она снова пишет мужу: «С полудня до шести часов я на дебатах в Палате, которые гораздо интереснее слушать, нежели читать. Непостижимо, но там теряется даром столько времени! Лишь в два часа достопочтенные депутаты решаются занять свои места; у них вид неприлежных учеников; после каждого выступления они совершают прогулку и с шумом возвращаются на свои места».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К слову, Карл Васильевич вовсе не разделял восторгов супруги и не считал посещение палаты депутатов интересным и полезным времяпрепровождением. Своему другу и коллеге дипломату барону Петру Казимировичу Мейендорфу он писал 13 февраля 1841 года: «Я не желаю испытывать такого счастья, у меня это вызывает большую скуку. Чем старше я становлюсь, тем больше пустые слова вызывают у меня антипатию, и ничто лучше, чем дебаты во французской Палате не подтверждают того факта, что они устраиваются вовсе не для того, чтобы совершать добрые дела». Но Марию Дмитриевну политическая жизнь Франции увлекала; из политиков она особо выделяла Адольфа Тьера, только что отправленного королем в отставку. Тьер был не только ведущим политиком Июльской монархии, но и ярчайшим оратором — наряду с Пьером-Антуаном Берье, Франсуа Гизо и Альфонсом Ламартином, на выступления которых светской публике было трудно попасть. Вот как графиня Нессельроде оценивала Тьера-оратора: «Тьер говорит хорошо и очень быстро; он спокоен, но иногда взрывается; я его считаю способным увлекать своим чистосердечием и личной самоотверженностью. Нельзя сомневаться, что у него много сторонников, и возможно, он еще вернется к делам...» Эта симпатия к Тьеру не осталась незамеченной парижским светом. Например, проницательная герцогиня Доротея де Дино, одна из влиятельнейших дам эпохи, сообщала в своем «Дневнике», что графиня Нессельроде приняла у себя Адольфа Тьера и была им совершенно очарована. По словам герцогини, «зная увлекающуюся натуру мадам Нессельроде, можно понять ее восторженное отношение даже к Тьеру!» Правда, буквально через несколько дней она записала: «Держу пари, что мадам Нессельроде увлеклась Тьером только для того, чтобы составить фронду

Адольф Тьер (1797–1877), французский политический деятель и историк. Портрет 1830-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

увлечению Ливен Гизо». Как известно, княгиня Дарья Христовна Ливен (см.: «Русский мир.ru» №6–8 за 2024 год, статья «Нетитулованная королева европейской дипломатии») и известный французский политик Франсуа Гизо с 1837 года и до конца смерти Ливен в 1857-м были неразлучны, но так и не составили семейной пары. А Доротея Дино сама симпатизировала Тьеру. В целом же, как отмечала герцогиня Дино, графиня Нессельроде за полтора месяца пребывания в Париже «не была при Дворе и, соответственно, в высшем свете, вела холостяцкий образ жизни и восхищалась своим сумасбродством». И добавила: «Я не уверена, что граф Нессельроде разделяет ее восторги»,

В эти годы, в условиях напряженных отношений между Россией и Францией, положение российского посольства в Париже было весьма непростым. Если при графе Поццо ди Борго в 1814–1834 годах российское посольство было центром не только политической, но и светской жизни, то при графе Петре Палене, занимавшем этот пост с конца 1835 года, ситуация изменилась, да и финансирование посольства было существенно сокращено: для императора Николая Павловича контакты с Францией Луи-Филиппа не были приоритетными. Сам граф Пален, в условиях обострения двусторонних отношений на фоне Восточного кризиса, чувствовал себя в Париже не особенно комфортно, о чем Мария Дмитриевна сообщала мужу 11 декабря 1840 года: «С момента моего приезда сюда я нашла Палена очень удрученным; дела, вместо того чтобы его интересовать, возбуждают у него лишь скуку. Чтобы хорошо управлять делами, ему не хватает не способностей, а вкуса...» В конце 1841 года в результате дипломатического инцидента между двумя странами граф Пален покинул Париж и больше к своим обязанностям не вернулся. Интересы России во Франции представлял поверенный в делах Николай Дмитриевич Киселев.

Парижская опера (официальное название «Театр Королевской музыкальной академии»), с 1821 по 1873 год находилась в здании на улице Ле Пелетье. 1821 год. Раскрашенная гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРАХА

Наверное, самый интересный момент, связанный с пребыванием графини Нессельроде в Париже, – это ее присутствие на церемонии перезахоронения останков Наполеона Бонапарта 15 декабря 1840 года. Французы именуют эту церемонию «Возвращением праха». Это была грандиозная акция, на которой присутствовал весь Париж – около 800 тысяч человек! Об этом событии оставили воспоминания многие современники.

На Марию Дмитриевну церемония не произвела особого впечатления. Она писала Карлу Васильевичу 17 декабря 1840 года: «Ты можешь сказать Мари (дочери. – Прим. авт.), что ей нечего сожалеть о том, что она не присутствовала на церемонии перезахоронения останков Наполеона <...> единственное чувство, которое я из нее вынесла, – это полное разочарование». Мария Дмитриевна могла хорошенько разглядеть происходящее: за 100 франков она сняла балкон четвертого этажа особняка на Елисейских Полях, в непосредственной близости от Триумфальной арки.

Графиню поразило отсутствие какого-либо религиозного трепета среди зрителей, о чем пи-

сали многие очевидцы; для парижан это было просто зрелище, спектакль: «Никаких эмоций, никакого порыва, никаких подбрасываемых в воздух шляп; я не верила своим глазам, но у этой огромной массы людей было только любопытство, ничего более». По ее словам, вся эта пышная церемония «от начала до конца была лишь комедией». А знаменитый современник событий, Виктор Гюго, к этому времени – страстный поклонник Наполеона Бонапарта, назвал церемонию «монументальной галиматией».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Н. Марин.
Открытие гроба
Наполеона
на острове
Святой Елены
в октябре
1840 года

Март-Камиль
Башассон, граф
де Монталиве,
доверенное лицо
и душеприказчик
французского
короля
Луи-Филиппа,
пэр Франции

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКИ

Марии Дмитриевне доставляло удовольствие встречаться среди самых именитых особ, о чем она не без тщеславия сообщала: «На одном обеде у Ротшильда (герцогиня Доротея де Дино после смерти князя Ш.-М. де Талейрана продала его особняк на улице Сен-Флорантен барону Джеймсу Майеру Ротшильду, где он устраивал блестящие приемы. – Прим. авт.) слева от меня сидел Монталиве (Март-Камиль Башассон, граф де Монталиве, известный французский государственный деятель, неоднократно занимавший министерские посты в годы Июльской монархии. – Прим. авт.), с которым я непрерывно болтала; сегодня у меня любопытный обед, а завтра – не менее интересный вечер. Когда я покину Париж, я смогу сказать, что я общалась со всеми важными персонами дня сегодняшнего и дня завтрашнего». Банкир и барон Джеймс Ротшильд был не только богатейшим, но и влиятельнейшим человеком Франции; граф Монталиве – пэром Франции и ведущим политиком.

18 декабря 1840 года графиня Нессельроде сообщала мужу об очередном вечере, на котором среди прочих известных политиков присутствовал Адольф Тьер. Она отметила: «Видя его в обществе, такого веселого и исполненного добродушия, едва ли можно себе представить, что этот маленький человечек (Тьер был очень невысокого роста. – Прим. авт.) мог подвергнуть Европу опасности кровавой войны». Графиня имела в виду воинственную риторику Тьера и политику роста вооружений после подписания Конвенции 15 июля 1840 года об урегулировании Восточного кризиса. При этом французы, по словам графини, несмотря на то, что Тьер подверг Францию опасности войны, отдавали предпочтение именно ему, а не умеренному и склонному к компромиссам Франсуа Гизо. Тьер, по словам Марии Дмитриевны, «удовле-

творил тщеславие французов <...>, и я не удивлюсь, если он вернется к делам. Надеюсь, что в ходе церемонии (перезахоронения останков Наполеона. – Прим. авт.) разразятся беспорядки и Гизо будет вынужден уйти в отставку». Между тем к власти Тьер при Луи-Филиппе, как известно, не вернулся, но спустя много лет, в отличие от Гизо, его ожидала блестящая политическая карьера – он стал первым президентом Третьей республики.

18 декабря в письме мужу графиня сделала весьма интересное наблюдение: «Ты знаешь, кто вице-король и даже король во Франции? Это Ротшильд. Будучи на днях у него на ужине, я долго болтала с ним <...> и вывела его на свободный разговор. «Я знаю их всех (министров), – сказал он, – я их вижу ежедневно, и, если я замечаю, что проводимая ими политика противоречит интересам правительства, я иду к королю, которого могу видеть в любое время, и говорю о своих наблюдениях. Поскольку он знает, что я могу много потерять и желаю только спокойствия, он мне очень доверяет, прислушивается ко мне и принимает во внимание все то, что я ему говорю».

В целом же Мария Дмитриевна не верила в возможность длительного существования режима Луи-Филиппа, но полагала, что именно меркантильность французов и их стремление к материальному преуспеянию могли удержать страну от социальных потрясений: «Материальный интерес, стремление сохранить богатство и страх потерять то, чем владеют, – вот единственные гарантии, позволяющие нам надеяться, что режим устоит. Ротшильд прав, надо щадить тщеславие французов, не надо их ожесточать, и тогда они мало-помалу успокоятся...»

В одном из писем, выражая негодование по поводу берлинских газет, печатавших всевозможные нелепости по поводу России и русских, графиня сообщала: «Меня это так раздра-

Джеймс (Якоб) Майер Ротшильд (1792–1868), самый младший из сыновей Майера Амшеля Ротшильда, предприниматель, банкир, благотворитель и коллекционер

Ф. Филиппото. Ламартин перед ратушей Парижа отвергает красный флаг 25 февраля 1848 года

жает, что, несмотря на то, что я ненавижу Луи-Филиппа, я хотела бы, чтобы Россия по-братски сблизилась с Францией хотя бы для того, чтобы уколоть другие нации, которые, увидев это, не замедлили бы переменить свой тон».

После подписания Конвенции 15 июня 1840 года по Восточному вопросу Россия пыталась укрепить отношения с Великобританией, однако прагматичная графиня Нессельроде весьма скептически относилась к долгосрочному русско-английскому сближению. «В Германии, как и во Франции, сильно сомневаются, что это согласие, которое, вроде бы, царствует между вами и англичанами, может долго продлиться; позволь мне

сказать, что я разделяю это мнение, – писала она мужу. – Англичане нас окружают со стороны Персии; они повсюду, где мы хотим укрепить свое влияние». В другом письме она сообщала Карлу Васильевичу: «По моему скромному мнению, вы слишком любезны с англичанами, которые всегда были фальшивыми братьями и бросали нас, как только мы становились им ненужными».

В конце февраля Мария Дмитриевна покинула французскую столицу. 24 февраля герцогиня Доротея де Дино записала в своем дневнике: «Мадам Нессельроде оставила Париж в восторге от своего образа жизни, от вещей и от людей».

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Еще в самом начале 1830-х годов, сразу после Июльской революции, граф Нессельроде полагал, что Европа вступила в полосу дестабилизации. Он с грустью писал княгине Дарье Христофоровне Ливен 1 октября 1831 года: «Дорогая княгиня, сколько мы будем жить, столько и не будет ни мгновения спокойствия в мире. Бельгия, Греция, Польша...» Однако очередная революционная буря разразилась спустя семнадцать лет, в 1848 году. Авторитет Российской империи в это время был как никогда высок, а императора Николая Павловича даже сравнивали с Наполеоном на пике его могущества.

А. Дюран. Свято-Троицкая
Александро-Невская лавра.
Из альбома «Путешествие по России
в 1839 году»

«37 ЛЕТ СЧАСТИЯ»

Карл Васильевич пережил супругу на тринадцать лет. Ему и всей России предстояло испытать тяжелые времена, связанные с Крымской войной, и выдержать обвинения в том, что он систематически предавал интересы России. Напротив, он делал все, чтобы не допустить вооруженного столкновения, предупреждая императора, что Россия может оказаться в международной изоляции. Несмотря на то, что он сам установил срок своего выхода в отставку, который подходил в 1855 году, он остался на своем посту до окончания войны, тем самым взяв на себя ответственность за поражение.

В своих неоконченных автобиографических «Записках» граф Нессельроде писал, что супруга доставила ему «37 лет счастья». Мария Дмитриевна была не просто женой, а настоящей помощницей и постоянным корреспондентом своего мужа. Обладая острым, проницательным умом, здраво рассуждая о людях и событиях, она не навязывала свою позицию мужу, а лишь снабжала его полезной информацией. Умная, властная, проницательная, влиятельная, богатая, она вызывала зависть и раздражение у окружающих, а по-настоящему раскрывалась только перед близкими людьми.

Живя в эпоху, когда свет и политика были теснейшим образом взаимосвязаны, Мария Дмитриевна относилась к племяде влиятельных хозяек европейских салонов, таких как княгиня Дарья Ливен, графиня Адель де Буань, герцогиня Доротея де Дино, леди Джерси. Она полностью разделила и судьбу своего мужа, к которому как современники, так и потомки относились весьма предвзято. И, как и в случае с графом Нессельроде, ее жизнь и деятельность нуждаются в объективном осмыслении. ■

Не соглашусь с распространенным мнением, что за внешне-политическими успехами Николай I и его окружение не видели серьезных внутренних проблем. Графиня Нессельроде была в числе этих вдумчивых свидетелей. Еще до революционных потрясений, 14 мая 1847 года, она писала супругу из Берлина: «Всегда были злоупотребления в нашей стране, но никогда они не были настолько вопиющими, что глаза лезут на лоб; прежде был патриотизм, которым все прикрывалось; сейчас наступает время говорить о том, что стыдливо скрывали. Я спрашиваю себя, когда мы выйдем из этого униженного состояния?»

Между тем, несмотря на то, что Европа была охвачена революцией, Мария Дмитриевна все-таки думала о традиционном отдыхе на водах. Граф Нессельроде писал своему зятю, дипломату Михаилу Иринеовичу Хрептовичу: «В нынешнем состоянии дел сомнительно, чтобы моя супруга поехала в Баден. Я не могу ее отправить в центр баррикад и по железной дороге со сломанными рельсами». В другом письме он сообщал барону Мейендорфу: «К моему сожалению, я вынужден убедить мою жену отказаться от путешествия <...> А вы знаете, что для нее нет спасения

вне Бадена <...> Следовательно, она останется в Петербурге <...> надо одержать победу, надо действовать быстро». Однако Мария Дмитриевна все-таки решила отправиться на популярный австрийский термальный курорт Бад-Гастайн (другие наименования – Гаштейн, Гаштайн), но 6 августа 1849 года скоропостижно скончалась от апоплексического удара. Ее тело было перевезено в Россию и предано земле в Духовской церкви Александро-Невской лавры.

Граф
Карл Васильевич
Нессельроде.
Гравированный
портрет
1860-х годов

ОБИТЕЛЬ СИЛЫ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ИЗДАЛИ ТОНКУЮ ПОЛОСКУ ЗЕМЛИ НЕ ВИДНО СОВСЕМ. И КОГДА ТАМ, ГДЕ ЛИНИЯ ГОРИЗОНТА ОТДЕЛЯЕТ НЕБО ОТ МОРЯ, ВОЗНИКАЮТ БЕЛОКАМЕННЫЕ ВЕРТИКАЛИ СОБОРОВ, КАЖЕТСЯ, ЧТО ПО ЖЕМЧУЖНО-СЕРЫМ ВОЛНАМ ПЛЫВЕТ ДИВНОЙ КРАСОТЫ ПТИЦА. ЛЕБЕДЬ БЕЛАЯ.

С ОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ с первого взгляда поражает своей строгой рукотворной красотой – такой неожиданной среди суровой стихии северного моря, так откровенно противостоящей ей и так органично с ней связанной.

ДОРОГА

«Ветер надувал наши два паруса полнее и крепче; чайки выкрикивали чаще и тоскливее; море ширилось все больше и больше и бросало в нас уже крепкосолёными брызгами. Мы находились в настоящем море и почти открытом, если бы не вы-

ступали направо и налево высокие, словно обточенные, скалистые и щелистые острова <...> Дальние краснеют тускло, будто надрезанные, прохваченные снизу полосой воды, как дальнее облако, неподвижно врезанное в серый горизонт. Ближние из них ярко выясняются своим грязным, сероватым гранитом с прозеленью тщедушного сосняка, с прожелтью выжженной солнцем, выцветшей травы, оленьего мха, листьев ягоды вороницы и морошки. <...> Прямо против нашего карбаса, на ясном, безоблачном небе из моря выплывает маленькое светлое облачко <...> Облачко это, по мере дальнейшего выхода нашего из островов, превращалось уже в простое белое пятно и все-таки – по-прежнему

ИЛЬЯ ТИМИН/РИА НОВОСТИ

вонзенное, словно прибитое к небу. Гребцы перекрестились: – Соловки видны!»

Таким летом 1856 года предстал Соловецкий монастырь 24-летнему ученому и литератору Сергею Васильевичу Максиму, командированному Морским министерством в «литературную экспедицию» на Русский Север. Я же иду по его следу: от карельской Кеми, мимо Заяцких островов, через пролив – Печковскую Салму – в самую глубину изогнутой коровьим рогом бухты Благополучия.

Я вспоминаю слова говорливого максимовского попутчика. Пристроившись на карбасе и попыхивая трубкой с прогорклой махоркой, он рассказывал молодому писателю, как в холодные восемь месяцев «нет на

острова Соловецкие ни входу, ни выезду». Как сначала мутят море бури такие, «что и смелый и умелый не суется». Как дуют ветры – «морские, самые крепкие», так что от прибрежных ледяных припаев отрываются льдистые торосы, а «промеж льдин этих не протолкаешься: изотрут они утлый карбасенко в щепу».

Наглые прикормленные чайки летят следом за нашим теплоходом, выпрашивая хлеб, а внезапно возникший в моей жизни проводник из далекого прошлого все вяжет нить своей были-небыли. В мае, неспешно течет его речь, когда земля уже начнет освобождаться от снега, прилетает к Соловецкому монастырю чайка. Сначала одна – передовая. Сядет на

соборную колокольню и кричит «долго-предолго, шибко-прешибко»; покричит часок – и улетаёт. А дня через два-три налетает этих чаек «несоветимая сила, проходу от них нету». Живут они на острове все лето, птенцов своих – чабар – тут же и выводят. Монахи и богомольцы кормят их хлебом, и «чайки эти совсем ручными делаются», а обычно ведь дикие птицы. А осенью прилетают на Большой Соловецкий вóроны и затевают с чайками драку. Идет у них тут «кровопролитие большое: чаек много бывает побито». Улетают чайки с острова все до одной: на всю зиму остаются на Соловках хозяевами вóроны. Ранней весной улетаю и они. Белое вновь сменяет черное, и тут драки не бывает.

В охранной
башне
Соловецкого
монастыря

ИЛЬЯ ТИМИН/РИА НОВОСТИ

Соловецкий
монастырь
с высоты
птичьего полета

ПОСЕЛОК И ОСТРОВА

Теплоход с паломниками и туристами – и тех, и других на Соловках множество – минует Бабий остров, где в память о строптивых соловецких раскольниках стоит высокий старообрядческий крест. Затем он пройдет Сельдяной мыс, где когда-то монахи солили, сушили и вялили знаменитую соловецкую сельдь. Здесь все еще стоят амбары: такелажный – 1838 года, для хранения гребных судов – 1841-го, для хранения ворвани – 1842 года, а также смолокурня для смоления канатов – второй четверти XIX века.

Тем временем судно пристанет к монастырскому причалу. Потом от бывшей, дореволюционного беленого кирпича паломнической гостиницы широкая песчаная дорога неспешно поведет меня мимо скромного северного лужка с пятнами белой каши, розового клевера и россыпями солнечной пижмы к мощной монастырской стене. Ее огромные дымчатые валуны покрыты рыжим лишайником, пустоты между камнями заложены особым длинным соловецким кирпичом, который

делали тут же, при монастыре, и замазаны серой известкой. Над такими же пепельно-рыжими, далеко выступающими из стен (чтобы легче было обороняться от врага) угловыми башнями высятся серые шатры тесовых кровель. Все тут будто видно через смягчающий цвета дымчатый фильтр: море, небо, крепостные стены. Камень, песок, дерево. И только белые храмы тянут вверх свои стройные лебединые шеи. Так меня встречают Соловки...

Я оставляю за пределами своего рассказа все места силы, которыми богаты острова и где я успела побывать: и Филипповскую пустынь, где укреплял дух для совершения своих трудов прославленный соловецкий святитель (митрополит Московский и вся Руси Филипп II, в миру Федор Степанович Колычев. До избрания на московскую кафедру был игуменом Соловецкого монастыря. – **Прим. ред.**). И Савватиевскую пустынь на берегу озера Долгое – место первого монашеского поселения на островах. И Секирную гору, где наверху одновременно храм, штрафной изолятор и маяк, а внизу – безымянные

братские могилы. Оставляю для особого рассказа Макариеву пустынь и один из самых северных ботанических садов с его экзотическими для местного сурового климата тюльпанами и яблонями-«сибирками». Лишь мимоходом упомяну о мысе Белужьем, где в зарослях осоки выводят птенцов черноголовые крачки, а в теплой воде отмелей резвятся детеныши белух. Ничего не скажу о заросших морошкой болотах, о сосновых борах, где ветра завязывают стволы деревьев в причудливые узлы. Промолчу о пронизывающей остров системе каналов и озер, где черная торфяная вода подмывает цепляющиеся за валуны корни елей. Не стану ломать голову над смыслами закрученного в спираль странного каменного лабиринта на берегу Большого Заяцкого острова. И хотя в крошечном деревянном Андреевском скиту, срубленном в XVI веке будущим митрополитом Московским Филиппом, как и при взгляде на белую свечку Распятского скита на горе Голгофа, у меня перехватит дыхание, но и эти жемчужины Соловецких островов сегодня – не моя тема.

ИЛЬЯ ТИМИНГРАДОВСКИЙ

Историческая ткань Соловков так плотна, что приходится выбирать. И я выбрала сердце этого сложного организма, без которого не было бы ни скитов, ни маяка, ни каналов, ни пастбищ, ни дамб: Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь.

КОРАБЛЬ

Если мысленным взглядом окинуть монастырь сверху, то станет ясно, что он похож на корабль, случайно выброшенный на берег. С запада его защищало от врагов соленое Белое море, с востока к стенам подступало пресное Святое озеро, с севера и юга монастырь прикрывали рвы – остатки одного из них, где на выложенном валунами дне вместо воды давно проросла зеленая трава, все еще хорошо видны. Возникший как скромное монашеское пристанище Соловецкий монастырь быстро превратился в оборонительный форт на севере Русского мира.

В названиях монастырских башен отражена вся его жизнь – и духа, и плоти. Архангельская, Успенская, Никольская (по названиям соловецких храмов)

башни перебиваются Поваренной, Квасоваренной и Прядильной. «Нос» монастырского корабля – Белая башня, смотревшая раньше на снесенную в 1940-м церковь Онуфрия Великого и получившая название за белый цвет своих стен, которые до сих пор хранят следы побелки. Возвышающаяся на холме над всем монастырем башня стала Корожной, потому что с нее хорошо были видны небольшие каменистые островки – корги (каменистые гряды, видные только во время отлива. – Прим. ред.) – неподалеку от монастыря.

Главный вход в монастырь – Святые ворота. Чтобы пройти их, потребуется сделать с десяток шагов – толстенные семи-метровые стены превращали монастырь в крепость, отделяли серый, холодный, суровый внешний мир от наполненного светом и цветом рукотворного рая за оградой обители. Здесь беленые стены окружают зеленый луг, вдоль дорожек благоухают розовый шиповник, белые розы, малиновые пионы, оранжевые лилии, алые маки, желтые купальницы, фиолетовые анютины глазки. Пир для

глаз после дымчатого моря, белесого песка и пепельных стен. На этом клочке земли пересеклись история и география. Каждая из этих путеводных нитей во времени и в пространстве обещает нескучное путешествие. Как же не последовать за ними? Но сначала вернемся к истокам.

РОЖДЕНИЕ ОБИТЕЛИ

На карте Соловецкий архипелаг – хоровод голубых и зеленых пятен. Суша и вода здесь перемежаются так, что сразу и не скажешь, чего больше – мелких озер на Большом Соловецком острове или мелких корг в Долгой губе – изрезанном бухтами, глубоко врезающемся в сушу заливе. Как бы то ни было, удобно расположенный на пути от Летнего и Поморского берегов, от устья Онеги к северным морям, архипелаг с многочисленными бухтами и пресными озерами был с давних времен известен поморам. Они останавливались там, чтобы переждать непогоду, заставшую их в море. Но только в 1429 году, когда в Москве правил великий князь Василий Темный, приплыли на Большой Соловецкий те, с кого

начинается настоящая история островов – монахи Савватий и Герман.

Житие преподобного Савватия рассказывает, что он принял постриг в 1396 году в Кирилло-Белозерском монастыре, где смирением, строгой жизнью и кротостью заслужил уважение братии. Но Савватий укорял себя за эту ненужную ему земную славу. От нее он бежал сначала на Валаам, но, не найдя покоя и там, стал искать еще большего уединения. Преподобный узнал, что к северу от материка лежит в море Соловецкий остров: «пуст и человеческого пребывания неприятелен». Есть там и пресные озера с рыбой, и ягоды, и сосновые леса, чтобы строить храмы. Савватий решил поселиться в этом безмолвном краю, тайно оставил Валаамскую обитель, преодолел более 700 верст и достиг берега Белого моря. Здесь, в часовне вблизи устья реки Выги, встретил Савватий монаха Германа, знавшего путь на острова. Герман согласился не только проводить нового знакомого, но и поселиться вместе с ним. На третий день путешествия старцы достигли Большого Соло-

вецкого острова. Неподалеку от Секирной горы нашли подходящее место для кельи. Монахи прожили здесь шесть лет – до самой кончины Савватия.

Преподобный Герман не решился в одиночку оставаться на Соловках и вернулся на материк. Через год он встретил монаха Зосиму и рассказал ему о преподобном Савватии и об острове, удобном для «жития иноческого». Летом 1436 года Герман и Зосима прибыли на остров. На этот раз монахи остановились на берегу бухты Благополучия, в 2 километрах от нынешнего монастыря. Однажды утром преподобный Зосима увидел «луч пресветлый» и огромную церковь, парящую в воздухе – знак, что быть здесь монастырью, а Зосиме – его настоятелем.

На месте чудного видения поставил Зосима первую церковь – Преображения Господня. К северу от нее вырастет позже Никольская, дальше – звонница и Успенская церковь с трапезной. Храмы окружит ограда, внутри нее появятся кельи, поварня, хлебня. Соловецкий монастырь постепенно обретет свои узнаваемые контуры.

ЧУДО В КАМНЯХ

Сто лет монастырь простоит деревянным. За это время он переживет два больших пожара. Свидетелем тяжелых последствий последнего, случившегося в мае 1538 года, станет недавно пришедший в монастырь Феодор Колычев – сын боярина, служивший при дворе малолетнего царя Ивана IV. Вскоре соловецкий игумен Алексей пострижет его в монахи под именем Филиппа, а в 1548-м иеромонах Филипп станет настоятелем Соловецкого монастыря. Именно при нем обитель разрастется и обретет хозяйственную мощь: по всему острову иноки проложат дороги, озера соединят каналами, расчистят от леса луга и пастбища. Но главное, что оставит после себя новый игумен, – это каменные храмы и кельи, которые стоят до сих пор. Деньги на строительство монахи зарабатывали солеваренным промыслом: царский указ разрешил монастырю беспоплавно продавать 10 тысяч пудов соли, а кроме того, пожаловал земли и деньги.

В 1552 году начали возводить Успенскую церковь – с трапезной, келарской палатой, приделом Усекновения главы Иоанна

ИЛЬЯ ТИХИН/РИА НОВОСТИ

У стен
Соловецкого
монастыря

ПАВЕЛ ЛЬВОВ/РИА НОВОСТИ

Шлюз
и лодочный
причал
на выходе
из Святого озера
в Белое море

Предтечи. А в 1558-м игумен Филипп приступает к строительству главного монастырского храма – Преображенского. Высокий, с мощными стенами, с четырьмя башнями по углам, Спасо-Преображенский собор напоминал крепость. В его нижнем ярусе были хозяйственные подклеты, на втором находился храм с двумя приделами: Зосимо-Савватиевским и Михаило-Архангельским. В 1859 году на месте придела в честь преподобных Зосимы и Савватия был построен Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор. В верхнем ярусе в угловых башенных надстройках находились еще четыре придела: преподобного Иоанна Лествичника, великомученика Феодора Стратилата, Соборов двенадцати и семидесяти апостолов. Храм, увенчанный пятью главами, несмотря на свои солидные размеры и мощь, кажется устремленным в небо.

Сегодня, занимая всего 3,5 гектара, Соловецкий монастырь объединяет 41 постройку, в том числе пять церквей, колокольню и множество вспомогательных палат – почти все они связаны единой галереей. Крепостью же монастырь становится в 90-х годах XVI века,

когда вокруг него выстроили каменную стену. И неспроста. В 1571 году вблизи монастыря появились шведские корабли. Постояв несколько дней, уплыли, не причинив обители никакого вреда. Но было ясно, что не имевший тогда крепостных стен монастырь может стать легкой добычей. Это заставило игумена Варлаама обратиться к царю с просьбой построить на острове крепость и прислать гарнизон. В 1578 году на Соловки прибыли четыре пушкаря и десять стрельцов, были доставлены пушки, ядра и порох. За лето монастырские плотники срубили вокруг обители деревянный острог. Пройдет чуть более десяти лет, и сложная военная ситуация в Поморье заставит монахов позаботиться о более надежной защите. А в следующем веке Соловецкому монастырю выпал случай испытать свою крепость. Сначала – отстаивая крепость веры.

СОЛОВЕЦКОЕ СИДЕНИЕ

В 1653 году московский патриарх Никон начал реформу Русской церкви (с целью унификации обрядов с Греческой церковью), которая привела к ее расколу. В числе нововведений

была и так называемая «книжная справа»: в ряд богослужебных текстов были внесены изменения. В августе 1657 года исправленные книги прислали и на Соловки, но, заподозрив их во «многих ересех», соловецкие монахи решили вести службы по-прежнему. В 1658-м братия скрепила соборный приговор поручными записями. Так монастырь вступил в противоборство с официальной Церковью, а значит, и с государством. Немедленной реакции на бунт не последовало, так как в том же, 1658 году Никон отказался от патриаршества, а царь Алексей Михайлович был слишком занят войной с Речью Посполитой.

А смута в Соловецком монастыре набирала силу. Четырежды монахи направляли царю челобитные, где доказывали неправоту новой веры и достоинства веры старой. Ответом на четвертую челобитную, отосланную в декабре 1667 года, стало предложение покориться, а через несколько дней был издан царский указ, который положил начало блокаде монастыря за «непослушание». С весны 1668 года стрельцы пытались взять монастырь измором, но настоящему отрезать обитель от

Церковь Святого апостола Андрея Первозванного, построенная по указанию Петра I на Заяцком острове

ПАВЕЛ ЛЬВОВ/РИА НОВОСТИ

мира так и не удалось. На соседнем, Анзерском острове монахи покупали рыбу, из Кемпи в обитель доставляли масло, привозили в монастырь продукты и крестьяне других волостей – поморы сочувствовали «сидельцам за Христово имя» и поддерживали их. Стрельцы то стояли лагерем на ближайших островах, то совершали безуспешные набеги под стены монастыря. К 1674 году борьба обители с властями зашла так далеко, что пощады, даже в случае добровольной сдачи, монахам ждать не приходилось. Затянувшийся бунт порядком надоел царю, и стрельцам был дан наказ искоренить мятеж. Итак, зимой 1675 года осаждавшим удалось установить жесткую блокаду монастыря. Продукты в обители заканчивались, не хватало дров, среди иноков началась цинга. Несмотря на это, сидельцы продолжали держать оборону, разрушить крепостную стену стрелецкая артиллерия по-прежнему не могла. Безуспешными оказались попытки подкопать угловые башни, тщетными были и лобовые атаки. Осада продолжалась до тех пор, пока в ноябре 1676 года в лагерь к стрельцам не вышел из мона-

стыря чернец Феокист и не рассказал: за час до рассвета ночные караулы уходят, и на стенах на постах остается по одному часовому. Тогда-то отряд стрельцов через лаз в стене может проникнуть в монастырь, перебить стражу и открыть ворота. В одну из январских ночей 1677 года, «когда была буря, мороз и метель великая», стрельцы решились наконец осуществить этот план. Несколько человек проникли в монастырь, сломали запоры и выпустили отряд в обитель. Восставшие были захвачены врасплох, их судьба была решена: озлобленные стрельцы перебили почти всех. Восьмилетнее «сидение» подорвало мощь монастыря. После стрелецкого погрома в монастыре осталось 14 из более чем 200 монахов. Численность казненных осталась неизвестна. В раскольных синодиках упоминается до 33 имен «страдальцев Соловецких», которые получили популярность у жителей Поморья: их поминали как мучеников. Помимо людских потерь монастырь понес материальный ущерб. Стрельцы ограбили обитель, взяв много дорогих окла-

дов, церковных облачений, печатных и рукописных книг, серебряной, медной и оловянной посуды, слюды, собольих и куных мехов. Не один год потом соловецкой обители пришлось восстанавливать свое могущество. Но по-настоящему вернул ей былое имя 1694 год.

ПРИЕЗД ПЕТРА

Слева от главных ворот монастыря, почти у самой кромки воды, там, где в бухту Благополучия открывается «гараж» монастырских лодок – Сухой док, стоит часовня – зеленый купол на белом восьмиграннике. Носит она название Петропавловской, поскольку построили ее в память о двух посещениях монастыря Петром I, а апостолы Петр и Павел были небесными покровителями российского императора. Стоит часовенка на месте большого деревянного креста, который поставили на берегу по приказу самодержца. Своим посещением Петр I восстановил статус монастыря как царского богомоля, который тот утратил во время Соловецкого сидения. Как же попал на остров первый русский император?

Валунная дамба между Большим Соловецким островом и островом Большая Муксалма

20 мая 1694 года в Архангельске Петр участвовал в спуске на воду первенца русского коммерческого флота – судна «Святой Павел». А 1 июня вместе с архиепископом Афанасием на яхте «Святой Петр» они отправились в Соловецкий монастырь. По выходе из устья Двины царская яхта попала в шторм. Казалось, выбраться из него нет никакой надежды. Монастырский стрелец и опытный кормчий Антипа Тимофеев посоветовал государю направить судно в Унскую губу – глубокую морскую бухту, единственную на Летнем берегу Двинского залива. В ней можно было переждать шторм. Лоцман провел яхту между двумя рядами далеко выдающихся в море камней, называемых «Унские Рога».

Переждав бурю, 6 июня Петр вновь вышел в море и на следующий день ступил на берег Соловецкого острова. Три дня, проведенные на Соловках, монарх молился и осматривал монастырь, а потом отбыл в Архангельск, пообещав всегда покровительствовать святой обители. Так Петр окончательно простил Соловецкому монастырю сопротивление царской власти. И в трудный

момент, нуждаясь в поддержке перед схваткой со шведами за Нотебург в ходе Северной войны, вторично посетил Соловки в 1702 году. Тогда из-за сильного ветра петровская эскадра из 13 кораблей вновь была вынуждена встать между Анзерским, Муксалмским и Соловецким островами. 10 августа 1702 года кораблям удалось бросить якоря у Большого Заяцкого. Здесь, на плоском как тарелка каменистом острове, где травы выше зарослей карликовых берез, царь приказал соорудить деревянную церковь во имя святого апостола Андрея Первозванного.

Затем Петр с немногими приближенными прибыл в монастырь, где гостил шесть дней, молясь и трапезничая с монахами как один из них.

Когда же ветер переменился, корабль Петра поднял паруса и за день дошел до пристани принадлежавшего монастырю соляного промысла в Нюхче на Поморском берегу материка. У Нюхоцкой пристани государь отпустил корабли в Архангельск, а сам пешком отправился до Повенецкой пристани на Онежском озере лесами и болотами.

А в Петропавловской часовне в советское время устроили сначала жилье, потом мастерскую, затем склад шкиперского оборудования, пока в 1960 году она в составе других монастырских объектов не была признана памятником архитектуры и взята государством под охрану.

«АНГЛИЦКАЯ БОМБАРДИРОВКА»

И еще одно событие важной вехой легло в соловецкую историю. В октябре 1853 года началась Крымская (она же Восточная) война, в которой России противостояли Британская, Французская, Османская империи и Сардинское королевство. Неприятельский флот мог напасть и на северные окраины государства. Поэтому с марта 1854 года император Николай I ввел в Архангельской губернии военное положение.

На Соловках новости узнали только к середине апреля, когда до монастыря добрался гонец из Архангельска. Он же привез указ Святейшего синода об эвакуации из монастыря драгоценностей и библиотеки. В конце мая на гребном судне

«Александр Невский» 26 ящиков и 4 бочки с драгоценностями и 16 ящиков с рукописными и старопечатными книгами были доставлены в Антониево-Сийский монастырь в Холмогорах. После Крымской войны эвакуированное имущество было возвращено на Соловки, библиотеку же вывезли в Казанскую духовную академию, а в 1928 году – в Ленинград. Сейчас библиотека Соловецкого монастыря хранится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге.

Но вернемся в 1854 год. Тогда, не особенно рассчитывая на помощь правительства в далеком Петербурге, настоятель монастыря архимандрит Александр постарался сделать все возможное, чтобы организовать оборону обители. В монастыре имелось всего 20 пушек, отлитых еще во времена Ивана IV и Петра I, и только две из них годились в дело. К счастью, 16 мая на остров были доставлены из Новодвинской крепости еще 8 пушек. В июне 1854 года, спустя неделю после того, как было закончено перевооружение крепости, в воды Белого моря вошли два английских паруснофрегата – «Миранда» и

«Бриск». Командовал ими капитан Эрасмус Омманей.

14 июня корабли англичан встали на якорь в 50 верстах от Архангельска. 22 июня попытались высадиться на остров Мудьюг, но были отброшены. Потерпев неудачу в столкновении с войском, британцы нашли более безопасное занятие – занялись грабежом торговых и промысловых судов. За неделю было разграблено и потоплено около 20 судов, шедших в Архангельск.

За десять дней до нашествия англичан архимандрит Александр, отслужив воскресную литургию, произнес проповедь, убеждая братию «не скорбеть о том, что мала, по-видимому, защита к предстоящей обороне от сильного врага, но твердо уповать на Господа и Пречистую Его Матерь и преподобных основателей, Зосиму и Савватия; ибо сам Господь заступлением их покажет такое чудо над обителью, какого дотоле там не видали».

6 июля «Бриск» и «Миранда» приблизились к Соловецкому монастырю. Как только в монастыре увидели вражеские корабли, все его обитатели собрались в храм Зосимы и Савватия на молебен перед ракой с мощами соловец-

ких угодников. Затем иноки прошли крестным ходом по крепостным стенам. Все были настроены решительно: погибнуть, защищая святую землю, или победить, вспоминал современник. Между тем на одном из фрегатов подняли сигнальные флаги. Монастырь не ответил. Тогда англичане сделали три выстрела, батарея на Сельдяном мысу ответила залпом. Завязалась артиллерийская перестрелка, «Миранда» получила пробоину и вынуждена была прекратить огонь и отойти к мысу для ремонта.

На следующее утро в гавани Благородия пришвартовалось британское судно под белым флагом. Парламентер доставил пакет с посланием Омманея: тот был очень недоволен, что монастырские бомбардиры стреляли по английскому кораблю. Он выдвинул ультиматум: сдача гарнизона Соловецкого острова со всеми его пушками, флагами и военными припасами. Если условия не будут приняты, а гарнизон не сдастся как военнопленные на острове Песий в Соловецкой бухте через шесть часов после получения этой бумаги, то немедленно последует бомбардирование.

На лодках
можно проплыть
по рукотворным
каналам между
озерами на
Соловецких
островах

ПАВЕЛ ЛЬВОВ/РИА НОВОСТИ

ПАВЕЛ ЛЬВОВ/РИА НОВОСТИ

Поселок
Соловецкий

Совместными усилиями монахов был сочинен достойный ответ: «Гарнизона солдат Его Императорского Величества монастырь не имеет... А так как в монастыре гарнизона нет, то и сдаваться некому».

Бомбардировка монастыря началась. Она шла более девяти часов. 120 артиллерийским стволам англичан противостояли только 10 монастырских пушек. Омманей был уверен, что мощи корабельной артиллерии англичан будет достаточно, чтобы разрушить обитель и заставить ее защитников поднять белый флаг. Но обороняющиеся ни на минуту не прекращали огня. Пока немногочисленный «гарнизон» сражался (в монастыре на тот момент было около 200 монахов и послушников, 53 пожилых военных инвалидов, охранявших заключенных в монастырской тюрьме, и немногим более 350 трудников. – **Прим. ред.**), иноки использовали оружие духовное. Под обстрелом в полном составе пошли они крестным ходом по галерее монастырских стен, вознося молитвы Богородице. В самом опасном месте, как раз против стрелявших по обители пароходофрегат, архимандрит

осеял народ чудотворной Смоленской иконой Божией Матери. Поняв, что волю защитников обители сломить не удалось, англичане прекратили огонь. Вечером последнее ядро ударило поверх лика иконы Знамение Пресвятой Богородицы – со времен игумена Филиппа она охраняла западные врата Преображенского собора. А потом вражеские фрегаты внезапно снялись с места и покинули бухту. Англичане выпустили по монастырю около 1800 ядер, но семиметровые стены выдержали удары.

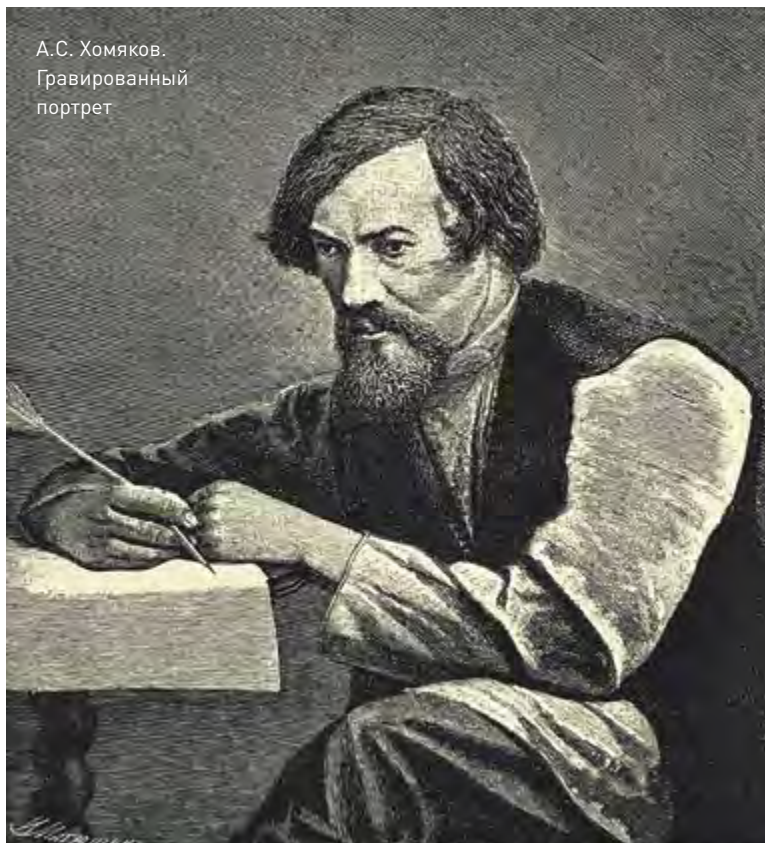
Спустя почти год, в июне 1855-го, к монастырю подплыла англо-французская эскадра. На сей раз ультимативно потребовали отдать монастырский скот. Соловецкий настоятель ответил отказом, несмотря на угрозу подвергнуть монастырь новой бомбардировке. В итоге захватчики ушли несолоно хлебавши...

Еще летом 1854 года в центральном дворике монастыря на каменном фундаменте была установлена решетчатая деревянная ограда, за ней сложили собранные неприятельские ядра и осколки бомб. Рядом поставили две чугунные пушки, которые участвовали в бою против

англичан. В 1858 году при сооружении Царской колокольни ядра и осколки были сложены в виде пирамиды под колоколом «Благовестник».

Следы вражеских снарядов на стенах монастыря, собора, келейных корпусов обвели черной краской – ее следы до сих пор видны на южной стене Святительского корпуса. У часовни Святого благоверного князя Александра Невского поставили обелиски в память о победе над англичанами. А в 3 верстах от монастыря, на берегу Кислой губы, где в июне 1855 года архимандрит Александр вел переговоры с английским парламентом, установили Переговорный камень с выбитым на нем гордым посвящением: «Зри сие. Во время войны Турции, Франции, Англии, Сардинии с Россией здесь был переговор настоятеля архим[андрита] А[лександра] с английским офицером Антоном Н. <...> Господь в это лето не допустил воюющим нарушить иноков покой».

Лежит камень на берегу Кислой губы, на запад смотрит: не допустил Господь тогда нарушить покой этих мест – не допустит и теперь. ❧

А.С. Хомяков.
Гравированный
портрет

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«РЕЛИГИОЗНО СЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ПОЭТ, ФИЛОСОФ И БОГОСЛОВ. БЛЕСТЯЩИЙ ПОЛЕМИСТ, ДИАЛЕКТИК. ОППОНЕНТ ГЕГЕЛЯ, ПЕВЕЦ СВОБОДЫ И РЕВНИТЕЛЬ ПАТРИАРХАЛЬНОГО БЫТА. ЧЕЛОВЕК-ПАРАДОКС, ЧЕЛОВЕК-УНИВЕРСАЛ. ЛИЧНОСТЬ НАСТОЛЬКО ЯРКАЯ, ЧТО ЕЕ ТРУДНО БЫЛО ЛЮБИТЬ ПРИ ЖИЗНИ. А ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОСПЕШИЛИ ЗАБЫТЬ. ПОТОМ, ВПРОЧЕМ, ОПОМНИЛИСЬ И ОЦЕНИЛИ. ВСЕ ЭТО – ОБ ОСНОВОПОЛОЖНИКЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА АЛЕКСЕЕ ХОМЯКОВЕ.

БУДУЩИЙ ФИЛОСОФ-славянофил родился в 1804 году в Москве. Его отец, Степан Александрович Хомяков, был представителем старинного дворянского рода. Пожалуй, один из лучших психолого-биографических очерков о Хомякове написал Николай Бердяев: в нем философ выстраивает пунктир становления собрата-мыслителя таким образом, чтобы наиболее полно раскрыть личность этой противоречивой фигуры. Любопытно, что первый важный факт биографии Алексея Хомякова случился задолго до его рождения: это история о земле, развернувшаяся в середине XVIII столетия.

Жил-был под Тулой помещик Кирилл Иванович Хомяков. Был он богат, но не осталось у него прямых наследников – жена и единственная дочь умерли раньше главы семьи. Кому передать огромное состояние и хозяйство: деревни в Тульском уезде, имение под Рязанью, дом в Петербурге? Нужно было выбрать кого-то из рода Хомяковых, но кому оказать предпочтение? Помещик рискнул отдать решение этого важного вопроса на усмотрение крестьян: в конце концов им жить с новым баринном. Собрал он мирскую сходку, дал наказ крестьянам выбрать нового помещика, те отправили делегатов по ближним и дальним местам искать достойнейшего. Выбор пал на двоюродного племянника Кирилла Ивановича – молодого сержанта Федора Степановича Хомякова, человека небогатого, зато скромного и разумного. Это был прадед будущего философа. Историю буквального избрания своей судьбы народом маленький Алексей знал с самого детства, и она, конечно, сильно повлияла на его взгляды, в том числе и на крестьянский вопрос.

А вот другой случай чуть не бросил было на эту замечательную историю тень. Отец Алексея не отличался скромностью и рассудительностью, свойственными его деду: он любил жить на широкую ногу, по-барски кутить –

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Герб дворянского рода
Хомяковых

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Имение Богучарово Тульского уезда.
Родовое имение Хомяковых. Начало 1880-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Дмитрий Владимирович Вeneвитинов
(1805–1827), русский поэт

например, в Английском клубе он проиграл более миллиона рублей. Хорошо, что дела семьи сумела поправить мать семейства, Марья Алексеевна – женщина «суровая, религиозная, с характером, с дисциплиной». Она играла большую роль в формировании убеждений Хомякова. Однако обычно характер человека не выковывается собственным выбором, и натура Алексея Степановича впитала в себя разные качества обоих родителей. И получилась она, конечно, противоречивой, но странным образом именно в этой противоречивости – цельной, сильной.

Проявился характер рано. Например, еще в детстве в Алексее Хомякове высветились задатки будущего полемиста. По традиции он сначала учился дома. Латынь осваивал под началом аббата Бойвина. Как-то раз в некоей книге ученик обратил внимание на опечатку в папской булле и, не сдержавшись, заметил, что трудно считать папу непогрешимым, когда он делает ошибки в правописании. А в 11 лет мальчик очень боялся покидать Москву ради учебы в Петербурге, столица казалась слишком светской и оттого почти языческой. Тогда он дал себе обещание никогда не отступать от православия.

Образование юноша получил прекрасное, к 17 годам он сдал экзамен на степень кандидата математических наук при Московском университете. Тогда же в печати появились первые стихотворные опыты Хомякова и его перевод «Германии» Тацита,

опубликованный в «Трудах Общества любителей российской словесности». Затем он поступил на службу в Астраханский кирасирский полк. Сказались горячность и азарт, доставшиеся от отца. Граф Остен-Сакен, под началом которого служил молодой человек, оставил о нем такие воспоминания: «В физическом, нравственном и духовном воспитании Хомяков был едва ли не единица. <...> Обладал силою воли не как юноша, но как муж, искушенный опытом. Строго исполнял все посты по уставу православной Церкви и в праздничные и воскресные дни посещал богослужения. <...> Относительно терпения и перенесения физической боли обладал в высшей степени спартанскими качествами».

В 1825 году Алексей Хомяков оставляет службу в полку и едет за границу, где занимается живописью, пишет стихи, драмы. Еще один любопытный момент: на чужбине, в Париже, Хомяков пишет национальную драму «Ермак».

Дом
Венеvитинова
в Кривоколенном
переулке.
1970-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ХОМЯКОВ И ПУШКИН

Пожалуй, «Ермаком» по-настоящему открываются непростые, но важные для развития русской мысли отношения Хомякова и Пушкина.

Познакомились они в октябре 1826 года в доме поэта Вenevитинова в Кривоколенном переулке в Москве. Пушкин тогда активно интересовался деятельностью Любомудров (члены литературно-философского «Общества Любомудрия», возглавляемого Владимиром Одоевским. – Прим. ред.), «архивных юношей», как их тогда называли. После поражения декабристов были некоторые надежды, что именно молодые дворяне, зачитывающиеся Кантом, Фихте, Шеллингом и при этом страстно жаждущие создать самостоятельную русскую философию, смогут предложить стране какой-то новый путь.

Хомяков не являлся постоянным членом этого общества, но был, так сказать, сочувствующим. И его первые стихотворные опыты вполне соответствовали их романтической эстетике. О лирике Хомякова Пушкин отзывался одобрительно, но еще больше ему было любопытно узнать, как проявился талант молодого поэта в крупном произведении. А в московских литературных кругах уже ходили разговоры о «Ермаке». Потому Пушкин на следующий день после прочтения собравшимся у Вenevитинова своего «Бориса Годунова» попросил молодого поэта прочитать собственную поэму. По свидетельствам присутствовав-

ших, представлять свой труд Хомяков не очень-то рвался. Слишком невыгодно было соперничество с Пушкиным, находящимся в зените славы. Однако, как вспоминал историк и публицист Михаил Петрович Погодин, на чтении сам Пушкин и настоял. Неудача была практически неизбежна. Так и случилось. Похвалы были сдержанными. Погодин назвал произведение «мозаическим», в котором «есть алмазы, но и много стекол». Пушкин, однако же, заинтересовался автором, как подающим надежды.

Они встречались еще на разных мероприятиях в конце 1826-го и весь 1827 год – ровно до тех пор, пока Хомяков не отправился на Русско-турецкую войну. Встречались и много спорили. Спорить с Хомяковым было интересно и, главное, было о чем. До 1825 года он, например, активно полемизировал с декабристами. «Вы хотите военной революции, – говорил он, – но что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружил на свой счет и которым он поручил защищать себя. Какая же тут будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, станут распоряжаться народом по произволу и сделаются выше его?» В освободительных идеях молодых дворян Хомяков не видел главного – свободы. Одолевскому, например, он так и заявлял, что тот никакой не либерал, что единодержавию он предпочитает ту же тиранию, но вооруженной кучки. Такие речи многих злили, но людям сложного мировоззрения, каким был, несомненно, и Пушкин, правда этих слов была понятна и во многом близка. Особенно после неудачи восстания на Сенатской площади.

Однако Пушкину было интересно не только дискутировать с младшим товарищем по перу, ему по-отечески хотелось помочь ему в литературном деле. Он пытался Хомякова учить, наставлять, буквально благословил его на создание поэмы «Димитрий Самозванец» – идейное продолжение своего «Бориса Годунова». Однако то ли монолитная фигура

Дом Хомякова
в Москве
на Собачьей
площадке.
Начало XX века

Обложка
журнала
«Телескоп»,
в котором было
опубликовано
первое «философическое
письмо»
П. Чаадаева.
1836 год

Иван
Васильевич
Киреевский
(1806–1856),
критик,
публицист,
религиозный
философ

Хомякова была плохим пластилином в руках гения, то ли сам гений был человеком переменчивым, но вскоре произошло взаимное охлаждение. В 1830 году Пушкин уже открыто писал о Хомякове в снисходительном тоне, «Ермака» называл «лирическим произведением пылкого юношеского вдохновения», в котором «все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии». В письмах он еще делился надеждами, что Хомяков возмужает в новой, подсказанной им поэме, однако когда «Димитрий Самозванец» в 1832 году был готов и представлен публике – проигнорировал это событие.

И это грустно. И вовсе не то досадно, что одному из литературных произведений XIX столетия не хватило комплиментов, а то, что так оборвался диалог двух умнейших людей эпохи, который мог бы многое дать развитию русской мысли. Ведь Пушкин, со всей своей всемирной отзывчивостью, был все же первым национальным поэтом страны, и в этом смысле он, можно сказать, явился предтечей славянофильства.

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Между тем славянофильство, одним из основоположников которого наряду с Иваном Киреевским суждено было стать Хомякову, начало оформляться в особое направление только во второй половине 1830-х годов. До этого Алексей Степанович воевал. И воевал, как вспоминали его сослуживцы, весело и храбро. Потом он жил в своем имении, активно занимался в деревне хозяйством, что-то реформировал, что-то изобретал. Например, он соорудил усовершенствованную машину-сеялку, на которую получил патент из Англии, спроектировал новые типы теплиц, плуга и снегокатчика, боролся с холерой, пытаясь методом проб и ошибок найти лекарство от этой напасти, вынашивал в уме проекты об освобождении крестьян. А еще в 1836 году Хомяков счастливо женился на Екатерине Михайловне Языковой – сестре поэта Николая Языкова.

Этот самый 1836 год, самый конец его, и стал началом славянофильства. А «разбудил» славянофилов Чаадаев (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2018 год, статья «Петр Чаадаев: горе от ума»). В журнале «Телескоп» вышло его первое «философическое письмо». Реакция власти была более чем нервной, это дело известное: автора объявили сумасшедшим. Русская интеллигенция тоже была взбудоражена, однако мыслящие люди увидели в явлении все же куда более сложную природу. Вызов, который бросил русскому обществу, самой истории этого общества, его философии Чаадаев, был по-своему справедлив: мыслитель-пессимист поставил вопросы, от ко-

торых нельзя было отмахнуться. Известно, что первым серьезно ответившим на поставленную проблему был Пушкин. И ответ Пушкина был краток и, в сущности, аксиоматичен. Но это было личное письмо, к тому же из-за обысков у Чаадаева оно осталось неотправленным.

Буря улеглась примерно через год, а вот споры и толки в столичных домах только усиливались. Так, в обществе развернулась обширная дискуссия о том, каков есть путь России, каково ее истинное предназначение и в чем ее великая миссия. Свои ответы предложил и Алексей Хомяков: в дружеском кругу он представил для обсуждения работу «О старом и новом» – это был ответ и Чаадаеву, и сторонникам официальной идеологии, воплощенной в триединстве графа Уварова. Здесь же обозначились основные теоретические положения славянофильства.

В последующем славянофильство дискредитировали, свели его к официальной и уже упомянутой выше формуле «Православие. Самодержавие. Народность». Для сегодняшней молодежи это и вовсе что-то про кокошники и сарафаны. Между тем славянофильство явилось первой попыткой национального самосознания, самостоятельной, свободной русской философии. Славянофилы вовсе не ругали оголтелого Европу: как люди превосходно образованные, они отдавали должное достижениям западной цивилизации, но они первые указали, что на эти достижения стоит смотреть не с рабским подражанием, а критически, осознавая, что, во-первых, не все из иноземного верно, а во-вторых, не все из верного может дать всходы на русской почве. И в этом смысле не могли оставаться неприкосновенными для критики даже Кант и Гегель. Не каждый, понятно, мог дерзнуть спорить с такими глыбами, но вот Хомяков умел оппонировать и этим гениям. Он первый в России указал, насколько умозрительна и неразумна историческая система Гегеля, по которой

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

за причину признается лишь формула факта, как если бы Земля вращалась вокруг Солнца всего лишь вследствие формы эллипса орбиты или ядро летело бы из пушки вследствие формы параболоида.

Но, критикуя западное, Хомяков не щадит и своего, родного. В докладе «О старом и новом» Хомяков критически взирал, казалось бы, на самое дорогое для зарождающегося славянофильства: национальную историю, сложившиеся в веках обычаи и традиции. И в этом не только излюбленный полемический прием страстного диалектика Хомякова, нередко уходящего в крайности и парадоксы, в этом и правда: в истории России было немало

Алексей
Степанович
Хомяков.
Автопортрет.
1842 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Обложка издания
стихотворений
А.С. Хомякова
[М., 1868]

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ш. Козина.
Портрет
Екатерины
Михайловны
Хомяковой,
урожденной
Языковой

страшного, несправедливого, и даже славные страницы истории, случалось, омрачались разными неприятными казусами.

«Грамотность! Но на копии с присяги русских дворян первому из Романовых вместо подписи князя Троекурова, двух дворян Ртищевых и многих других, мне известных, находится крест с отметкой: по неумению грамоте, – приводит пример Хомяков. – <...> Правда! Но князь Пожарский был отдан под суд за взятки; <...> Довольство! При малейшем неурожае люди умирали с голода тысячами, бежали в Польшу, кабалили себя татарам, <...> Церковь просвещенная и свободная! Но назначение патриарха всегда зависело от власти светской, <...> Собор Стоглавый остается бессмертным памятником невежества, грубости и язычества, <...> Искать ли нам добра и счастья прежде Романовых? Тут встречаются нас волчья голова Иоанна Грозного, нелепые смуты его молодости, безнравственное царствование Василия, ослепление внука Донского, иго монгольское, уделы, междоусобия, унижение, продажа России варварам и хаос грязи и крови».

Что же это за опровержение Чаадаева, который тоже во всей истории своей страны видит только «мрачное и тусклое существование»? Неужели не было и нет ничего хорошего? Есть. И Хомяков это отмечает, не забывая, впрочем, уточнить, что это тоже лишь вспышки, да и то многое утеряно: давно замолкли веча, распрощались со свободой северные города, утратило вольность крестьянство. Но Хомяков обращается к истинной логике развития истории, той самой, которой не увидел Гегель за своими формулами. Путь России, ее ошибки определялись условиями формирования государства. Теперь же государство установилось, общество готово воспринимать ценности подлинного просвещения, гуманизма, истинного христианства, и эти ценности могут и должны формироваться как из идеалов

прошлого, так и из возможностей настоящего, как из национальной самобытности, так и из переосмысленных открытий Запада. Никакого пустого национального самодовольства, никакого воинствующего отрицания чужого опыта. Меньше всего Хомяков хотел тешить русское сознание иллюзиями превосходства, он, напротив, предложил обществу путь, непростой, трудный, требующий смирения и отваги, веры и любви к свободе.

Интересно, что те же идеи в тот же период, в 1839 году, Хомяков выразил в гораздо более краткой, лирической форме – в стихотворении «России»:

*«Гордись! – тебе льстецы сказали. –
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!»*

<...>

*Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись –
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!*

<...>

*Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!*

«ПЕРВЫЙ РУССКИЙ БОГОСЛОВ»

Хомяков много размышлял о Церкви. Размышлял как человек, глубоко верующий, но все же как мирянин. И в этом смысле он стал, по сути, первым русским религиозным философом или действительно независимым и самобытным первым русским богословом. Это за ним признавал и Владимир Соловьев, не особенно жаловавший Хомякова. «Учителем Церкви» называл Хомякова его ученик, публицист Юрий Самарин.

А вот что писал о Хомякове-богослове Бердяев: «В нем православный Восток осознал себя, выразил своеобразие своего религиозного пути. Хомяков хотел формулировать вселенское церковное сознание и пытался выразить самое существенное в Церкви вселенской. Но все же религиозное сознание его было сознание православно-восточное, а не все-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Б.М. Кустодиев.
В московской
гостиной
в 1840-х годах.
1913 год.

Изображены:
М.С. Щепкин,
И.С. Тургенев,
П.Я. Чаадаев,
Т.Н. Грановский,
К.С. Аксаков,
В.Г. Белинский,
А.С. Хомяков
и другие

ленское, все же сознание его направлено против католического Запада. Католическому миру Хомяков отказывает в принадлежности к Церкви Христовой. На этой почве выросли все грехи славянофильства, в этом коренилась его ограниченность. Но православный Восток должен был пройти через исключительность своего религиозного осознания, без этого он не может перейти к вселенскому единству.

Цикл богословских трудов Хомякова открывается работой «Церковь одна» и продолжается серией полемических сочинений, писем, заметок, написанных в 1850-е годы. Вопросам религии немалое место он отдает и в своем фундаментальном историософском труде «Записки о всемирной истории». Заслуга Хомякова состояла в том, что

он аргументированно отделил православие от давшего ему начало византийства, доказав, что в основе первого лежит особый национально-психический тип веры. Хотя православие пошло от Византии и формально-догматически много византийского в себя вобрало, но душа русская, творческая и свободная, осталась далекой от восточного лукавства, жесткости и мрачности Константинополя. При этом он настаивал, что особое русское православие не осуществилось еще окончательно. По Хомякову, русские люди должны еще осознать православие, принять его сердцем и воплотить деятельно: научиться «жить друг с другом, а не друг подле друга», понять, что «человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому», а правда Христова еще только должна органически войти в русский быт.

Сам Хомяков искренне пытался жить по вере даже в самых житейских вопросах. Он соблюдал все посты и обряды. И не фор-

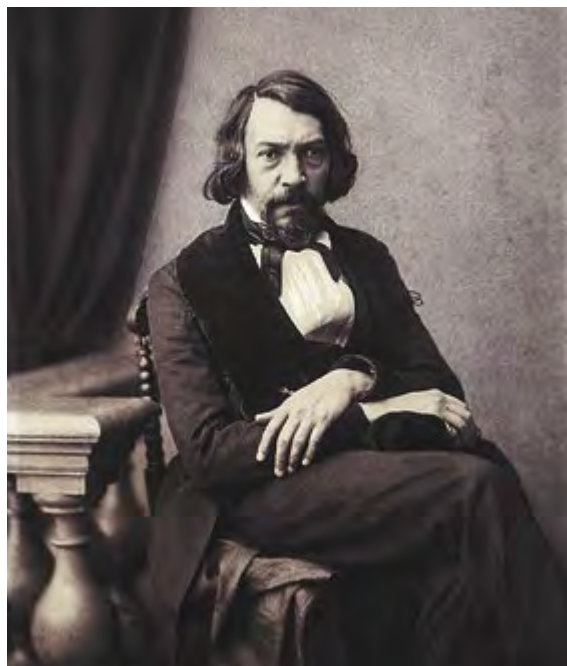
ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Москва. Дом Хомякова на Собачьей площадке (Бытовой музей сороковых годов XIX века). Комната для гостей. Здесь часто ночевал Н.В. Гоголь. 1920-е годы

мально, а признавая за каждым религиозным актом великое таинство. Настоящей святыней была для него семья. В пору, когда брак для многих был делом сугубо практическим, Хомяков понимал его как дар, «налагающий высокую обязанность взаимной любви». Сам он так и венчался с Екатериной Языковой – по большому взаимному чувству. До встречи с ней случались с ним, конечно, разные порывы, влекли соблазны, однако все это было пустое, и даже силой беспечной молодости его не уносило ни в какие водовороты страстей – он ждал одну-единственную. Еще в юности Хомяков дал клятву до брака не вступать в связь ни с одной женщиной. Сначала он пообещал это матери, а потом и себе – это казалось ему справедливым: ведь, предаваясь распутству, невозможно было требовать чистоты и от женщины. Брак Хомякова был счастливым. С Екатериной Михайловной они прожили в согласии шестнадцать лет, родили 9 детей. Первые двое умерли от скарлатины, но супруги так друг друга поддерживали, что вышли из черноты утраты укрепленными в вере.

Важным в преломлении веры был для Хомякова феномен дома, быта. В этом он видел здоровье общества: у каждого русского человека должен быть дом, налаженное хозяйство. Хомяков, даже будучи богословом, оставался человеком трезвым, крепким хозяйственником, которому не были свойственны мистицизм, экстазы и прочие бездны. Ему абсолютно чужд был восточно-христианский аскетизм. В устроенном быте Хомяков видел больше настоящей веры, и он искренне желал бытового, житейского благополучия каждому. Как писал Бердяев, в Алексее Хомякове «не было религиозной тревоги, религиозной тоски», «это был религиозно сытый человек, спокойный, удовлетворенный».

Занятно: славянофильским христианством порой пугают как каким-то тяжелым испытанием, требующим тупой покорности, бессмысленного страдания и

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

бездумной аскезы. И вот пример здоровой, полной жизни христианской философии, не отрицающей радости существования, веселья бытия. Хомяков часто смеялся. Его за это даже упрекали в лицемерии. Может ли человек верующий так заразительно заливаться смехом? Видно, вопросом таким задавались сторонники идеи, что и Христос был вечно печален и никогда не смеялся. Или же дискредитировать философию Хомякова таким об-

Алексей
Степанович
Хомяков.
1850-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Титульный
лист книги
А.С. Хомякова
«Записки
о всемирной
истории»
(М., 1873)

Могила
А.С. Хомякова
на кладбище
Даниловского
монастыря.
1910 год

разом пытались представители строгого бездушного официоза.

Труды Хомякова почти не печатались при его жизни. Или же они – и это поразительно! – публиковались на французском языке за границей. В эпоху императора Николая I даже, в общем, лояльные самодержавию славянофилы были нежелательны. Впрочем, в случае Хомякова дело было не только в цензуре. Он и сам не особо стремился печатать свои работы. Во-первых, он был, по собственному признанию, ужасно ленив и многое не мог довести до ума – порой приятели даже запирали его на ключ, чтобы принудить писать свои «Записки о всемирной истории», названные с подачи Гоголя «Семирамидой», над которыми он работал двадцать последних лет жизни. Во-вторых, ему можно было не думать о гонорах, публицистика не была для него работой. В-третьих, Хомяков больше любил устные диспуты, нежели письменную полемику.

Да и жил философ, в общем, хоть и размеренно, но часто стихийно: то подолгу оставался в деревне и занимался преимущественно хозяйством, то уезжал за границу. Так, в 1847 году он совершил большое путешествие по Европе: побывал в Берлине, Дрездене, Кракове, Праге, Вене, Париже, Лондоне, Оксфорде.

Впрочем, в последние десять лет жизни Хомяков работает очень много: изучает, обобщает, систематизирует труды своих предшественников по философским и религиозным темам, исследует историю русского православия, ставит новые вопросы и пытается на них отвечать, продолжает трудиться над «Семирамидой». Увы, труд этот остался неоконченным. В 1860 году, борясь в своей деревне с эпидемией холеры, Алексей Степанович заразился сам. Лечиться упорно пытался средством собственного изобретения – оно его не спасло. Философа похоронили в московском Даниловском монастыре рядом с Языковым и Гоголем, а в советское время могилу его перенесли на Новодевичье кладбище. ■

ФОТО АВТОРА

РОДНОЙ УГОЛ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

СЕЛО СПАС-УГОЛ, ГДЕ РОДИЛСЯ МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, СТОИТ НА ОЖИВЛЕННОЙ ДОРОГЕ. ЗА НЕПОЛНЫЕ ДВЕСТИ ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ ОНО, КАЖЕТСЯ, НЕ РАЗРОСЛОСЬ И НЕ СТАЛО БЛИЖЕ К КРУПНЫМ ЦЕНТРАМ. НЕБОЛЬШАЯ ЦЕРКОВКА СО СТРОЙНОЙ КОЛОКОЛЬНОЙ, БЮСТ ПИСАТЕЛЯ, НОВЫЙ МУЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ЗДАНИИ И МАГАЗИНЧИК С АССОРТИМЕНТОМ ИЗ ПЕЧЕНЬЯ И КОНСЕРВОВ – ВОТ И ВСЕ, ЧТО МЕЛЬКНЕТ В ЗЕРКАЛЕ ЗАДНЕГО ВИДА ВОДИТЕЛЯ, ПРОЛЕТЕВШЕГО МИМО СПАС-УГЛА, НЕ ПРИТОПИВ ПЕДАЛЬ ГАЗА.

В ПРОЧЕМ, ТЕМ, КТО здесь остановится, будет что посмотреть и чего поискать, а найдя, задуматься. Даже без барского дома, сгоревшего более века назад, эти места сохранили немало следов из детства Салтыкова-Щедрина (см.: «Русский мир.ру» №4 за 2011 год, статья «Непрочитанный»), описанных в романах «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина».

ДОМ «НА МАНЕР КОМОДА»

«Местность, в которой я родился и в которой протекло мое детство, даже в захолустной пошехонской стороне, считалась захолустьем. Как будто она самой природой предназначена была для мистерий крепостного права. Совсем где-то в углу, среди болот и лесов, вследствие чего жители ее, попростонародному, назывались «заугольниками» и «лягушатни-

ками», – писал Салтыков-Щедрин в своем последнем романе, «Пошехонская старина».

Родное село Михаила Евграфовича не одно столетие носит название «Спас-Угол» (впервые оно упоминается в писцовых книгах в 1672 году. – **Прим. ред.**). Называется оно так вовсе не из-за какого-то особого, углового положения. Имя свое село получило по церкви Спаса-Преображения и потому, что находилось на сходе (углу) Московской, Тверской и Ярославской губерний. Эти области и по сей день окружают уже не существующее поместье Салтыковых. Так что местные жители подчас не раз и не два пересекают границы трех областей: живут в одной, работают в другой, в магазин едут в третью.

Михаил Евграфович родился 27 января 1826 года в Калязинском уезде Тверской губернии, а ныне Спас-Угол относится к Талдомскому району Московской области. Впрочем, по давней привычке писателя считают тверичом. Интересно, что в письмах члены семьи Салтыковых называют свое село Спасским, будто забывая об «углах». Во введении к «Пошехонской старине» Салтыков-Щедрин просит

читателей не «смешивать мою личность» с личностью главного героя – дворянина Никанора Затрапезного, от имени которого ведется повествование. «Автобиографического элемента в моем настоящем труде очень мало; он представляет собой просто-напросто свод жизненных наблюдений, где чужое перемешано с своим, а в то же время дано место и вымыслу», – подчеркивает Михаил Евграфович.

Впрочем, исследователи творчества писателя считают, что страницы романа, рассказывающие о детстве главного героя, вполне биографичны. В музеях писателя их нередко зачитывают как отрывки из мемуаров. И с этим трудно не согласиться, когда увидишь в книге упоминание про «угол», а также встретишь название «Малиновец» – это деревня, в которой родился и живет Никанор Затрапезный. Деревня с таким же названием по сей день находится по соседству со Спас-Углом. Кстати, во времена писателя имение Малиновец также принадлежало Салтыковым. Да и родители Никанора, описанные в романе, напоминают родню писателя: отца – коллежского советника Евграфа Васильевича Салтыкова и мать – дочь московского купца Ольгу Михайловну (в девичестве Забелину).

«Дома почти у всех были одного типа: одноэтажные, продолговатые, на манер длинных комодов; ни стены, ни крыши не красились, окна имели старинную форму, при которой нижние рамы поднимались вверх и подпирались подставками. В шести-семи комнатах такого четырехугольника, с колеблющимися полами и нештукатуренными стенами, ютилась дворянская семья, иногда очень многочисленная, с целым штатом дворовых людей, преимущественно девок, и с наезжавшими от времени до времени гостями», – пишет Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине».

Именно в таком доме, похожем на длинный комод, писателю довелось провести детство. После того как дом сгорел в 1919 году,

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЙ «МУЗЕЙ М.Е. Салтыкова-Щедрина»

представление о нем могут дать лишь сохранившиеся старые фотографии и искусно сделанный макет, выставленный в Музее М.Е. Салтыкова-Щедрина в Спас-Угле. Дом действительно больше напоминает хозяйственную постройку или изящную конюшню, нежели усадьбу многодетной и не бедной дворянской семьи.

Михаил Салтыков еще в молодые годы придумал литературный псевдоним Щедрин

Мать писателя делила своих многочисленных детей на «постылых» и любимцев

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЙ «МУЗЕЙ М.Е. Салтыкова-Щедрина»

РОДОВОЕ КЛАДБИЩЕ

Что же посмотреть в Спас-Угле, если ничего не сохранилось, спросите вы. И все же кое-что осталось. Во-первых, один из главных «экспонатов» – церковь Преображения Господня. Она стоит на обочине дороги и видна со всей округи. Для Салтыковых она была больше, чем просто ближайший к их дому храм. Здесь в каждой постройке воплощена жизнь старинной дворянской семьи. И смерть, конечно, тоже – на церковном кладбище похоронены отец, братья и сестры писателя.

Сначала церковь в селе была деревянной, но после череды пожаров в конце XVIII века Спас-Преображенская церковь была перестроена в камне. Финансировала ее возведение бабушка Салтыкова-Щедрина. В XIX столетии отец писателя, Евграф Васильевич, расширил церковь, пристроив каменную часовню. Спас-Преображенскую церковь закрыли в 1940 году, здание долгое время было заброшено. А в 1980-х годах, после празднования 150-летия со дня рождения писателя, в трапезной церкви разместили Музей Салтыкова-Щедрина. Ну а после «переезда» экспонатов в новый музей, открытый в 2019 году, церковь снова стала церковью.

Работает она не каждый день, нередко бывает закрытой. Но мне посчастливилось в нее попасть: в трапезной что-то мастерил пожилой плотник. «Можно посмотреть церковь?» – спросил я. «Заходите», – ответил он и, кивнув на массивную дверь, снова взялся за молоток. Поразительное доверие, подивился я, ведь в нефе стоит ящик с пожертвованиями, есть стеллаж с выставленными на продажу иконами и другие ценности. Храм совсем небольшой, пахнет здесь воском и ладаном. Вероятно, большая семья Салтыковых могла заполнить неф целиком...

Отец и несколько братьев и сестер Салтыкова-Щедрина покоятся на кладбище при церкви. Найти захоронения несложно, они обнесены большой оградой

синего цвета. В центре – могила Евграфа Васильевича Салтыкова. На плите можно прочесть, что он имел чин коллежского советника и был кавалером ордена Святого Иоанна Иерусалимского, которым награждали как за военные подвиги, так и за заслуги в гражданской службе. Отец писателя умер в 1851 году и успел застать первые успехи сына на литературном поприще, но на страницы его книг он попал спустя десятилетия. Считается, что Михаил Евграфович увековечил своего родителя в образе старика Владимира Михайловича Головлева в «Господах Головлевых», Василия Порфирьевича Загряпезного в «Пошехонской старине» и в некоторых других произведениях. Герои эти живут, как правило, тихой и смирной жизнью под пятой своих жен, которым боятся преколовить. Но порой они способны на интриги и неожиданные приступы активной деятельности, вызванные их капризностью.

В той же ограде покоятся братья и сестры писателя, включая умерших в младенческом возрасте. В том числе и Дмитрий Евграфович Салтыков, которого старший брат вывел в образе Иудушки Головлева в своем бессмертном романе. С ним Михаил Евграфович вел несколько лет тяжбу о наследстве и называл злым демоном и любителем кляуз.

«В мемуарном наброске Салтыков отметил свое несколько особое положение в семье: «Я лично рос отдельно от большинства братьев и сестер, мать была не особенно ко мне строга...» – отмечает в биографии писателя один из ведущих исследователей его творчества, Константин Тюнькин. – Чем можно объяснить такое отношение матери к своему шестому ребенку и третьему сыну? Прежде всего тем, наверное, что пять первых детей Ольги Михайловны почти все были погодками, а Михаил родился через три года после сестры Любви (родившаяся в 1825 году Софья умерла во младенчестве), а брат Сергей появился на свет через три года по-

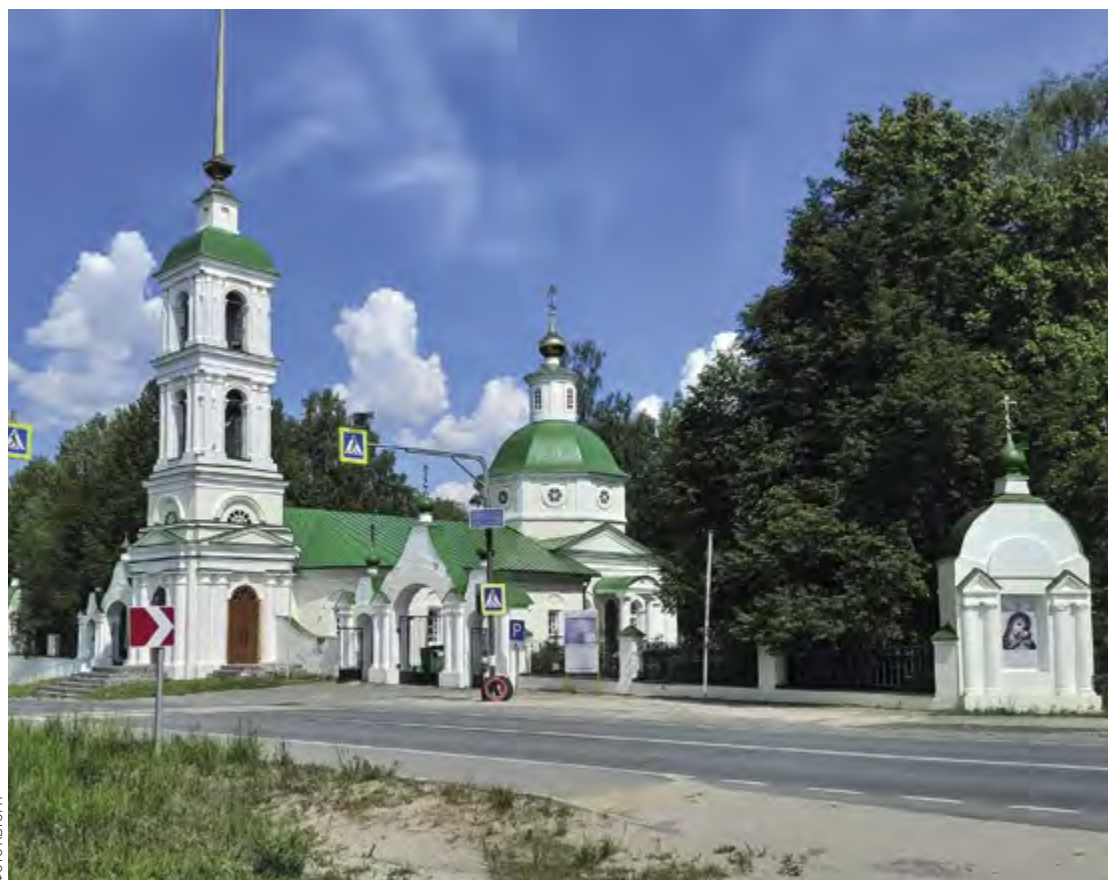

ФОТО АВТОРА

Церковь Преображения Господня строилась предками писателя, в ней находился его музей

сле Михаила (в 1829-м). Долгое время Михаил был младшим и любимым сыном. Николай (родившийся в 1821 году; прототип Степки-балбеса из «Господ Головлевых» и «Пошехонской старины») и Сергей, забитый оригинальной семейной педагогикой, принадлежали, по классификации и соответствующему отношению Ольги Михайловны, к числу «постылых». Такое положение Михаила среди салтыковских детей создало ему некото-

рую самостоятельность, сыграло свою положительную роль. При всеобщей приниженности, угнетенности и забитости, которой, разумеется, и он полностью избежать не мог, он все же был забит и унижен менее других. Своеобразное одиночество, уединение среди гама и плача классной комнаты оставляло больше времени и возможностей для размышлений, сравнений и оценок. Уединение оказывалось пусть и относительной, но все же свободой».

На поклон к Салтыкову-Щедрину приезжают группы и отдельные туристы со всей страны

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЙ «МУЗЕЙ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

ТЕНИСТЫЕ АЛЛЕИ И СУХИЕ ПРУДЫ

Если перейти дорогу от церкви (осторожно, из-под горки на скорости может вылететь машина), то в первую очередь в глаза бросится верстовой столб, установленный сотрудниками местного музея. На столбе указано: «До Москвы 135 верст». Сотрудница местного музея рассказала, что у столба непременно останавливаются экскурсии. Возле него туристам рассказывают о том, что расстояние, которое современный автомобиль проезжает за три часа, семейство Салтыковых, которое ежегодно ездило зимовать в Москву, преодолеvalo за два-три дня. От указателя в сторону леса тянется липовая аллея. В воспоминаниях Салтыков-Щедрин критикует парк своего детства за то, что летом он не спасал гуляющих от жары, поскольку деревья сильно стригли на иностранный манер. Липы растут здесь по сей день, но теперь

Семейство Салтыковых проводило зимы в Москве, путь туда занимал несколько суток

На месте сгоревшего барского дома установлен камень с обещанием отстроить усадьбу

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЯ «МУЗЕЙ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

Последний роман писателя, «Полехонская старина», считают во многом автобиографическим

ножниц и топоров не знают, а потому дают прохладу. Если оглядеться по сторонам, можно заметить неглубокие овраги. Во времена Салтыковых здесь были пруды, в которых ловили карпов, купались и катались на лодке. По аллее можно дойти до святого источника с целебной водой. К одному из юбилеев писателя источник облагородили, установив над ним деревянную избушку. Но после этого, рассказывают местные жители, источник перестал бить. Со временем он возобновился, но не с прежней силой. Последний объект прогулки в Спас-Углу – камень на месте дома семьи Салтыковых. На нем – табличка, на которой есть фотография барского дома, портрет писателя, а также надпись: «На этом месте будет восстановлен дом господ Салтыковых, где 27 января 1826 года родился великий русский писатель-сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин (дом построен в 1816 году, сгорел в 1919-м)». Сроки восстановления дома не указаны, но табличка успела уже слегка проржаветь по углам. К 200-летию писателя дом вряд ли успеют отстроить. Гости обычно отдыхают здесь на пенке и срывают листочки с кустов на память о посещении салтыковских пенатов...

ФОТО АВТОРА

В сувенирной лавке можно купить сборник рецептов салтыковских блюд

ПОШЕХОНСКИЕ ЛАКОМСТВА

Местный музей писателя, в который пять лет назад перевезли из церкви коллекцию экспонатов, не претендует на мемориальность. Но в нем тепло, светло и не тесно. Хорошее место для выставок, конференций, дискуссий и чаепитий, которые здесь проводятся по праздникам.

В коллекции музея помимо макета дома Салтыковых можно увидеть увеличенные фотографии писателя в разном возрасте, предметы быта местных крестьян XIX века, а также вещи из обихода чиновников тех лет: Салтыков-Щедрин, как известно, добился высоких постов в нескольких губерниях.

Дольше всего экскурсанты обычно стоят возле листов с черновиками писателя, поражаясь не только удивительно неразборчивому почерку классика, но и тому, что жена Салтыкова-Щедрина разбирала каждое слово, переписывая их набело.

О том, что подавали к столу в доме Салтыковых, в музее тоже рассказывают. И нередко угощают посетителей чем-нибудь таким из господского рациона. По частоте упоминаний блюд провинциальной русской кухни, а также виртуозности их описания в отечественной литературе Салтыков-Щедрин уступает, пожалуй, только Гоголю.

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЯ «МУЗЕЙ М.Е. Салтыкова-Щедрина»

Двухэтажный Музей Салтыкова-Щедрина открылся в Спас-Угле пять лет назад

К 195-летию автора «Господ Головлевых» сотрудники музея издали книгу «Рецепты «Помехонской старины», в которой описаны рецепты блюд, упоминаемых в произведениях Салтыкова-Щедрина. Собраны они

из кулинарных книг, современных писателю.

«В тени громадной старой липы, под личным надзором матушки, на разложенных в виде четырехугольников кирпичиках, варились варенье, для

Музейная экспозиция рассказывает о детских годах писателя и членах его семьи

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЯ «МУЗЕЙ М.Е. Салтыкова-Щедрина»

ФОТО АВТОРА

которого выбиралась самая лучшая ягода и самый крупный фрукт. Остальное утилизировалось для наливок, настоек, водич и проч.», – рассказывает в «Пошехонской старине». Варений в книге несколько, а рецептов из разряда «и проч.» еще больше. Читавшие роман знают, что главный герой и другие барские дети всей душой ненавидели «соленые полотки из домашней живности, которыми в летнее время из опасения, чтоб совсем не испортились, нас кормили чуть не ежедневно». Разумеется, книга пошехонских рецептов начинается с этих самых полотков, которые, оказывается, представляют собой вымоченные в соленой воде, ошпаренные, а также повисевшие на морозе и солнышке тушки домашней птицы. Самый пространственный рецепт – у моченых яблок, которые готовили с медом, ржаной мукой и солью. Даже соление огурцов, согласно рецептам того времени, тоже не отличалось простотой. Как вам,

например, такое: солить в выпотрошенной тыкве, заливая отваром дубовой коры, чтобы огурцы хрустели. Музей в селе Спас-Угол не единственный в России, где хранят память о Салтыкове-Щедрине, но огурцами там не похрустишь. Музеи писателя открыты в Кирове (бывшая Вятка) и Твери, где он жил и работал. Однако сейчас оба музея закрыты на реставрацию.

ФОТО ИЗ ВК ГРУППЫ МУЗЕЙ «МУЗЕЙ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА»

Крупнейший из музеев Салтыкова-Щедрина расположен в Твери, сейчас он на реставрации

Писатель обратился к воспоминаниям о детстве в пожилые годы. Видимо, впечатались они глубоко

В Вятке Салтыков-Щедрин находился в ссылке и по впечатлениям жизни в этом городе написал «Губернские очерки», ставшие его пропуском в большую литературу. Музей, открытый в 1968 году, представляет, в какой, по сути, спартанской обстановке жил писатель в Вятке в течение семи лет. В Твери и музей, и экспозиция – другие, поскольку жизнь писателя здесь была иной. В этом городе он занимал пост вице-губернатора и арендовал несколько комнат в двухэтажном особняке неподалеку от волжской набережной. Хочется верить, что после капитальных ремонтов двух музеев и строительства родного дома писателя в Спас-Угле Россия заново откроет другого Салтыкова-Щедрина – под стать новым временам. Не только беспощадного сатирика, клеймившего пороки современного ему общества, но и тонкого исследователя русского народа, его образа мысли и традиционного уклада жизни. ■

КОГДА СОЛНЦЕ БЫЛО МОЛОЖЕ...

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ЗОЛОТЫЕ ГРИВНЫ И ПОЯСНЫЕ ПЛАСТИНЫ, НА КОТОРЫХ В ЯРОСТНОЙ СХВАТКЕ ПЕРЕПЛелись ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ЗВЕРИ, СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАШИ С ЗАГАДОЧНЫМИ ЗНАКАМИ, ОГРОМНЫЕ КОТЛЫ И КУВШИНЫ... ВСЕ ЭТИ ВЕЩИ ПОМНЯТ ВРЕМЕНА, КОГДА СОЛНЦЕ БЫЛО МОЛОЖЕ. ВЕКАМИ ОНИ БЫЛИ СКРЫТЫ В КУРГАНАХ, А ТЕПЕРЬ КРАСУЮТСЯ В ВИТРИНАХ. ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА В ОМСКОМ ОБЛАСТНОМ МУЗЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. М.А. ВРУБЕЛЯ РАБОТАЛА ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО ДРЕВНИХ СТЕПЕЙ. ПРЕДМЕТЫ СКИФО-СИБИРСКОГО МИРА ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЕВ РОССИИ».

ПРИУРОЧЕННЫЙ К 100-летию омского музея масштабный выставочный проект готовился два года. Он объединил археологические коллекции музеев и университетов Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Омска, Новосибирска, Минусинска. В экспозицию вошло около 600 предметов из золота, серебра, бронзы, железа, самоцветных камней, кости, керамики, войлока, шерсти и дерева. Выставка рассказывает о древних кочевниках, живших на обширной территории, которую ученые называют теперь «скифо-

сибирским миром». Он протянулся от Причерноморских степей до высокогорий Алтая и Минусинской котловины.

Это пространство населяли по большей части ираноязычные племена. Все они поклонялись Солнцу и почитали золото – символ этого небесного светила, подчеркивавший божественный характер власти степных вождей. У них было схожее оружие и конская упряжь, а предметы роскоши и бытовую утварь они украшали изображениями животных, птиц и фантастических существ. Эти признаки, характерные для культур племен скифо-сибирского мира, ученые ныне именуют «скифской триадой».

Древние народы не имели письменности, поэтому об их культуре и верованиях мы можем судить лишь по свидетельствам их современников – греков, римлян, китайцев. Прежде всего, конечно, речь идет о трактате Геродота «История». В нем повествуется о том, что скифы (так эти народы называли греки, сами они именовали себя скотами. – **Прим. ред.**) и близкие к ним племена – меды и сарматы – жили в Северном Причерноморье. Сарматы также занимали территорию восточнее – от Дона до степей Поволжья и Приуралья. Юг Западной Сибири и земли современного Казахстана были заселены исседонами и саками. Согласно Геродоту, еще дальше к востоку обитали «одноглазые аримаспы», поселившиеся у подножия Алтайских гор, на вершинах которых жили «стерегущие золото грифы».

«Этот проект очень яркий, звонкий, символичный. Такая выставка бывает раз в сто лет – в буквальном смысле, – пояснила директор Омского музея им. М.А. Врубеля Фарида Буреева. – И хотя артефакты из курганов саргатской культуры, также относящейся к скифской традиции, появились в собрании нашего музея в конце 80-х годов XX столетия, сделать отдельный большой проект с коллекциями различных музеев и географически протянуть эту линию от Дона до Горного Алтая нам удалось только сейчас».

В Древнем Китае тигр был символом осени, а дракон – весны, их борьба символизировала вечный круговорот, гармонию на небе и на земле

Посетитель этой грандиозной выставки как бы оказывался на археологическом раскопе. Окружные витрины – это подобие разрытых курганов, сохранивших для нас древние сокровища. Экспозиция была дополнена реконструкциями костюмов, головных уборов, конской упряжи, а также прорисовками петроглифов и татуировок в скифо-сибирском зверином стиле.

Две части экспозиции – «Восток» и «Запад» – связаны идеей встречного движения кочевых народов раннего железного века. Один зал представлял восточную ветвь скифов – это находки из Минусинской котловины и с Алтая. Второй демонстрировал западную – это экспонаты из Причерноморья. А отправная точка, с которой начиналась выставка, – Омская область, находящаяся между востоком и западом.

Упряжка, некогда украшавшая обувь знатного воина

ЛВЫ И ДРАКОНЫ

Первые находки древних золотых артефактов в Сибири были сделаны еще в XVII веке. Уже тогда среди русских поселенцев обрелись «черные археологи» – «бугровщики» (курганы в те времена называли «бугры»). Создавались даже целые артели, которые на лето уходили в степи, чтобы раскапывать древние курганы.

Сибирский губернатор князь Матвей Гагарин отправил Петру I несколько посылок с бугровым золотом. Вскоре после этого царь издал указ, в котором под страхом смертной казни запретил бесконтрольно раскапывать бугры, а все найденные предметы предписал в обязательном порядке доставлять в Санкт-Петербург – в Кунсткамеру.

«Как известно, город Омск был основан во время экспедиции Ивана Бухгольца (см.: «Русский мир.ru» №6 за 2022 год, статья «На берегу неба»), которую Петр I направил на поиски «песочного золота». Когда на территории Западной Сибири были обнаружены будоражащие воображение сокровища, то мысль о том, что где-то неподалеку находятся золотые россыпи, подвигла Гагарина поделиться идеей с царем Петром I. В результате был подписан указ о снаряжении той самой экспедиции», – говорит Фарида Буреева. Так что археология сыграла важную роль в основании города Омска и, соответственно, в продвижении русской культуры из Сибири таежной в Сибирь степную.

На омской выставке было представлено шесть предметов из легендарной Сибирской коллекции Петра I (самая ранняя

археологическая коллекция в России. – Прим. ред.), ныне хранящейся в Государственном Эрмитаже: золотые браслеты, поясные пластины и гривна.

В коллекции Петра I, полученной им в дар из Сибири, 250 золотых предметов. Информация о том, где они были найдены, не сохранилась. Но ученые сравнили золотые находки, обнаруженные в XX веке на территории Омской области в Исаковском и Сидоровском курганах, с драгоценными предметами, подаренными царю. И стало ясно, что золотые изделия из Сибирской коллекции Петра I схожи по своему химическому составу с недавно найденными, а значит, тоже происходят с территории Омской области. Так что можно сказать, что в этом году древнее золото ненадолго вернулось домой. В Исаковском и Сидоровском курганах, которые раскопали омские археологи Владимир Матющенко и Леонид Погодин, были захоронены молодые мужчины в возрасте 30–35 лет. Эти «царские» погребения предоставили в распоряжение археологов и историков массу интересных вещей. Древние воители были облачены в расшитые золотом одеяния, дополненные золотыми украшениями и парадным оружием. Такие роскошные одеяния и великолепные изделия, видимо, воспроизводят распространенный как в иранской, так и в угорской мифологии образ «золотого человека», олицетворявшего мудрость, могущество и власть. Скорее всего, похороны «царей» сопровождалась жертвоприношениями рабов или слуг – их останки также были обнаружены при раскопках.

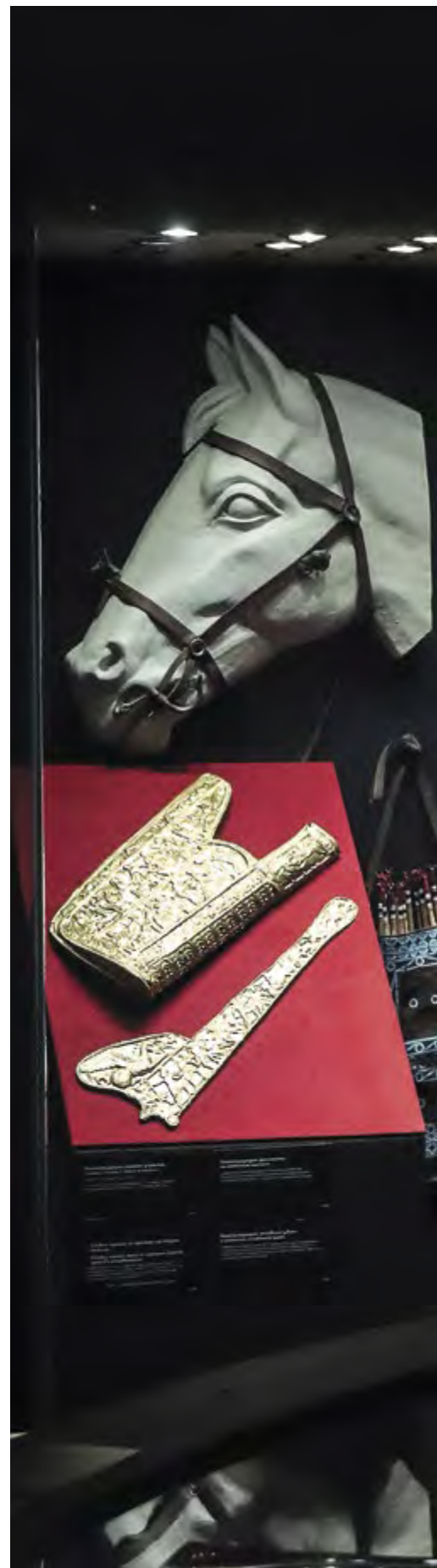
Лесостепная саргатская культура, соединявшая традиции Востока и Запада, существовала с VII–VI веков до н.э. до III–V веков н.э. на пространстве от Урала до Оби.

Браслет из Сибирской коллекции Петра I

На территории современной Омской области находился один из ее центров. Саргатцы (см.: «Русский мир.ru» №3 за 2022 год, статья «Властители прииртышских степей») были прекрасными всадниками и умелыми воинами. Они занимались охраной торговых караванов – вдоль Иртыша проходил один из отрезков Великого шелкового пути. Так что в саргатских захоронениях можно обнаружить китайские мечи и бронзовые сосуды, египетские бусы, изделия иранских и древнегреческих мастеров.

Усыпанные бирюзой золотые поясные пластины, на которых в яростной схватке сплелись дракон и два льва, могут поведать о многом. Сюжет борьбы животных был широко распространен в древнеиранском искусстве, а затем перешел в художественное творчество кочевых народов Евразии, отражая представление о существовании в мире добра и зла, земного и потустороннего. А еще в этом мотиве могли отразиться мифологически осмысленные астрономические наблюдения. К примеру, временем начала весенних полевых работ считалась пора, когда созвездие Льва сменяет на небесном своде созвездия Быка и Оленя (Плеяды и Кассиопею). Графически это могло изображаться как сце-

Подвеска «кошка» с парадных ножен меча древнего воителя

Богатый наряд скифского царя, похороненного в Елизаветовском могильнике (группа курганов Пять братьев) в Ростовской области

Сцена борьбы верблюда и фантастического существа с мордой и туловищем волка, рогами оленя и птичьими лапами

на терзания хищником копытного животного. Поскольку разные племена называли созвездия по-своему, льва, быка и оленя могли замещать другие звери – реальные и фантастические.

Кстати, аналогичные композиции встречались, например, в ордовских бронзах из Иволгинского могильника в Забайкалье. Как считают исследователи, вполне возможно, что в раннем железном веке существовала некая матрица, которая служила основой для создания в разных мастерских изделий со схожими мотивами.

На парных украшениях конской сбруи – фаларах – изображен свернувшийся в кольцо крылатый дракон. Он считался обитателем подземного мира, защитником от всяких опасностей. А еще такой дракон мог символизировать вечный круговорот в природе, идею возрождения по-

сле смерти (возможно, это аналог уробороса – одного из древнейших символов, происхождение которого установить невозможно. – Прим. ред.). Похожие изделия хранятся в Государственном Эрмитаже, они были найдены в XIX веке у города Новоузенска в Самарской губернии.

В соседней витрине представлен уникальный предмет – панцирь из роговых пластин, обнаруженный на территории Саргатского района археологом и бывшим директором Музея им. М.А. Врубеля, Борисом Кониковым. Сотрудники музея заново собрали древний доспех, и теперь любой посетитель может увидеть, как выглядело снаряжение воинов, покоривших в древности огромные территории.

УНИКАЛЬНЫЕ ЭКСПОНАТЫ

В Омск также привезли сенсационные находки, сделанные археологами в XX веке в знаменитых ледяных курганах пазырыкской культуры на плато Укок (Горный Алтай). Там были найдены древнейшие ковры, повозки и мумифицированные тела с хорошо сохранившимися татуировками.

В выставочных витринах можно увидеть, например, выделанные из кожи сапоги-чулки, еще раз доказывающие известную истину: «все новое – это хорошо забытое старое». А еще – шерстяные штаны, мужскую шапку с деревянными украшениями, войлочные чулки с узорами и шубу, которой 2 с половиной тысячи лет. Внутренняя часть ее изготовлена из овчины, внешняя – из меха сурка. Концы рукавов стягиваются шерстяной ниткой. Этот уни-

Ножны кинжала украшали бляхи с изображением трех уток, плывущих по кругу

кальный экспонат предоставили на омскую выставку сотрудники музея новосибирского Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.

Археологи нашли шубу в курганном могильнике Верх-Кальджин-2 (один из пазырыкских курганов на плато Укок). Погребенный в нем вместе с конем, луком и стрелами древний воитель оказался блондином ростом около 180 сантиметров. Возраст мумии, на плече которой видна татуировка с изображением оленя-грифона, около 2 с половиной тысяч лет. Удивительные по сохранности артефакты из пазырыкских захоронений дошли до нас благодаря тому, что могильники оказались в естественной «консервации» из-за оледенения. По этой причине достоянием музеев стали древнейший в мире ковер, кожаные и войлочные детали, украшавшие одежду и упряжь.

«Скифы изобрели штаны, которые спасали их ноги от конского пота, вызывающего незаживающие язвы. Причем штаны у скифов носили и мужчины, и женщины. Последние участвовали в битвах наравне с мужчинами, что, скорее всего, породило греческие легенды об амазонках, – говорит куратор выставки Ирина Симонова. – Кроме того, скифы изобрели кисломолочные продукты, войлок, седла, переносные юрты».

Разумеется, на выставке можно увидеть и знаменитое золото скифов – уникальные изделия из собрания Ростовского областного музея краеведения, обнаруженные в нижнедонских Частых курганах, могильнике Елизаветовского городища и других археологических памятниках Северного Причерноморья. Из ростовского музея в Омск привезли около 400 предметов скифо-сарматской культуры, в том числе и замечательную реконструкцию одеяния скифского царя. Особенно впечатляет головной убор правителя, расшитый золотыми украшения-

Какими путями попала в прииртышские степи бактрийская серьга, неизвестно

ми. В экспозиции представлены также предметы, которые демонстрируются впервые – они были найдены лишь в прошлом году. «Вот, например, гривна, украшенная изображениями двух кошачьих хищников. Обратите внимание: она не сломалась, а разрублена. Это так называемое «умерщвление» предмета во время погребения. Так вещи переходили из мира живых в мир мертвых вместе со своим хозяином», – поясняет директор Ростовского областного музея краеведения Галина Куликова.

Ростовская коллекция артефактов заметно отличается от других предметов, представленных на выставке: в ее экспонатах заметно сильное влияние древнегреческой культуры. Кроме того, в экспозиции есть найденные в донских курганах бронзовые скульптуры античных богов, ритуальные терракотовые статуэтки, предназначенные для домашних алтарей, чернолаковая керамика и расписные сосуды. Это неудивительно, ведь в III веке до н.э. – V веке н.э. самой северной греческой колонией был эмпорий Танаис. Согласно Страбону, это торговое поселение было основано греками из Боспорского царства. Располагалось оно на правом берегу реки Мертвый Донец – это в 36 километрах от современного Ростова-на-Дону.

Еще одно таинственное послание из глубины веков

НА ОКРАИНАХ СКИФСКОГО МИРА

По степным районам от Южного Урала до Дуная кочевали сарматы, в античные времена известные под именем савроматов. В войне с персами они были надежными союзниками скифов. Савроматы были известны еще Геродоту, который размещал их восточнее реки Танаис. Современные ученые считают, что так греческий историк называл Дон, за верхнее течение которого в те времена древние греки принимали Северский Донец. Геродот указывал, что «за рекой Танаисом – уже не скифские края».

«Есть легенда, рассказывающая о том, что сарматы появились от союза скифов и амазонок. Неслучайно греки называли их «женоуправляемыми» – в сарматской иерархии женщины занимали главенствующее место. Они были жрицами и даже правительницами», – рассказывает заместитель директора Оренбургского губернаторского исто-

Такие наряды носили скифские женщины

рико-краеведческого музея по научной работе Алена Юрикова. Именно такая знатная женщина была похоронена в одном из знаменитых на весь мир Филипповских курганов – в этом погребении найдено 850 предметов из драгоценных металлов. Около трех десятков курганов савроматской или раннесарматской культуры V–IV веков до н.э. было исследовано археологами около села Филипповка Илекского района Оренбургской области. Там нашли несметные сокровища сарматских вождей, в том числе известные всему миру 26 фигурок золотых оленей. Золотыми бляшками у сарматов была украшена не только одежда, но и обувь. А бляшка в виде припавшей к земле перед прыжком пантеры некогда красовалась на головном уборе. Одной из самых знаменитых находок стали две золотые оковки сосуда с ручкой, выполненной в виде медведя с оскаленной пастью.

Впрочем, сарматы изготавливали украшения не только из золота, но и из бронзы. И бронзовые артефакты не уступают по красоте золотым. На другой окраине скифского мира – на обширной территории Минусинской котловины – жили племена тагарской археологической культуры. Китайские летописи называют их «динлины». Археологические памятники и наскальные рисунки рассказывают, что тагарцы жили в рубленых жилищах или в юртах и шалашах, которые сохранились у современных алтайцев, хакасов и тувинцев. Они носили короткие шерстяные рубахи и меховые штаны. Поверх надевалась шуба или кафтан длиной

Золотая оковка деревянной сарматской чаши с ручкой в виде медведя

до колен. На голове была вязаная шерстяная шапочка, а в зимнее время поверх нее надевался башлык.

Искусство тагарцев на выставке демонстрировали поясные пластины, навершия ритуальных жезлов, зеркала и кинжалы. В основном бронзовые – золота на верхнем Енисее было немного.

«В середине IV века до н.э. многие народы Центральной Азии бежали от завоевателей-хунну: новые этносы пришли в Минусинскую котловину, а с ними – и новые традиции. Появились поясные бляшки с изображением куланов, стали часто встречаться изображения птиц», – рассказывает научный сотрудник Минусинского регионального краеведческого музея Александр Зарипов.

Все эти предметы когда-то были свидетелями бурных исторических событий и, несомненно, могут еще о многом повеждать исследователям. А выставка «Золото древних степей» в подробностях рассказала о культуре скифо-сибирского мира, сделав ее ближе и понятнее современному человеку.

«Такие большие выставки очень интересны и полезны и в плане общения профессионалов, и для посетителей, потому что они показывают единую культуру, которая была сформирована древними племенами. Эти племена были очень воинственные и жестокие, тем не менее они сумели найти какой-то общий язык и на всем этом огромном пространстве создали единый культурный код», – констатирует Галина Куликова. 📌

Фотоматериалы для статьи предоставлены Омским областным музеем изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

СТИЛЬ ЖЕНЩИН И ЦВЕТОВ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

«ОДЕВАЙТЕСЬ, КАК ЦВЕТОК – У ВАС СТОЛЬКО ВКУСА! <...> НОСИТЕ У КОРСАЖА ЦВЕТЫ, ДУШИТЕСЬ, ЗАВЕРТЫВАЙТЕСЬ В КРУЖЕВА – ВСЕ ЭТО БЕЗУМНО КРАСИВО – ВСЕ ЭТО ЖИЗНЬ И ЕЕ ПРЕКРАСНАЯ СТОРОНА», – СОВЕТОВАЛ ЗНАМЕНИТЫЙ ХУДОЖНИК ЛЕВ БАКСТ СВОЕЙ НЕВЕСТЕ ЛЮБОВИ ГРИЦЕНКО В 1903 ГОДУ. ИМЕННО ТАК И ПОСТУПАЛИ ДАМЫ ВЫСШЕГО СВЕТА И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ БОГАТОЙ БУРЖУАЗИИ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ, КОГДА ЦАРИЛ РОСКОШНЫЙ И ИЗЫСКАННЫЙ СТИЛЬ МОДЕРН.

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

С НАЧАЛОМ ПЕРВОЙ мировой эпоха модерна закончилась. Современники той войны, пережив тяжелые потрясения, оглянулись назад и ностальгически назвали ушедшую эпоху *La Belle Époque* – «Прекрасная эпоха».

Всего двадцать с лишним лет (1890–1914) вместили огромное количество невероятных по силе и значимости событий. Модерн – что по-русски значит «современный», «новый» – это время появления кинематографа, первых полетов человека, зари русского авангарда, Серебряного века русской литературы, триумфа Русских сезонов Сергея Дягилева и расцвета русского стиля в декоративно-прикладном искусстве, покоровших Европу.

Новые технологии стремительно меняли у людей ощущение времени и пространства. Возводились ажурные сооружения из металла – такие как Торговые ряды ГУМа. Строились особняки и загородные дома с лифтами и горячей водой. В жизнь людей вместо курьеров входили телеграф и телефон. Взамен свечей в домах появилось электричество. Кареты превращались в самодвижущиеся экипажи – автомобили. Тяжелые ящики фотоаппаратов превратились в небольшие приборы, которые можно было взять с собой в путешествие.

Мир менялся так быстро, что обычный человек порой ощущал свое бессилие перед этими переменами, завораживавшими и пугавшими одновременно.

Неслучайно символисты – поэты и философы – призывали бежать от слишком быстро меняющейся реальности в идеальный мир грез. Например, в «Элизиум» – обитель душ блаженных, изображенную на картине Льва Бакста. Художники обращали свои взоры к природе, что тоже являлось своего рода попыткой эскапизма. Из природы они почерпнули плавные, текучие, изогнутые линии, ставшие визитной карточкой модерна. Это было подражание формам растений с вьющимися стеблями и бледными цветами: лилиям, ирисам, орхидеям, хризантемам. Цветовая гамма стиля – приглушенная, пастельная или, как тогда говорили, «припудренная». Как на картине Михаила Врубеля «Жемчужина», в которой художник показывает, что природа и человек одно целое, а искусство – это сотворчество с природой.

Создателей нового стиля, будь то архитекторы, художники или модельеры, объединяла идея, что искусство способно изменить мир. Она звучала практически в унисон с надеждой Федора Михайловича Достоевского на то, что «красота спасет мир». Мечтой модерна было наполнить утонченной красотой все окружение человека – от архитектуры до костюма.

Для поездок на новом виде транспорта – автомобиле – дамам понадобилась специальная одежда: пыльник – легкое пальто, объемная шляпа с вуалью или широким шарфом

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

КТО ВЫ, ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА?

В «Прекрасную эпоху» одновременно существовали два направления моды: одно культивировало рафинированное изящество утонченной дамы, похожей на цветок, другое развивалось в русле феминистского движения и стремления к комфорту в одежде. Модный журнал «Дамский мир» в начале века провозглашал, что «самая благородная, самая возвышенная роль, которая присуща женщине, – та же, что роль цветка в царстве растительном: распространять очарование, поэтизировать существование, внушать любовь». Художники и поэты идеализировали женщину, хотели видеть в ней Прекрасную Даму – воплощение мечты о совершенстве. Помните, как в «Незнакомке» Александра Блока? «Дыша духами и туманами, // Она садится у окна. // И веют древними поверьями // Ее упругие шелка, // И шляпа с траурными перьями, // И в кольцах узкая рука».

Чувственное понимание красоты, идеал которого – женщина, подобная изящному цветку, отразилось и в создании костюма. В первую очередь роскошных и дорогостоящих вечерних и балльных нарядов. Тонкий «стебель» фигуры в платье из бархата или шелкового шифона, украшенного кружевом или искусной вышивкой, венчал прекрасный «бутон» – прическа из пышно взбитых волос или большая шляпа. Женский силуэт определяла нарочито искусственная, вычурная линия S-образного изгиба фигуры, формируемого корсетом и усиленного спереди мягким лифом с напуском, так называемой «голубиной грудкой». Юбка плотно охватывала бедра и веером распускалась к полу, заканчиваясь треном.

В подобном наряде предстает Зинаида Юсупова на портрете кисти Клавдия Степанова. Или графиня Мария Келлер, чей портрет в жемчужных тонах создал не подражаемый Лев Бакст.

Своего рода униформой работающих женщин были вышитые

Портрет графини М.А. Келлер
кисти Льва Бакста. 1902 год

блузки светлых оттенков, однотонные темные юбки в форме колокола, суконные жакеты. Весь образ говорил о стремлении к простоте, практичности и удобству. В таком костюме комфортно самостоятельно перемещаться по городу пешком или запрыгивать на подножку трамвая, чтобы успеть вовремя на рабочее место медсестры, телефонистки, портнихи, машинистки, учительницы. Многолетние усилия феминисток не пропали даром: в начале XX века многие женщины получили долгожданную возможность работать и зарабатывать. В таком костюме предстает знаменитый модельер эпохи Надежда Ламанова на неоконченном портрете кисти Валентина Серова. Она обеспеченная дама, но ее наряд подчеркивает, что прежде всего она – профессионал своего дела.

Портрет княгини
Зинаиды
Юсуповой
кисти
К.П. Степанова.
1903 год

Удобный
и практичный
костюм для
путешествий –
тальер

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

АЛЕКСАНДР БУРЬИ

ПРАВО БЫТЬ ГАРМОНИЧНЫМ

На рубеже веков «для всех тех, кто приносит жертву на алтарь грации, блеска, великолепия и красоты, для всех них Париж был, есть и будет священным местом паломничества». Именно французские модельеры задавали тон в европейской, американской и российской моде. Одна из самых богатых и знаменитых невест «Прекрасной эпохи», красавица Консуэло Вандербильт вспоминала, что в годы ее молодости (а это 1900-е) в Париже улица «Рю де ла Пэ» была средоточием домов моды, и на дверях скромных магазинов приветственно красовались имена великих модельеров: Уорт, Дусе, Руфф. А внутри от прекрасных платьев, дорогих мехов и прозрачного белья просто захватывало дух».

В Санкт-Петербурге таким местом был Невский проспект. В Москве – легендарный Кузнецкий Мост со множеством магазинов готовой элегантной одежды и портновских мастерских. С середины XIX века в обоих городах постепенно формировался собственный круг профессиональных мастеров иголки и нитки, скорее, художников, которые не только следовали за парижским *dernier cri* (последний крик моды), но и создавали индивидуальную моду.

Столица славилась мастерской Евдокии Ивановой, которая еще в середине 1880-х годов «приобрела громкую репутацию талантливой модистки и большую практику в бомонде». Она одевала императрицу Марию Федоровну и ее дочь великую княжну Ксению Александровну. Мастерские Альбера Бризака, Ольги Бульбенковой, Анны Гиндус работали как для дам императорского дома, так и других знатных светских красавиц «Прекрасной эпохи». В наши дни их имена постепенно возвращаются из забвения. «Большой московской знаменитостью» в среде аристократии, богатого купечества и артисти-

Об одежде учащих девушек остались занятные воспоминания одного профессора, которые приводит в своей книге советский театральный художник по костюмам Раиса Захаржевская: «Когда я был студентом, я ухаживал за «лампочкой»... Так называли курсисток, учащих высших женских курсов. Шляпа канотье на голове, широкие пелеринки на плечах и узенькая талия, перетянутая кушаком, делали девушек издали похожими на керосиновые лампы со стеклянными абажурами». Для прогулок и комфортных путешествий, которые вошли в моду

в эпоху модерна, дамы предпочитали тальер – «холщовый или пикейный английский костюм – олицетворение всего практичного и полезного в отрасли дамского туалета». Как правило, он состоял из длинного жакета и слегка расклешенной юбки, выполненных из одной ткани, ранее использовавшейся лишь для мужской одежды. Художник Лев Бакст полагал, что подобный женский костюм, столь поразительно схожий с мужским, создала «борьба за равноправие женщины и мужчины». Однако автором изобретения был английский портной Джон Редферн.

Платье в стиле модерн, созданное Надеждой Ламановой. Из коллекции Государственного исторического музея

Эскизы современных дамских нарядов Льва Бакста для французского дома моды «Пакен». 1913 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

ческого бомонда была Надежда Петровна Ламанова (см.: «Русский мир.ru» №5 за 2017 год, статья «Королева иглы и нитки»). Признанная уже современниками выдающимся художником по костюму, она шла в авангарде моды. Прекрасно ориентируясь в тенденциях французской моды, Ламанова все же самостоятельно придумывала новые фасоны и отделки, представлявшие в выгодном свете даже самую сложную фигуру. Ведь, по ее мнению, «всякий человек, несмотря на все недостатки его тела от природы или от образа жизни, имеет право быть гармоничным».

Наряды от Ламановой были столь хороши, столь завораживающе прекрасны, что покоряли не только женщин. Так, Георгий Адольфович Леман, внук основателя кондитерской фабрики «А.И. Абrikосов и сыновья», вспоминал, как однажды, будучи в гостях у Надежды Петровны, «увидел на одном из манекенов замечательной красоты платье тонкого теплого серого цвета, чудесно драпирующее фигуру». Изящный туалет впечатлил его столь сильно, что он «немедленно бухнулся на колени и положил этому платью-шедевр... земной поклон».

Именно Надежде Ламановой удалось придумать наряд, который можно назвать символом модерна в истории отечественной моды. Платье из лимонно-желтого бархата, того же оттенка шифона, с бархатными аппликациями по кружеву, декорированное изысканными цветами гортензии, вышитыми синелью (пушистый шнурок из шелка или бархата), было создано в начале XX века для эффектного вечернего выхода последней императрицы, Александры Федоровны. Вероятно, она была чрезвычайно хороша в этом наряде. Сегодня он, вместе с еще тринадцатью шедеврами «гения портновского искусства», бережно хранится в Государственном Эрмитаже и ждет очередного блестящего выхода.

Надежда Ламанова всегда подчеркивала, что она художник по костюму, а не обычный портной. Как и остальные творцы модерна, она верила, что «только через искусство мы можем прийти к созданию новых лучших форм жизни». Ламанова считала, что искусство «должно проникнуть во все области жизненного бытия, развивая художественный вкус и чутье в массах», а одежда является «одним из наиболее подходящих проводников».

«РУССКИЙ СЛЕД»

Стиль, как живой организм, меняется сообразно времени и происходящим событиям. В начале второго десятилетия XX века женская мода взорвалась фейерверком ярких цветов и разнообразных силуэтов. Помимо новаторских идей французских модельеров во многом виной тому был «русский след».

Еще в 1894 году журнал «Новь» писал: «Россия вызывает подражание у парижан своими экипажами, чистокровными рысаками, русской кучерской одеждой, упряжью, дорогими мехами и всей той царственной роскошью, с которой только русские способны обставлять себя за границей. Все русское производит фурор – его находят грациозным, красивым, а главное – в высшей степени роскошным и модным». В 1900 году это впечатление подкрепил грандиозный успех российских архитекторов, инженеров, художников, коллекционеров, ремесленников на Всемирной выставке в Париже. Тогда французский министр промышленности и торговли Александр Мильеран назвал российскую экспозицию «наиболее интересной приманкой на парижском празднике труда».

Апофеоз русского влияния на французскую, а значит, и мировую моду случился в 1910-х годах после гастролей в Париже Русских сезонов Сергея Дягилева, полностью изменивших эстетику модерна. «Это необычайное явление – проникновение искусства в жизнь через рампу, отражение театра в повседневной жизни, влияние его на область моды», – вспоминал художник Мстислав Добужинский.

Особый успех выпал на долю Льва Самойловича Бакста – выдающегося художника дягилевских антреприз. «Его признали и «короновали» сам изысканный и капризный Париж», – отмечал Добужинский. У Бакста получилось реализовать мечту модерна: приблизить красоту к повседневности, благодаря «тем новым откровениям, которые он дал в своих исключительных по красоте и очарованию постановках, поразивших не только Париж, но и весь культурный мир Запада».

Оформленные Бакстом в 1909 и 1910 годах спектакли «Клеопатра» и «Шехеразада» пленили парижан пряным сказочным Востоком, привнесли в женскую моду, по словам Добужинского, «изысканность ярких цветов, роскошь тюрбанов с перьями и затканых золотом тканей, пышное изобилие орнамента и украшений». На сцене, а потом и в моделях одежды Бакст отменил корсеты, предложил дамам юбки-шальвары и невероятные сочетания цветов: синего с золотым, зеленого с оранжевым, лилового и малинового. Позднее их назовут «бакстовскими». В 1915 году после постановок в русском стиле зарубежная пресса констатировала, что «русские идеи начинают проникать в моду. Русская рубашка была принята. Затем пришла отделка меха, имитирующая русскую манеру – с рисунков Льва Бакста – и с этим высокие сапоги, меховые тюрбаны и реалистичное подобие русских головных уборов».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

Французская модель Сильви Хирш в шифоновом платье от «Диор». 1949 год

Наряды «от Бакста» покорили всех: от аристократок до танцовщиц. Покровительница искусств Луиза Казати, прозванная «богиней декаданса», заказывала художнику максимально экстравагантные наряды. Знаменитая танцовщица Русских сезонов Ида Рубинштейн, которую Бакст сравнивал с «тюльпаном, дерзким и ослепительным», также предпочитала эффектные выходы. Внешний облик женщины модерна кардинально изменился благодаря идеям художника. Она уже

Кутюрье Кристиан Диор и его знаменитое платье из цветов «Мисс Диор». 1949 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

не томный изысканный цветик в блеклых оттенках, а «яркий фантастический цветок: ядовитое обольстительное растение, может быть – последняя Ева...». Парижские законодатели мод – дома «Ворт» и «Пакен» – быстро уловили настроения обеспеченных и знатных клиенток и стали сотрудничать с художником, покупая у него эскизы. Прославленный кутюрье Поль Пуаре предлагал Баксту за 12 рисунков модных туалетов астрономическую сумму в 12 тысяч франков. Покупала у художника эскизы и Надежда Ламанова.

«Бакст сумел ухватить тот неуловимый нерв Парижа, который правит модой, и его влияние в настоящую минуту сказывается везде в Париже – как в дамских платьях, так и на картинных выставках», – писал в 1911 году поэт Максимилиан Волошин. Мода была настоящим искусством для остро чувствовавшего красоту и дух времени талантливого художника Льва Бакста. Само слово «Мода» он писал с большой буквы и вопрошал: «Разве артист-художник не призван к тому, чтобы выразить в костюме идеи своей эпохи?»

«Я САДОВНИКОМ РОДИЛСЯ»

Модерн, изысканный и непрактичный стиль мистических, напоминающих цветы женщин, не канул в небытие сто лет назад. Весь прошедший век он продолжал вдохновлять дизайнеров.

Французский модельер Кристиан Диор, страстно любивший цветы и преклонявшийся перед красотой женщин, был самым прославленным «садовником» в моде с 1947-го и до конца 1950-х годов. Он считал, что «цветы – это самый прекрасный дар бога миру после женщины. Цветок на поясе, в петлице или в вырезе – и вот у всех вокруг уже праздник. Я уж не говорю про цветочные узоры, без которых просто не мыслю ни одной своей коллекции». Его наряды

с покатыми плечами, гибкими, как виноградная лоза, талиями и широкими юбками, напоминающими колокольчик, вновь превращали обычную женщину в хрупкую и изящную женщину-цветок. Как и в эпоху модерна, в великолепных «садах» Диора царил мир исключительно чарующей женственности.

В первые послевоенные годы в Советском Союзе, казалось, было не до роскоши моды. Однако уже в год Победы открылся Московский дом моделей на Кузнецком Мосту и вышел первый послевоенный «Журнал мод» с изысканными нарядами платьями для торжественных случаев. Элегантные модели были разработаны советскими художниками в русле общемировой моды. Как писала главный редактор журнала Анна Бланк, «достаточно заглянуть в такие ведущие журналы мод, как «Вог» и «Базар», чтобы убедиться в правильности выбранного нами пути создания костюма для советской женщины». После ужасов войны всем хотелось праздника, радости, красоты, и мода, по крайней мере женская, давала эту возможность...

В 1956 году на экраны вышел фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь». Главная героиня – Леночка Крылова, роль которой блистательно исполнила молодая Людмила Гурченко, – продемонстрировала советскую интерпретацию диоровского «нового взгляда» на женский образ. Летом того же года Москву посетили представители Ассоциации британской моды. Показы «английских моделей дамской одежды» проходили дважды в день в одном из павильонов Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Шесть манекенщиц в элегантных вечерних платьях смотрелись экзотическими цветками, очаровывая жителей и гостей столицы.

Многие женщины в СССР мечтали об увиденных нарядах. Купить подобные было негде.

Нарядное платье в стиле ню лук (новый взгляд) Кристиана Диора. СССР. Середина XX века. Собрание Государственного исторического музея

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Удивительное платье из живых цветов, созданное модельером Александром Маккуином в 2007 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

Однако наши прабабушки, бабушки и мамы, не в пример нам, были знатными рукодельницами. Желание одеваться красиво и модно они осуществляли собственными руками на домашней швейной машинке или заказывали понравившееся платье знакомой портнихе. Выглядели они в своих нарядах ничуть не хуже заморских красавиц.

Спустя полвека, в 2000-х годах, в творчестве рано ушедшего гения моды, британского дизайнера Александра Маккуина громко зазвучала одна из главных тем модерна – недолговечность и обреченность земной красоты. Вступая в переключку с поэтами и художниками «Прекрасной эпохи», Маккуин заявлял, что «нет на свете ди-

Платье
«В раю»
петербургского
модельера
Татьяны
Парфеновой.
2024 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

зайнера лучше, чем сама Природа». В 2007 году с помощью команды флористов он создал незабываемое платье из настоящих живых цветов. Когда модель Тая Дягилева шла в нем по подиуму, некоторые цветы опадали, и за ней тянулся шлейф из слетавших розовых лепестков. Удивительный наряд от Маккуина был красивым напоминанием, что ничто не вечно.

К образам модерна в своем творчестве часто обращается современный петербургский дизайнер Татьяна Парфенова. Особенно ее вдохновляет тема единения с природой. Названия коллекций говорят сами за себя: «Цветение», «Поля». Специально созданное для Государственного исторического музея платье «В раю» выглядит словно ожившие цветочные грёзы. Оно похоже на живописное полотно, запечатлевшее райский сад, только вместо красок дизайнер использовала вышивку гладью шелковыми нитями по тюлю. Восхитительные цветы тончайших оттенков разбросаны по полю платья в живописном беспорядке: нежные розы, хрупкие ирисы, воздушные гортензии, королевские лилии, пышные веточки сирени, роскошные орхидеи.

Татьяна Парфенова считает, что «мир природы прекрасен, а красота ее безгранична. Красота хрупка, но природа красоты вечна». Дивный сад в исполнении дизайнера это еще и философская попытка заглянуть за пелену грядущего: «а что там – в раю?» Образ райского сада, который «цветник благовонный», волновал и творцов модерна. Вышитые цветочные грёзы Татьяны Парфеновой напоминают описание Эдема у Ганса Христиана Андерсена, где «царит великолепие, светит солнце, и в воздухе разлиты необыкновенные свежесть и аромат! <...> Там же находится чудно прекрасный остров Блаженства, куда никогда не заглядывает смерть!».

ОБРАЗНЫЙ ЯЗЫК
КИНОКОСТЮМА

Красотой визуальной выразительности стиль модерн необычайно притягателен для кинематографистов. Запоминающийся образ женщины-мечты, женщины-музы времени расцвета «Прекрасной эпохи» великолепно воплощен в героине Ирэн Адлер из советской киноленты о Шерлоке Холмсе. Ее потрясающий воображение выход из особняка в развевающемся платье небесно-голубого цвета, огромной шляпе, в отороченном мехом мантио и то неизгладимое впечатление, которое она произвела на сыщика, напомнили строки Константина Бальмонта: «В желанном платье, что на ней, // В одной, едва заметной, складке // Вся тайна мира, сказка дней, // Невыразимые загадки...» Художник по костюмам Нелли Лев практически из ничего создала для фильма очень точно соответствующие Викторианской эпохе костюмы-шедевры. Не только героиня Ирэн Адлер (Лариса Соловьева), но и миссис Хадсон (Рина Зеленая), Берилл Степлтон (Ирина Купченко), Лора Лайонс (Алла Демидова) были одеты, что называется, с иголочки.

Более вольная, но не менее волнующая стилизация под модерн создана в советском фильме «Идеальный муж», снятом по знаменитой пьесе Оскара Уайльда. Для работавшей над этой картиной Ганны Ганевской – легендарного художника по костюму «Мосфильма» – всегда была «неодолимо обаятельна вся костюмная классика». Виртуозно владея историческим материалом, она создала для героинь великолепные дамские наряды «Прекрасной эпохи», словно сошедшие со страниц модных журналов 1895 года – времени написания пьесы. Ганевская придумала немного осовремененные, но при этом легко узнаваемые по стилю образы, каждый из которых отражал характер того или иного персонажа. Искрометная игра Людмилы Гурченко в роли

Людмила Гурченко в платье стиля модерн, созданном художником по костюму «Мосфильма» Ганной Ганевской для фильма «Идеальный муж»

Голубое платье с тюником фасона «а-ля грек». 1908–1910 годы. Из собрания Государственного исторического музея

ПРЕДОСТАВЛЕНО Т. НАГОРСКИХ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

опасной, «похожей на орхидею» миссис Чивли тонко поддержана стекающими по фигуре платьями тех самых припыленных оттенков, пышными перьевыми боа и огромными шляпами, украшенными цветами.

Декаданс «Прекрасной эпохи» в отечественном кино воспевают пронзительный фильм «Раба любви» режиссера Никиты Михалкова. Елена Соловей проникновенно сыграла главную роль – актрису Ольгу Воскресенскую, в которой без труда узнаются черты первой русской кинодивы, Веры Холодной. По времени действия это конец 1910-х годов, когда мода модерна уже отошла от корсетов и сложных длинных платьев с тренами, но сохранила женственность и утонченность. Талантливый художник по костюмам Алина Будникова с помощью нарядов главной героини последовательно показала драматичное развитие сюжета. В начале картины – томность, наивное мировосприятие и праздность жизни подчеркнуты воздушными платьями прозрачных акварельных

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Великолепное собрание нарядов модерна в коллекции Государственного Эрмитажа

оттенков, мягкими шляпами с опадающими полями, легкими шифоновыми тюрбанами, которые нежным облаком обрамляют лицо актрисы. Почти как у Игоря Северянина: «ваше платье изысканно, <...> вы такая эстетная, вы такая изящная». Ближе к концу фильма нравственный надлом усилен черной шляпой с траурной эгреткой и черным пальто, которое словно защитный кокон обнимает фигуру героини, подчеркивая ее растерянность и бессилие. В каждом образе Елена Соловей напоминает хрупкий цветок, который колеблется под напором испытаний. Создателям фильма удалось воплотить на экране подлинную атмосферу модерна, с тончайшим вкусом передать дух ушедшей эпохи, воспеть женскую красоту.

Модерн – самый женственный и романтизируемый стиль в истории моды – пролетел как яркая комета и сторел в атмосфере динамичного, технологичного и эмансипированного XX века. Куда исчезли те пленительные музы, нимфы, чистые лилии, розы любви, Аспазии и Клеопатры? «Я не думаю, чтобы рационализм был вам выгоден. Я на вашем месте ненавидел бы всех сторонников эмансипации, которые хотят уравнивать вас с мужчиной. Они толкают вас в яму», – писал еще на заре столетия французский писатель Анатоль Франс. И предостерегал прекрасных дам: «Берегитесь: вы уже утратили какую-то частицу вашей загадочности и прелести. Прав-

да, еще не все потеряно: из-за вас еще дерутся, разоряются, кончают жизнь самоубийством; но в трамвае молодые люди не уступают вам места, оставляют вас стоять на площадке. Кулыт ваш угаснет вслед за другими старинными культами».

После заката «Прекрасной эпохи» прошел целый век, и может показаться, что предсказание Франса оказалось пророческим. Но в моде последних лет женственность постепенно вновь прокладывает себе дорогу, как нежный цветок, упрямо прорастающий сквозь асфальт. «Что же из этого следует? – Следует жить, шить сарафаны и легкие платья из ситца. – Вы полагаете, все это будет носиться? – Я полагаю, что все это следует шить». ■

ТАЙНЫ «СТАРОЙ АПТЕКИ»

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БОЛЕЕ ДВУХ ВЕКОВ НА ГЕОРГИЕВСКОЙ УЛИЦЕ ГОРОДА ВЛАДИМИРА РАБОТАЛА АПТЕКА. ОНА ПОЯВИЛАСЬ В 1805 ГОДУ И НЕ МЕНЯЛА СВОЕЙ «ПРОПИСКИ» ДО 2010 ГОДА. А ТЕПЕРЬ ЗДЕСЬ РАЗМЕСТИЛСЯ ЛЮБОПЫТНЫЙ МУЗЕЙ «СТАРАЯ АПТЕКА».

КАЖЕТСЯ, ПОДОБНЫХ примеров в истории российских аптек больше нет. «К нам и сейчас нередко люди заглядывают за лекарствами, – улыбается заведующая музеем «Старая аптека» Светлана Беляева. – Для жителей Владимира этот адрес привычен». Что ж, два столетия – достаточный срок для выработки стойкой привычки...

Здание, в котором расположен музей, было построено в конце XVIII века. Изначально здесь планировалось открыть муниципальную больницу или учи-

лище. Но, видно, никак не могли определиться, что же именно разместить в этих стенах – губернаторы сменяли друг друга, а здание пустовало. Проставило оно до тех пор, пока на должность губернатора не был назначен князь Иван Михайлович Долгоруков. Именно он отдал распоряжение открыть в пустующем здании первую городскую казенную аптеку. До этого во Владимире существовало только частное заведение, так что и качество лекарств, и цены на них никакому регулированию не поддавались.

«СХОДИТЬ К НЕМЦУ»

«У губернатора Долгорукова болела супруга – у Евгении Сергеевны была чахотка, протекавшая в очень тяжелой форме. Найти для нее лекарства во Владимире было крайне сложно, так что за медикаментами посылали нарочного в Москву. Зная, насколько это тяжело, губернатор решил открыть в городе казенную аптеку», – рассказывает Светлана Беляева. Помещение отремонтировали, а также достроили каменную лабораторию (ее здание и сейчас находится за «Старой аптекой»). Это было очень важное решение, ведь в то время готовых лекарств не было – всё готовили на месте провизор и его помощники.

И тут снова возникла проблема: где взять специалиста? Даже в Москве и Петербурге не так уж просто было найти грамотного провизора, что уж говорить про Владимирскую губернию... Пришлось задуматься о приглашении человека из-за границы. В России провизорами тогда ча-

Такой просторный торговый зал, как во владимирской аптеке, не характерен для подобных учреждений XIX века – как правило, аптечные помещения были камерными

сто работали выходцы из стран Западной Европы, чаще всего из Германии. Из-за этого в народе даже появилось выражение «сходить к немцу», то есть в аптеку. А педантичность немцев способствовала появлению еще одного выражения: «точно, как в аптеке». Первым провизором во владимирской казенной аптеке стал немец Христофор Калкау, прибывший в город из Москвы. Ему было обещано хорошее жалование – 1000 рублей в год. «Это были очень солидные деньги, например за 1200 можно было купить в городе двухэтажный особняк, – объясняет Светлана Беляева. – Первое, что он сделал, приехав в наш город, добился закрытия «вольной» аптеки. Провизор аргументировал это тем, что в таком маленьком городе казенное учреждение не выдержит конку-

ренции с частным». И по распоряжению губернатора конкурент был ликвидирован. Поэтому на протяжении примерно полувека аптека была единственной на всю Владимирскую губернию. «Наша аптека по размеру не характерна для того времени. Если мы сравним с ней старинные аптеки, например в Петербурге, Казани, других городах, то заметим, что все они очень камерные. Наше здание строилось не под аптеку, поэтому у нас другие масштабы. Исторически на первом этаже располагался торговый зал, складские помещения, комната помощника, – показывает Светлана Беляева внутреннее устройство аптеки XIX века. – Провизор вместе с семьей жил на втором этаже. Позже для него был построен отдельный дом – он находился за зданием аптеки».

Основные инструменты медиков мало изменились и в XX, и в XXI веке

И, кстати, этот дом уцелел до наших дней, сейчас в нем расположилось кафе. А совсем неподалеку находится смотровая площадка. Когда люди любуются с нее красивыми владимирскими видами, они даже не подозревают, что когда-то на этом месте рос аптекарский огород, где выращивали лекарственные травы. «Чтобы понять размах огорода, скажу, что начинался он здесь, а заканчивался на берегах Клязьмы – территория была огромная. А каменная лаборатория строилась в том числе и для сушки трав, чтобы они заготавливались в правильных условиях».

КЕТЧУП ОТ ОБЛЫСЕНИЯ

Надо сказать, что аптека в позапрошлом столетии это история не только про лекарства. На самом деле в то время это было многофункциональное учреждение. «Часть нашей экспозиции посвящена тому, что в аптеках можно было встретить помимо лекарств, здесь был представлен обширный спектр товаров, – рассказывает Светлана Беляева. – Российская аптека такую традицию, к счастью, не сохранила, а во многих европейских странах аптека и сегодня остается таким учреждением, где можно купить алкоголь, книги, инструменты, газ... В общем-то все, что угодно». В российской аптеке XIX века было примерно так же. К тому же здесь находились обширные каталоги, с помощью которых можно было заказать все, что нужно. Так что идея современных маркетплейсов совсем не нова – она была обкатана аптеками еще в XIX столетии.

Кстати, в качестве лекарств в то время на прилавках аптеки можно было встретить совершенно неожиданные «препараты». Так, в качестве средства от облысения предлагался... кетчуп. «Вообще, в то время применяли сомнительные способы для лечения и наведения красоты. Вот, к примеру, крем, который использовался для отбеливания кожи, – показывает Светлана Беляева на витрину. – В первую очередь он применялся для выведения веснушек,

которые в то время считались «неблагородными», и дамы стремились от них избавиться. В составе этого крема была ртуть. Возможно, кожу-то он и отбеливал, но ртуть, имея свойство накапливаться, приводила к тяжелым последствиям, порой доводя до летальных исходов».

Много странных медикаментов можно было приобрести в аптеках того времени: героин – от кашля, леденцы с кокаином – для младенцев при прорезывании зубов, еще одно применение кокаина – в качестве средства от укачивания во время долгих путешествий. Сироп с морфием, по мнению фармацевтов того времени, тоже мог помочь малышам, у которых режутся зубки, а также младенцам, у которых беспокойный сон. «Некоторые дети после такого успокоительного не просыпались, – вздыхает Светлана Беляева. – Проблема была в том, что воздействие лекарств на организм мало проверялось. Не собиралась общая статистика, и понять, стало ли человеку легче после применения того или иного средства, никто не мог».

Так что эксперименты сразу ставились на пациенте. И тут уж кому как везло... В качестве иллюстрации к истории об использовании непроверенных средств в музее хранится обширная подборка дореволюционной печатной продукции. К примеру, в этой коллекции есть брошюрка, в которой сообщается, что вред курения полностью опровергнут. Людей, желающих узнать подробности, призывают абсолютно бесплатно заказать эту брошюру. А в ней – подтвержденное мнение доктора (для пущей убедительности обязательно с немецкой фамилией) обоснование, почему курение больше не наносит вред организму. Говорить о его «научности» даже не стоит. «И подобных примеров «научных открытий» очень много, – показывает рекламные брошюры заведующая «Старой аптеки». – Многие лекарства тогда продавались через рекламу в газете».

Сомнительные средства, смелые эксперименты... Как резуль-

Готовых лекарств раньше не было – всё производили на месте провизор и его помощники

тат – высокая смертность. «Наши посетители часто удивляются, узнав среднюю продолжительность жизни в то время – она составляла 35–40 лет. Школьники растерянно спрашивают: как же так? Мы же видим на портретах почтенных господ, седых, благородных... Дело в том, что в этой статистике учтена детская смертность,

а она в то время была крайне высокая. Вот, пожалуйста, пример статистики по Владимирской губернии: в 1850 году из ста детей до 7-летнего возраста доживали лишь 47, то есть менее половины. Во многом это было связано с низким уровнем гигиены. К примеру, для вскармливания грудничков использовался вот такой «замечательный» предмет, – показывает Светлана на сосуд, похожий по форме на дельфинчика. – Это – альтернатива бутылочке. В него заливали коровье или козье молоко. А поскольку резины тогда не было, носик затыкали хлебным мякишем и накрывали марлей. Мякиш этот не менялся, пока не появлялась плесень! К тому же стеклянные сосуды обычно использовали довольноно обеспеченные люди, у крестьян и вовсе в ходу был коровий рог – там все прокисло еще быстрее». Если внимательно изучить статистику детской смертности, то можно заметить, что ее пик приходился на лето и начало осени – тогда, видимо, молоко портилось совсем быстро. Кстати, такие приспособления для вскармливания в деревнях встречались аж до середины XX века. Несмотря на то, что уже появились соски, люди сохраняли традицию вскармливания рожками.

Рядом с аптекой во Владимире отвели обширную территорию для аптечного огорода – там выращивали растения для создания лекарств

ТОВАРЫ ДЛЯ ВСЕХ

В аптеке можно было найти товары для детей, для женщин, для мужчин. Последние, как правило, покупали здесь все необходимое для бритья, помаду для укладки усов, бороды, волос, средства для закрашивания седины. Женщины приобретали средства по уходу за кожей и парфюм, а декоративной косметикой в то время пользовались лишь женщины с низкой социальной ответственностью. Кстати, до поры до времени аптекари были и парфюмерами – они самостоятельно создавали незамысловатые ароматы и продавали

их в аптеках. Так было до того момента, пока парфюмерия не отделилась в самостоятельную индустрию. Законодателем в мире ароматов, конечно, была Франция. Но и в России были известные парфюмерные дома – продукция «Броккар и Ко» или «Ралле» была очень популярна. Кстати, они существуют и сегодня, превратившись после революции в «Новую Зарю» и «Свободу». В витрине «Старой аптеки» можно увидеть подборку весьма замысловатых флакончиков, которые использовали и местные парфюмеры, и законодатели моды – некоторые пузырь-

Кабинет провизора в музее постарались наполнить западноевропейской мебелью, ведь в аптеках, как правило, работали выходцы из Западной Европы

ки были сделаны по заказу тех самых известных фирм. А выпускались они тоже на Владимирской земле. Чего здесь только не увидишь: греческую амфору, бутон, листок клевера, барышню, есть даже флакончик в виде гробика...

Правда, объем пузырьков сильно отличается от нынешних. Сегодня туалетная вода продается в среднем объемом 50–100 миллилитров. Тогда же маленькие пузырьки вмещали 2, 3, 5 миллилитров – парфюм признавался очень хорошим подарком, и преподнести даме сердца замысловатый флакончик с изысканным ароматом считалось шиком. Кстати, в «Старой аптеке» и сейчас можно побаловать себя изысканным ароматом, причем подобранным по собственному вкусу – в музее проводят мастер-классы, и один из них посвящен созданию индивидуального парфюма.

Но вернемся снова в XIX век. Работать в аптеке в то время могли только мужчины. До начала XX века женщин не допускали к работе в аптеке даже в качестве помощниц. «Как следует из «Вестника общественной гигиены», это происходило по трем причинам. Во-первых,

Организаторы музея говорят, что в первую очередь хотели воссоздать атмосферу старинной аптеки

считалось, что женщина слишком легкомысленна – она не справится с работой, требующей большой концентрации усилий и внимания. Во-вторых, женщина заняла бы рабочее место, которое могло бы достаться мужчине. И в-третьих, бытовало стойкое убеждение, что женщины хотят получить работу исключительно для того, чтобы устроить личную жизнь. Работодатели думали, что дама полноценно трудиться не будет, а станет лишь строить глазки да отвлекать коллег-мужчин от работы. А потом выскочит замуж – и работника нет. Первая женщина-провизор в России появилась только в самом начале XX века. Это была Антонина Болеславовна Лесневская. В 1901 году она открыла в Петербурге женскую аптеку. Вот здесь у нас фотография из ее аптеки, – показывает Светлана Беляева на старую фотографию. – Обратите внимание: за прилавками стоят исключительно женщины. Можно сказать, что Лесневская совершила мини-революцию в фармацевтическом мире. Она не остановилась на достигнутом: через три года Антонина Болеславовна открыла фармацевтические курсы для женщин.

Среди лекарств того времени можно встретить немало сомнительных средств, например крем с ртутью для отбеливания кожи лица, кетчуп от облысения...

ЭКСПОНАТЫ С ЗАГАДКАМИ

Двигаясь от экспоната к экспонату, узнавая их удивительные истории, посетители владимирского музея выходят из торгового зала, выдержанного в стиле старинной аптеки, уже вполне подкованными. Обширная подборка экспонатов позволяет получить представление о том, как все было устроено в аптеке прошлого, что можно было купить и чем лечили больных. Здесь много аптечных аксессуаров: старинные весы, на которых с аптекарской точностью взвешивались ингредиенты; скляночки, в которых продавали лекарства; набор стоматологических приспособлений – кстати, посетители-дан-

тисты отмечают, что инструментарий почти не поменялся, только сегодня все эти приборы применяются в виде насадок. В музее есть и несколько экспонатов-загадок: рассматривающему их современному человеку сложно определить, для чего же они были предназначены. Один из таких экспонатов – стеклянный сосуд, о предназначении которого сразу не догадаешься. Экскурсовод раскрывает тайну, объясняя, что в XIX веке так выглядела кружка Эсмарха – это стеклянная прабабушка современного резинового приспособления. Но загадка старинной кружки Эсмарха не только в ее внешнем виде, но и в том, что

Чтобы грамотно смешивать компоненты, учиться надо было долго – на провизора учились около десяти лет, поэтому предпочитали приглашать специалистов из-за границы

в экспозиции ей отведено место в отделе... косметики. «Кружка Эсмарха появилась в XIX веке и сразу обрела популярность у дам – с ее помощью они проводили себе процедуры перед выходом в свет», – объясняет заведующая «Старой аптеки». Еще один загадочный экспонат, предназначение которого предлагают угадать посетителям, – непонятный агрегат. При ближайшем рассмотрении и пояснении экскурсовода он оказывается пилюльной машинкой. Аппарат, выполненный по образцу 1810 года, можно потрогать и даже понять, как он действовал. Оказывается, на самом деле все достаточно просто: лекарственные растения измельчали, к полученному порошку добавляли дистиллированную воду или спирт и из этой кашицы специальной плоской скалкой раскатывали «пилюльное тесто». Получившийся пласт переносили на двусторонний резак – на музейном образце это форма с 30 ячейками, – и в итоге получались равные и ров-

ные пилюли. Оставалось их только скруглить – для этого тоже пользовались специальным инструментом. Так получались лекарственные шарики – именно они именовались пилюлями. У каждой пилюльной машинки был специальный ящичек, в который отправлялись готовые лекарства. Продавались они всегда в бумажных конвертах.

Некоторые медицинские аксессуаров прошли двухвековую проверку и до сих пор сохранили сходство со своими прародителями, а некоторые изменились до неузнаваемости

Многие экспонаты передали в «Старую аптеку» посетители, ведь музей можно считать народным – инициатива по его открытию на этом месте исходила от жителей Владимира

Для на следующую музейную загадку, редкие гости без подсказки экскурсовода догадываются, что перед ними устройство для закупоривания бутылок. С помощью такого пробочного прессы упаковывали, например, рыбий жир. «На самом деле виноделов и сегодня пользуются такими же приборами. Сначала прессы были деревянными. Наш образец – латунный, он очень тяжелый. У виноделов похожие, но из других материалов», – говорит Светлана Беляева.

Нередко в аптеке открывали стоматологический или хирургический кабинет. Во владимирской аптеке должен был появиться хирургический, но из-за некоторых хозяйственных сложностей от этой идеи отказались. «Вообще, аптеки в то время были отдельным миром, потому и управлять ими было непросто. Провизор в небольшом городе всегда был личностью известной и уважаемой. Обратите внимание, флакончики и баночки подписаны: на этикетках значится «Старая аптека Мацкевича», – показывает Светлана Беляева экспонаты. – Всегда писалась фамилия управляющего, который руководил аптекой. В XIX веке Михаил Мацкевич был здесь последним провизором. Надо сказать, провизор отвечал своей репутацией за все, что происходило в аптеке. Поэтому все они были людьми ответственными». Поскольку работа требовала концентрации и повышенного внимания, провизору был необходим кабинет. В «Старой аптеке» его постарались воспроизвести: из аптечного торгового зала посетители перемещаются в провизорский кабинет. В обстановке постарались задействовать подлинники XIX века – современников той эпохи, которые передают ее дух. Роскошный письменный стол, украшенный резьбой, даже имеет собственное название – «Путти на охоте», красивый буфет, люстры, часть из которых переделана из свечных в электрические... Все это вполне могло наполнять кабинет провизора более ста лет назад.

ПОД ЗНАКОМ КРОКОДИЛА

Здесь же можно увидеть чучело крокодила – оно попало сюда неслучайно. «Долгое время крокодил был символом аптеки. Он считался существом мистическим, таинственным, – рассказывает Светлана Беляева. – Поэтому чучело крокодила часто висело над входом в аптеку».

В шкафу представлены пробирки с препарированными животными: дело в том, что провизоры в то время должны были изучать множество биологических дисциплин. «По своей подготовке они почти не уступали врачам, – говорит Светлана Беляева. – Провизоры изучали не только анатомию человека, но и морфологию, физиологию животных, зоологию, ботанику, микологию. Сейчас эти дисциплины разведены, а раньше все это должен был знать один человек. Поэтому пробирки в нашем стеллаже совсем неслучайные экспонаты».

Что касается чучел, то ими украшали не только интерьеры, нередко они становились аксессуарами в одежде. Примеры такой странной моды решили сохранить в «Старой аптеке»: шляпки, украшенные засушенными попугайчиками; перепелиная лапка, выступающая в качестве подвески; сережки, сделанные из голов колибри... «В Англии из-за этой моды чуть не дошли до экологической катастрофы – для изготовления сережек едва не погубили всех колибри в британских колониях. К счастью, вовремя спохватились и остановили уничтожение крохотных птичек», – объясняет Светлана Беляева.

Есть в «Старой аптеке» и клетка с имитацией настоящей птички, и она тоже попала сюда не просто так: птиц в то время часто держали и в домах, и в учреждениях. И это было не просто хобби для души, в содержании канареек был практический смысл. «Отопление в то время было печное, всегда

Среди экспонатов есть несколько загадок. Лишь единицы могут догадаться, что непонятный стул – это приспособление для вертикальных родов

существовала угроза скопления угарного газа. Канарейки к нему очень чувствительны, они сразу начинают метаться по клетке, пытаются улететь. Так что птицы были своего рода пожарной сигнализацией того времени, – рассказывает Светлана Беляева. – С канарейками у нашего музея связана еще одна история: однажды девочка на экскурсии задала неожиданный вопрос: сколько канареек погибло в этом здании? Мы стали искать какие-то зацепки. Конечно, статистика смертности канареек не велась, но оказалось, что в архиве МВД есть сведения о пожарах. В ходе этих разысканий выяснилось, что аптеки долгое время подчинялись не медицинскому ведомству, а Министерству внутренних дел! Мы очень любим вопросы от посетителей, потому что они заставляют взглянуть на историю под другим углом. Так узнаешь что-то новое».

ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ

И к вопросам посетителей, и к их пожеланиям в «Старой аптеке» относятся очень внимательно. Ведь и появился этот музей благодаря жителю. После двух с лишним столетий работы аптека в 2010 году закрылась – трудно было выдержать современную конкуренцию... Но владимирцы выразили желание сохранить старую аптеку и предложили создать на ее месте музей. «Жители Владимира были заинтересованы в том, чтобы сохранить какую-то память об аптеке, ведь сюда приходили поколениями. У многих сохранились семейные фотографии, связанные с этим зданием, – говорит Светлана Беляева. – И люди хотели, чтобы это место по-прежнему было аптекой. Они написали губернатору – в то время регион возглавляла Светлана Юрьевна Орлова – и попросили: если уж невозможно возродить здесь аптеку, то нужно хотя бы открыть посвященный ей музей. Так что наш музей мы неслучайно назы-

ваем «народным». Своим появлением он обязан инициативе жителей». Теперь, как и предки владимирцев много лет назад, современные жители снова могут зайти в аптеку по давно знакомому адресу на Георгиевской улице. Правда, теперь не за лекарствами, а за впечатлениями.

«Кажется, что музей-аптека должен в первую очередь привлекать людей, связанных именно с этой сферой. Но нам хотелось бы, чтобы к нам приходили люди разных профессий и возрастов и чтобы здесь было всем интересно, в том числе детям, – делится Светлана Беляева. – И мы делали музей, ориентируясь на такую цель. Кстати, наши посетители часто помогают нам в этом: многие

экспонаты передавали в музей и владимирцы, и жители других регионов. Мы стараемся совершенствоваться, прислушиваясь к мнению посетителей. Наш музей молодой – в этом году нам исполнится семь лет. Но у нас уже сформировалась довольно богатая экспозиция, наши экспонаты очень разнообразные. Есть те, что связаны непосредственно с фармацевтикой, другие – с медициной, есть и те, которые связаны с бытом, с интерьером... И все это надо было связать единой смысловой линией, чтобы у наших гостей сложилось определенное впечатление и некий опыт. Конечно, мы не ждем, что все наши посетители запомнят исторические факты и фамилии, услышан-

В старину аптекари выступали и в качестве парфюмеров. Кстати, и сейчас посетители на мастер-классе в «Старой аптеке» могут изготовить свой индивидуальный аромат

ные во время экскурсии – это невозможно, да и музей не для этого придуман. Важна эмоция, общее впечатление, чтобы человек представлял, какой была аптека в прошлом. Мы хотели, чтобы в нашем музее было некое «облако» впечатлений – поэтому продумывали и создавали интерьер, атмосферу, дополняли ее запахами и деталями. За семь лет работы мы многое поменяли и усовершенствовали и сейчас продолжаем развиваться». И руководство, и экскурсоводы относятся к своей работе с душой – у каждого из гидов есть свои особенности в представлении экспозиции. «Конечно, в основе рассказа каждого экскурсовода лежит базовая экскурсия, а вот тонкости у каждого свои. Кому-то интереснее рассказывать про яды, кто-то увлеченно делится парфюмерными тонкостями, а кто-то детально прорабатывает тему представления аптек в русской литературе... Каждому ближе свое, – улыбается Светлана Беляева. – Очень интересно работать с увлеченными людьми. Мы можем часами рассказывать о какой-то маленькой детальке, а кто-то ее даже не заметит в экспозиции». Кстати, таких «деталек» в музее много, и каждая из них может поведать свою интересную историю о жизни и работе «Старой аптеки». ■

Организаторы постарались, чтобы после посещения музея у посетителя сохранились впечатления

«Я ПРЕДСТАВЛЯЮ ГОЛОС УЛИЦ»

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ЭТИМ ЛЕТОМ В ЦЕНТРЕ СТАВРОПОЛЯ ВЫРОС УДИВИТЕЛЬНЫЙ ГОРОД КАРДО. ОН ПРОСТОЯЛ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, НО ЗАТО КАКИЕ ЭТО БЫЛИ ДНИ! НА СПЕЦИАЛЬНО СООРУЖЕННЫХ ПЛОЩАДКАХ СОСТЯЗАЛИСЬ АСЫ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ. ОТВАГА, БЕССТРАШИЕ, ВИРТУОЗНОСТЬ, ЛОВКОСТЬ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТЬ, СКОРОСТЬ И МАСТЕРСТВО – ВОТ ЧТО ТАКОЕ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРЕМИЯ «КАРДО».

В ГОРОДАХ ДРЕВНЕГО РИМА словом «кардо» называли центральную улицу, пролегающую с севера на юг. Так же решили назвать и первую и пока единственную в мире международную премию за вклад в развитие уличной культуры и спорта. Родилась эта идея в 2017 году в Ставрополе по

инициативе группы энтузиастов во главе с Валентином Работенко. Теперь ежегодное присуждение премии – Гранд-финал, а по сути фестиваль уличных культур – стало событием международного масштаба. Проект «КАРДО» реализуется в рамках президентской платформы «Россия – страна возможностей».

«Я ВДОХНОВИТЕЛЬ ЦЕЛОГО ПОКОЛЕНИЯ»

«Группа «Оникс»? Конечно, знаю! В 2000-е у нас в Северодвинске повсюду рисовали их эмблему», – воскликнула моя приятельница при упоминании культовой хардкор-рэп-группы Онух. Онух была создана в 1988 году в США. Сначала группа выступала на улицах и в маленьких клубах, а в начале 1990-х она завоевала огромную популярность. «Я вдохновитель целого поколения...» – эта строка из песни Slam выражает дух и творческое кредо группы. Пиратские кассеты с ее записями передавались в России из рук в руки, а первые концерты Онух в Москве прошли в 2003 году. С тех пор группа регулярно приезжает на гастроли в нашу страну. Бессменные участники Онух – Фред Ли Скраггс и Кирк Джонс – выступили на открытии «КАРДО»-24, после чего встретились с поклонниками и ответили на вопросы. «Я в 11 лет увидел, как исполняют рэп, и понял, что нашел смысл своей жизни».

ни, – поделился Фред. – Рэп всегда молод, хип-хоп для молодежи. Мне уже 50 лет, но я по-прежнему продолжаю со сцены говорить с молодым поколением. Хип-хоп-культура – это, на мой взгляд, что-то всеобъемлющее, то, что объединяет нас, где бы мы ни жили – в России, Америке или других странах. Она проникает в душу и сердце». «Рэп помог мне открыть самого себя, – добавил Кирк. – Потому что через слова мы можем узнать многое, и не только о себе, но и о счастье, грусти, эмоциях, жизненном опыте друг друга».

Различные проявления уличной культуры, которые сейчас объединяют под общим понятием «хип-хоп», стихийно сложились в американских городских кварталах бедноты – местах проживания в основном афро- и латиноамериканцев. Для многих юношей и девушек культура хип-хопа стала инструментом поиска своей идентичности, формой протеста и борьбы за гражданские права, неприятия социального неравенства и расовой дискриминации.

Впервые словосочетание «хип-хоп» упоминается в треке Rapper's Delight группы The Sugarhill Gang, который вышел в 1979 году. Но тогда за этими словами еще не стоял тот смысл, который мы вкладываем в это словосочетание сейчас.

Фред Ли Скраггс и Кирк Джонс
выступают под сценическими псевдонимами
Fredro Starr и Sticky Fingaz

В 1981 году в газете The Village Voice в статье, посвященной диджею Африке Бамбаатаа, указывалось, что понятие «хип-хоп» включает в себя рэп, граффити, брейкинг и диджеинг. Начиная с этого момента благодаря вниманию прессы и телевидения все эти четыре движения стали объединять в единую субкультуру – хип-хоп. Со временем появились и другие направления уличной культуры – паркур, фриран, хип-хоп (танец), трикинг, воркаут, скейтбординг, BMX (велосипедный мотокросс) и кикскутеринг (экстремальный самокат).

Участники фестиваля соревновались по 11 дисциплинам: граффити, брейкинг, диджеинг, паркур, фриран, хип-хоп, трикинг, воркаут, скейтбординг, BMX и кикскутеринг. За выход в Гранд-финал боролись 40 тысяч человек из 111 государств. В итоге были отобраны 2500 спортсменов, художников, музыкантов и танцоров из 47 стран.

Группа Онух
широко известна
с 1993 года,
когда вышел
их дебютный
альбом

ТАНЕЦ – ЭТО СЧАСТЬЕ

«Как возник брейкинг? Я могу рассказать то, что передают люди из уст в уста, – объясняет Рустам Нурагунов. Он – основатель Международной онлайн-школы танцев «Голос улиц», профессиональный танцор и амбассадор «КАРДО» в Киргизии. – В 60–70-е годы прошлого века в нью-йоркском Бруклине было множество уличных банд, конфликтовавших между собой. Перестрелки и убийства стали обычным делом. Но постепенно физический конфликт перенесли на язык танца, заменив им потасовки и перестрелки. Раньше вступали в соперничество с пистолетом или ножом, потом лидерство стали отстаивать с помощью движений под музыку. Проводили так называемые баттлы-поединки. Из смеси элементов сальсы, хастла и других танцевальных стилей родился уникальный новый танец – рокинг. Считается, что основные элементы брейкинга, имитирующие драку с танцором-соперником, были изначально заимствованы из рокинга».

На «КАРДО» площадка для брейкинга была одной из самых многолюдных, а по атмосфере – наиболее зажигательной. Исполнители сменяли друг друга на круглом танцполе. Зрители, заражаясь их энергией и ритмом, тут же начинали двигаться в такт музыке.

«В Киргизии брейкинг, он же брейк-данс, стал популярен в 2007–2008 годах, – рассказывает Рустам Нурагунов. – У нас в селе Беловодское есть заброшенное здание Дома культуры, на его крыльце я начал заниматься и тренируюсь там до сих пор. Тогда еще не было ни зала, ни тренера, ни знаний, но были видеокассеты с фильмами, записи с клипами-нарезками с международных соревнований по брейкингу. И огромное желание научиться выполнять трюки и танцевать».

По мнению Рустама, занятия брейкингом улучшают здоровье и память, приучают к строгой дисциплине. Ведь на то, чтобы выучить один сложный элемент уходит несколько месяцев, а порой и год тренировок. А еще усилия помогают выработать целый набор полезных навыков, развивают креативность и умение стратегически мыслить. Наконец,

Би-гёрл – так называют исполнительниц брейкинга

дают уверенность в себе, когда танец становится чем-то вроде терапии.

«Когда человек танцует, он расширяет границы своих возможностей. Сегодня ты при импровизации сделал пять движений, на следующий день пришел в хорошем настроении и выполнил пятьдесят. Раньше казалось, что 28 оборотов на руке – это предел. Но вот появляется парень из Ижевска, который крутит 50 оборотов! И кто знает, может, через какое-то время появится другой, который доведет это количество до сотни», – продолжает Рустам.

Брейкинг, убеждены его приверженцы, это свобода. Делать то, что любишь. Одеваться так, как тебе нравится. Танцевать как и где хочешь. Можно изобрести новые движения, и если они станут популярными, то в наш век интернета их будут повторять миллионы.

«Я танцую, потому что в этот момент счастлив. Я обучаю детей и каждому ребенку говорю: «Ты рожден, чтобы быть счастливым! У тебя все получится, ты сможешь!» Иногда родители забывают это говорить детям. Я сам через это прошел, у меня хорошая семья, но поддержки не хватало, поэтому я люблю вдохновлять учеников, вырабатываю у них веру в себя. Установка на счастье меняет траекторию человеческой жизни, она преобразует мир и людей в лучшую сторону, в их отношениях появляется больше любви, благодарности, здоровых ценностей, реализации желаний», – считает Рустам.

ЕСЛИ ИДТИ ПРОТОРЕННОЙ ДОРОГОЙ, НИЧЕГО НЕ НАЙДЕШЬ

Семь молодых людей без страховки и каких-либо приспособлений забираются по стене небоскреба и встречаются рассвет на его крыше. Так начинается фильм «Ямакаси: свобода в движении», снятый режиссерами Ариэлем Зейтуном и Жюльеном Сери в 2001 году. В ленте рассказывается о семи трейсерах – так называют занимающихся паркуром. В «Ямакаси» зрители впервые увидели этот вид спорта. Головокружительные прыжки с крыши на крышу или с высоты нескольких этажей с приземлением на перила лестниц вдохновляли молодежь по всему миру. Паркур – искусство свободно передвигаться в городской среде – быстро стал популярным. Через три года режиссер Пьер Морель снял художественный фильм «13-й район» по сценарию Люка Бессона. Главную роль в нем сыграл каскадер и актер Давид Белль.

«Мы пересматривали «13-й район» много раз, – вспоминает Артем Черномырдин. Он – руководитель видеокон-

В трикинге соединяются элементы акробатики, восточных единоборств и техники капоэйры

курса «КАРДО», приехал на фестиваль из Краснодара, паркуром занимался около пятнадцати лет. – Помню, когда после просмотра вышел на улицу и увидел лавочку, то смотрел на нее уже не как на место для отдыха, а как на предмет, через который можно перепрыгнуть. Окружающий мир на какое-то время стал для меня сплошной локацией с преградами, по которой предстоит передвигаться».

Кстати, основной девиз паркура, сформулированный его основателем Давидом Беллем, такой: нет границ, есть только препятствия, а любое препятствие можно преодолеть. В 1987 году он с друзьями создал первую в мире паркур-команду – «Ямакаси». В переводе с одного из африканских языков это означает «сильное тело».

«Когда я осваивал новые элементы, друзья говорили, что ничего не получится, это невозможно, но я считал, что если мозг придумал, значит, тело сможет выполнить, – делится Артем Черномырдин. – Оказалось действительно так. Когда разбегаешься и достаешь рукой до верха трехметровой стены, ты знаешь, что можешь это сделать. Смотришь на стену 4,5 метра и думаешь – нет, это невозможно.

В 2024 году брейкинг впервые вошел в программу летних Олимпийских игр

Каждое препятствие – вызов

Навыки, приобретенные в паркуре, незаменимы в работе спасателей и поисковиков

ходили состязания по фрирану – этот вид спорта стал развиваться в пригородах Парижа в конце 1990-х. С появлением интернета и социальных сетей число приверженцев паркура и фрирана стало расти стремительными темпами. Эти дисциплины во многом похожи. Но в паркуре (спидране) атлету необходимо как можно быстрее, преодолевая препятствия, попасть из начальной точки в конечную. А во фриране ставится задача сделать это как можно более зрелищно, используя сложные акробатические элементы – сальто, вращения, кувырки и разные перевороты.

«Паркур и фриран в первую очередь идут не от физического, а от ментального состояния, – объясняет Григорий Анфилофьев из Кургана, занимающийся фрираном более десяти лет. – Сначала готовишься психологически, потом настраиваешь тело и наконец действуешь как своего рода биологическая машина, выполняющая определенную задачу. Все бояться, просто со

Но через год делаешь это легко и понимаешь, что действительно пределов возможностей нет, они только у нас в голове. Во время тренировок вырабатывается упорство и нелнейный взгляд на мир. Кроме того, в паркуре заложена артистичность: передвигаясь по трассе, ты, словно художник, рисуешь своим телом фигуры. Формируются навыки видения

мира под разными углами. Ведь если идти проторенной дорогой, ничего не найдешь».

Соревнования по паркуру проводились на специальной площадке, где были установлены разнообразные преграды – стенки, перекладины, распиленные железные контейнеры, длинные ступеньки, имитирующие городские препятствия. Здесь же про-

За легкостью
и свободой движений –
годы тренировок

временем учишься отличать деструктивный страх от страха естественно-го. В паркуре и фриране преодоление себя возведено в абсолют. Когда занимаешься этим спортом, весь мир воспринимаешь как препятствие и переносишь этот ракурс на свою жизнь. Трудное жизненное обстоятельство начинаешь рассматривать как барьер, который нужно преодолеть. Поэтому какие бы проблемы или ситуации ни возникали на моем пути, я знаю, что с ними справлюсь».

Константин Замыров из Ижевска тоже занимается паркуром много лет. Он увлекался спортивными танцами, пока не увидел, как его друг делает «салтыху». Тогда не было тренеров и школ, начали с друзьями прыгать сами, стараясь повторять те или иные трюки, увиденные в фильмах. Для безопасности собирали старые матрасы, нагребали сугробы. Один неверный прыжок мог закончиться плачевно, поэтому тот или иной элемент отрабатывался порой не по одному месяцу. «Мы с другом, можно сказать, жили на улице – в 10 утра выходили, в 10 вечера возвращались, – рассказывает Константин. – Носили мы широ-

ченные штаны, рваные футболки. Мы не хотели кому-то что-либо доказать, мы просто так жили. Паркур – это страсть к преодолению».

Чтобы заниматься паркуром, не нужен специальный инвентарь или помещение, можно тренироваться где угодно, трейсер сам выбирает место, которым может быть лавочка, парапет, перила – любое препятствие. Паркур быстро развивается и усложняется, а трюки трейсеров времен «Ямакаси», казавшиеся невероятными, сейчас может выполнить средний любитель с опытом. Появились и специальные «мягкие» залы, тренеры, которые объяснят, как преодолевать препятствия, помогут быстрее отрабатывать те или иные элементы. Слож-

ные комбинации разбиваются на несколько частей, каждая учится по отдельности, все делается со страховкой. Конечно, на соревнованиях на площадке нет матов, трейсеры выступают на твердом покрытии, поэтому элементы, выученные в зале, они оттачивают и на улице.

«Паркур очень сильно повлиял на мою судьбу. Был момент, когда я в жизни чуть не сбился с верной дороги, и он меня, по сути, спас, – признается Константин Замыров. – Теперь я тренирую детей и точно знаю: если бы не паркур, то около тридцати человек из наших ребят пропали бы на улице – баловались наркотиками, курили, пили. По-моему, паркур – прекрасный способ физического развития ребенка. У нас занимается мальчик с ДЦП и трое ребят, страдающих расстройством аутистического спектра. Один из них после индивидуальных занятий уже ходит в общую группу и даже участвует в соревнованиях. А до этого боялся к кому-либо подойти».

Кто из участников «КАРДО» не мечтал выйти на эту сцену за наградой!

ГРАФФИТИ – ЭТО ВСЕГДА НЕМНОГО ЗАГАДКА

Что общего между древними петроглифами в пещерах и надписями типа «Здесь был Петя»? И то и другое, в принципе, граффити. А первым в истории профессиональным граффитчиком считают австрийца Йозефа Киселака, жившего в XIX веке. Он много путешествовал по Австрии и везде оставлял надписи со своим именем. По легенде, он настолько заполнил подписями общественное пространство, что его вызвал во дворец император Франц II и запретил ему помечать какие-либо здания и скалы. Киселак дал обещание больше этого не делать, а после аудиенции монарх

обнаружил его имя, вырезанное на столе в своем кабинете.

Граффити в том виде, в котором оно сейчас существует, появилось в конце 1960-х годов в Филадельфии, потом переместилось в Нью-Йорк, где уже и получило широкое распространение. Традиционно так называют молодежную субкультуру, которая создавалась тинейджерами из неблагополучных кварталов. Райтеры (те, кто занимается граффити) писали «теги» – свое имя или псевдоним – либо название своей команды. Целью было максимально растиражировать свой «автограф» на любых поверхностях – вагонах поездов в метро и пригородных составов, стенах, в общем, на максимальном

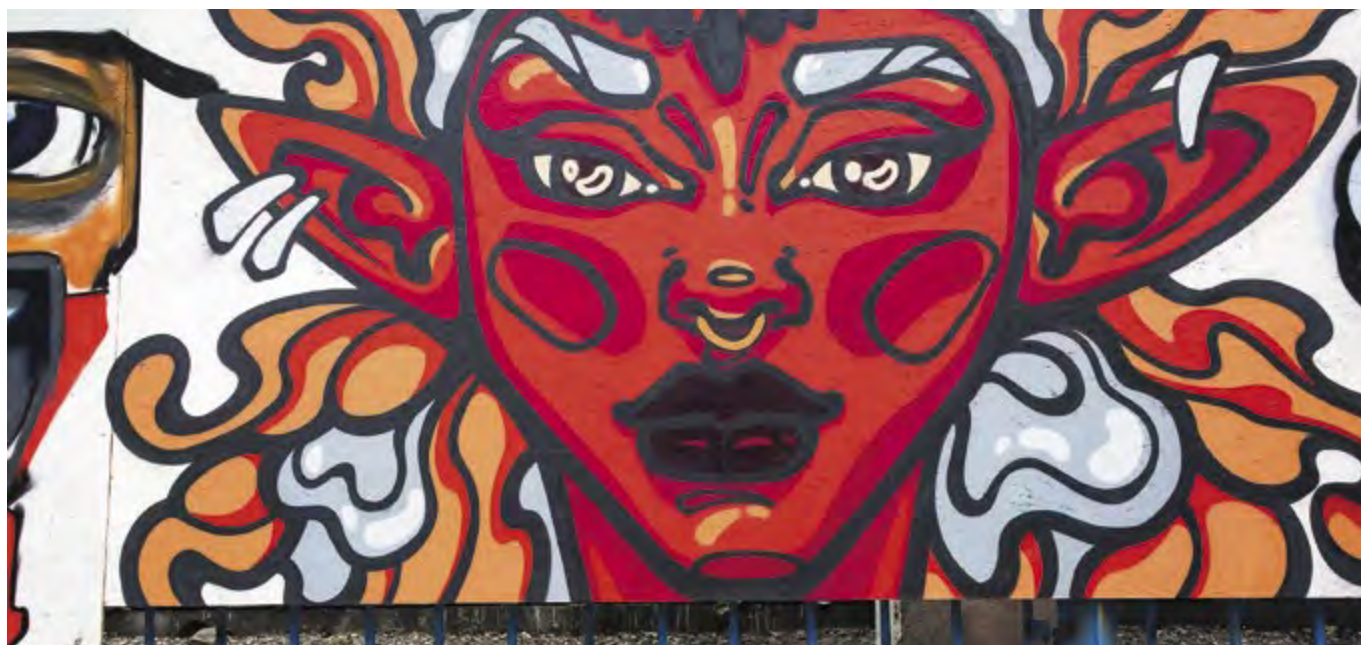
количестве объектов, – чтобы поднять свой статус в глазах сверстников. Со временем райтеры вместо имени начали использовать логотипы, значки, изображения персонажей, а их творчество стали называть «уличным искусством», стрит-артом.

Площадка для состязаний райтеров представляла собой галерею, где были установлены билборды. На них художники создавали свои произведения. Их творчество ничем не ограничивалось, они могли выбрать любую тему, транслировать миру любое послание, которое сочтут нужным. Участники из Санкт-Петербурга изобразили рэперов группы Опух. Еще одна представительница Северной столицы нарисовала себя за диджейским пультом. Финалист из Ставрополя изобразил персонажа из старых комиксов. А художник из Луганска выбрал абстрактную композицию. Александра Сиром из Ноябрьска увлекается граффити уже более двадцати лет. «Я, еще учась в школе, услышала о граффити в песнях Децла, узнала, что это такое, и втянулась, – говорит художница. – На те годы как раз пришелся пик популярности хип-хоп-культуры в России». «Граффити на стене обозначают мое время...», «Я заболел от граффити на стенах...» – это строчки из песен Децла. «Я представляю голос улиц...» – заявлял он, и это действительно было

В конкурсе граффити состязались в мастерстве десятки художников

Когда мольбертом стала улица...

Женский воркаут
становится все более
массовым

так. Тогда множество подростков хотели быть похожими на него и других участников хип-хоп-движений – рэперов, райтеров, брейкеров, диджеев.

«В Ноябрьске начали появляться какие-то «куски» (так райтеры называют свои произведения. – Прим. авт.), – продолжает Александра. – Мне стало интересно попробовать себя в этом деле, у меня тогда не было интернета, я понимала, что нужно ломать буквы, пыталась это делать по-своему... Когда сейчас смотрю на свои работы тех лет, они мне кажутся такими смешными и забавными».

Многие подростки шли в граффити за адреналином, острыми ощущениями, которых им не хватало в обыденной жизни. К тому же их работы сразу видело множество людей, да и сам инструмент – аэрозольный баллончик – превращал рисование в динамичный азартный процесс. После выхода на экраны фильма Чарли Джерна «Дикий стиль» (о зарождении культуры хип-хопа) райтеры, подражая его героям, занимались нелегальным рисованием в людных местах – разрисовывали вагоны, дома, подземные переходы и другие общественные локации. Это привлекло внимание к проблеме молодежного самовыражения в пространстве городской среды. Сейчас в граффити существует множество направлений, и любой художник вправе найти среди них свое, которое поможет ему реализоваться и получить признание.

«Я стараюсь делать добрые работы, использовать краски и сочетания цветов, чтобы передавать тепло, ко-

торого нам не хватает, – рассказывает Александра Сиром. – У нас на севере солнца практически нет, а хотелось бы, чтобы оно еще светило в каждом человеке. Мир у нас сейчас стал жестокий и злой, я хочу, чтобы было больше добра».

Александра окончила колледж по специальности «учитель изобразительного искусства и черчения». Она участвовала в различных фестивалях, организовывала выставки стрит-арта, обучала ему подростков. Конечно, недостаточно просто взять баллончик в руки и рисовать на стенах домов или трансформаторных будках. Нужно обладать определенными знаниями, например уметь компоновать буквы, знать, какие дополнительные элементы могут их украсить, как их выделить цветом, как связать буквы с фоном или персонажем и т.д.

«Сейчас у меня профессия культурная, классическая, но в то же время как у художника у меня есть бунтарская сторона – мое граффити, – замечает Александра. – Мне нравится, что я не знаю, как поведет себя баллончик, как и когда дрогнет рука от перенапряжения. Каждый раз это бывает по-разному. И даже если я буду следовать эскизу, не знаю, как закончится моя работа. Граффити – это всегда загадка и непредсказуемость».

На «КАРДО» проводились многочисленные мастер-классы, в том числе и по диджеингу

СОСТЯЗАНИЕ С САМИМ СОБОЙ

Воркаут (от англ. workout – «тренировка») – самое популярное уличное направление не только в России, но и в мире. Неудивительно, что оно было широко представлено на «КАРДО». Этот вид часто называют городской гимнастикой, потому что использовать можно спортивные снаряды, которые есть почти в любом дворе, – брусья, перекладины, турники, кольца. Воркаутеры считают, что каждый из них соревнуется прежде всего с самим собой.

Джон Александер Кастанье Бера приехал на финал «КАРДО» из Боготы. Он – амбассадор премии в Колумбии. С 10 лет Джон занимался при христианской церкви брейкингом, а затем, познакомившись с калистеникой (гимнастика для развития мышц с использованием веса своего тела в качестве сопротивления) и воркаутом, переключился на них. В 14 лет из-за тяжелой болезни он оказался прикованным к кровати и более года не мог ходить. «Это было очень трудное время для меня и нашей семьи, – вспоминает Джон. – Лечение стоило дорого, средств не хватало. В школе у меня не было друзей, я все время проводил в одиночестве. Тогда в мою жизнь вошли наркотики. К счастью, я нашел силы отказаться от них, упорно учился ходить и вскоре сделал первые самостоятельные шаги».

Джон даже отслужил в армии и после продолжил заниматься воркаутом. Несмотря на сопротивление родных, опасавшихся, что усиленные тренировки могут повредить его здоровью, он стал профессиональным спортсменом, завоевал много титулов и наград. А в 2018 году Джон создал спортивную организацию воркаута в Колумбии.

Заниматься воркаутом можно везде, где есть турник или брусья

«В нашей стране существует большая проблема – наркотики, нередко их начинают употреблять уже с 10 лет, – объясняет он. – Моя цель – создать такую городскую среду, чтобы молодежь могла успешно социализироваться и проводить свободное время с пользой. Я стараюсь сфокусировать молодых колумбийцев на той деятельности, которая будет для них стимулирующей и здоровой. Помимо воркаута мы предлагаем занятия футболом, боксом и борьбой».

Однажды, встретив в парке группу людей старшего возраста, которые занимались спортом, Джон обратил внимание на ошибки в их движениях и понял, что многим пожилым нужна помощь. Так в их организации образовалась группа «старожилов». Они с увлечением занимаются калистеникой и латиноамериканскими танцами, которые улучшают физическую форму и укрепляют здоровье.

Когда Джон начал исполнять задуманное, никто, в том числе и близкие,

Сила, ловкость и грация

не верил в его успех. Он везде, где только мог, рассказывал о своей программе и тех возможностях, которые она предоставляет, стараясь заинтересовать жителей Боготы. В первый год в его организации было пять преподавателей и 150 участников. Через четыре года число посещающих тренировки увеличилось до 3 тысяч, выросло и число наставников.

«Недавно у меня был разговор с матерью, и я пошутил: «Большое спасибо, мама, что ты не верила в меня». Скепсис родных придал мне силы для того, чтобы осуществить свои мечты. Я иду вперед и делаю сейчас то, что наметил», – говорит Джон.

В планах Джона – создать филиалы организации во всех районах Боготы; еще он хочет открыть детскую школу калистеники и продвигать это направление спорта по всему миру.

Поиск и поддержка талантливых представителей уличной культуры, привлечение внимания к состоянию городской среды, которая дает молодым людям возможность для самовыражения и трансляции своих идей, настроений и замыслов, – в этом заключается одна из основных задач конкурса-премии «КАРДО».

Четыре дня фестиваля пролетели незаметно. Многие участники жалели, что они закончились так быстро, потому что в Ставрополе все ощутили себя членами огромного многоликого сообщества, призванного донести до людей голос улиц разных городов мира. 📍

ОСЕНЬ. ОСТОЖЕНКА

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В СЕНТЯБРЕ В СОЙМОНОВСКОМ ПРОЕЗДЕ ЗАВЕРШИЛИ БЛАГОУСТРОЙСТВО, И ЗДЕСЬ СТАЛО СОВСЕМ БЕЗЛЮДНО. И ОЧЕНЬ ТИХО. ОСОБЕННАЯ ТИШИНА РАЗЛИВАЕТСЯ ПОУТРУ В ВОСКРЕСЕНЬЕ, А МЫ С ЖЕНОЙ ИМЕННО ТАКОЕ УТРО ДЛЯ ПРОГУЛКИ И ПОДГАДАЛИ.

А ЕЩЕ УГАДАЛИ МЫ С выходом из метро. Мы вышли из того выхода, что ранее вел к бассейну, а теперь ведет к храму. И вот этот вид с горочки Волхонки на лежащую внизу площадь, на Пречистенку, бегущую от площади вверх, на задумчивого Ангельса, на едва заметную отсюда Остоженку – задал весь тон путешествию по осенним Хамовникам. Хамовники мы с женой очень любим.

...Хорошо, знаете ли, быть фотографом! Идти этак пешочком и фотографировать Москву! Площади и закоулки, набережные и бульвары, людей с их причудами. Солнышко смотрит из-за реки слева, к реке мы и поворачиваем, в полном таком одиночестве, радуясь солнцу, тишине, сухим листьям под ногами. На лавочке единственной в Соймоновском проезде автобусной остановки мирно спит человек

в сером стареньком пиджаке и почему-то расстегнутых серых брюках.

Под головой у него бомжовка – авоська с газетами. Под лавочкой – пустая чекушка и пластиковый белый стаканчик. Он даже причмокивает на солнышке, видно, хороший сон видит. Тут главное – не мешать. Мы с женой и не мешаем, мы шагаем тихонько к реке.

Ни людей кругом, ни машин, ни автобусов. Воскресенье. 9 утра. Кажется, что мы совсем одни в этом нарядном солнечном городе.

По реке, сверху, от севера-запада на юго-восток, скользит белый катерок, нет, не новый, а тот, что построен в Москве лет семьдесят назад. Идет ветеран шустро, будто поплывет на года.

– Новые катера совсем не такие красивые, – говорит жена.

– Куда им... – отвечаю я.

У Театра эстрады
можно и якорь
бросить

На уголке Соимоновского проезда и Пречистенской набережной поневоле замрешь, притормозишь, остановишься. Головой покрутишь во все стороны... От красоты окружающей дух захватывает. Эх, надо, надо было взять фотоаппарат! Почему не взяли?

А потом еще, знаете ли, воспоминания. События прошлых лет, с местами, с видами этими связанные, так и лезут, путаются, оживают. Так... Как бы разложить все аккуратно, по порядку... Трудно, но попробую.

Слева – Большой Каменный мост, за ним – Кремль.

А чуть ближе к нам маленькая улица Ленивка к реке спускается. На Ленивке, в местной стекляшке, целый год ел вечерами пельмени, отправляясь на работу ночным сторожем. Ничего другого в «Пельменной» не было.

А сторожил я то бывшее здание «Книжной палаты» на берегу, то Дом науки и техники на Волхонке, где теперь творения самого Ильи Глазунова обитают.

Когда сторожил?

А в самом конце 70-х годов XX века, вот когда! Я тогда был дневным студентом исторического факультета и ночным сторожем, то есть бойцом вневедомственной охраны.

От Ленивки направо и начинается Пречистенская набережная.

Фридрих Энгельс
«дежурит»
у Пречистенских
Ворот

А вот за Большим Каменным мостом – набережная Кремлевская. Ответственные, выходит, места охранял, государственные.

А тогда не задумывался об этом, да и что там задумываться за 57 рублей в месяц при графике – через две ночи на третью?

Другие думы в 19 лет, веселые.

– Помнишь, как ходили в бассейны «Москва»? – вдруг спрашивает жена.

– Конечно. Женские секторы были нечетными, а мужские – четными. Или наоборот? А билет для всех – 50 копеек.

– А на первый утренний сеанс, в 8 часов, даже 30 копеек. Вышел из метро, раз – и купаешься в любое время года. Секторы дорожка-ми отделялись.

– Точно. Дорожки белые были, из пенопласта.

А напротив нас какие виды!

Какие воспоминания на другом берегу!

На Берсеневской и на Балчуге...

Чуть левее – огромный Дом на набережной нависает. Театр эстрады. Дальше – это уже дорисовывает память – кинотеатр «Ударник» на Болотном острове, канал, шемакинские пронизывающие скульптуры.

– Помнишь, в Эстраду на концерт Жанны Бичевской ходили? – спрашиваю.

– Еще бы! В нагрузку ведь билеты на национальные танцы Таиланда давали. Не купишь на Таиланд, не продадут на Бичевскую...

– Но мы купили?

– Купили.

– И на Бичевскую, и на Таиланд?! – И на Бичевскую, и на Таиланд.

– И пошли?

– Пошли. Театр эстрады все-таки... Ты что, все забыл?

– Почему – забыл? Бичевскую помню. Длинные темные волосы. Гитара. Песни. Она еще потом в монастырь ушла...

– А Таиланд? А национальные танцы?

– Понимаешь, из танцев я только буфет помню. Бутерброды с красной икрой. Кофе по-турецки. И шампанское.

– Эх ты...

И это уже середина 80-х годов все того же XX века.

А правее, правее! На том берегу! Краснокирпичные здания стрелки.

«Шоколадный» ансамбль, где шоколад давно не готовят, хоть и готовили, и как готовили... почти 150 лет. Но уже торчат на стрелке высокие строительные краны. И есть, говорят, чудесный план нового, модного и очень элитного жилого комплекса, который возведут на месте бывшей фабрики, что основал в 1850 году Теодор Фердинанд фон Эйнем, российский знаток кондитерских изделий высшего класса.

И продолжатель дела «Эйнема», фабрика «Красный Октябрь», отсюда давно переехала. И план строительства, пишут, утвержден на высоком уровне. И как в самом деле обойтись без элитной недвижимости на стрелке? Никак невозможно. Даже глупо. Так что фотографу – историку Москвы стоит поспешить. А то

выйдешь поутру на Пречистенскую набережную, глянешь через реку в Замоскворечье – а привычный пейзаж исчез. Растворился как мираж в суматохе не прекращающегося ни на минуту благоустройства. Петра I, думаю, не тронут. Он слишком велик.

Вот так смотришь, а ноги, оказывается, идут. Идут против течения Москвы-реки, в сторону Крымского примечательного моста.

Ноги идут, а глаза успевают бросить взгляд на самый удивительный дом – дом Перцо-

Корпуса бывшего «Красного Октября» – надолго ли сей привычный пейзаж?

Крымский мост Москвы – единственный в своем роде

Знаменитый дом
Перцова, вид
с Пречистенской
набережной

ва (он же – дом Перцовой). Его адрес – дом №1 по Курсовому переулку. Но своим самым длинным фасадом он выходит на Соймоновский проезд, а самым красивым – на Пречистенскую набережную.

Нумерация на набережной идет не от Кремля, как на центральных столичных улицах, а по течению реки, но этот дом, получается, «приписан» к Соймоновскому проезду. Вот почему не стоит удивляться тому, что его знаменитый и близкий «сосед», тоже решенный в неорусском стиле дом Цветкова, имеет №29.

История архитектуры этого краешка Пречистенской набережной богата. Не только дом Перцова и дом Цветкова привлекают и радуют глаз. И другие дома на набережной – благородны и основательны. Строили здесь на конкурсной основе. И проектировали на конкурсной основе. А в жюри конкурсов приглашались лучшие, признанные архитекторы и художники столицы. Да и хозяева, заказчики работ, были не лыком шиты, все они понимали или хотя бы старались понять искусство, архитектуру, живопись,

Старенький катерок прошел стрелку – слияние Водоотводного канала и реки Москвы

Дом коллекционера Цветкова на Пречистенской набережной

литературу, театр. И в строительстве понимали.

В доме инженера путей сообщения Петра Перцова зародилась слава дореволюционного кабаре «Летучая мышь», а будущий создатель МХАТа, молодой Константин Сергеевич Станиславский, показывал тут фокусы на артистических капустниках. В этом доме не только играли и работали, но и жили художники, причем хозяин устанавливал богеме умеренную квартирную плату.

А в особняке мецената, высокопоставленного сотрудника Московского земельного банка Ивана Цветкова хранилась

личная и весьма богатая коллекция картин хозяина. Его величество Николай Александрович Романов, будучи в Москве, пожелал лично взглянуть на чудо – дом и коллекцию Ивана Евменьевича. В 1909 году Цветков передал дом и коллекцию в дар городу.

Знаете, чем еще любопытна Пречистенская набережная?

Здесь с недавних пор нет городского транспорта. Буквально – ни одного муниципального маршрута. Кроме автобуса №8, из прежних времен и вспомнить-то ничего не могу. По соседним набережным – Кремлевской и Фрунзенской – синие автобусы ходят. По Пречистенской – нет!

От Соймоновского проезда до Крымского моста – 1,5 километра пешочком, дорогие друзья! И не стонать! Зато – речные и замоскворецкие пейзажи, архитектура и история здешних мест.

А есть ведь и знаменитые остоженские переулочки. Вот в один из них мы с женой и сворачиваем. Хочется где-то присесть. Откусать скромный завтрак – кофе с круассаном, к примеру. Да и солнышко пригревает.

Так кто же
живет теперь
в Хилковском
переулке?

Переулок назывался «Хилков». И этот переулок сразу, говоря языком Пушкина, уважать себя заставил! Да как заставил-то... Вы представьте картинку. Сразу при входе в Хилков, слева, стоит желтоватая махина, массивная, с огромным балконом, четырехугольная, этажах о шести, с барельефами под крышей, изображающими лицо очень задумчивой молодой женщины с широко открытыми глазами... Через железный черный забор виден кусок двора, детская площадка, семья у качелей, лужок, кажется, даже фонтанчик... Бросаются в глаза широкие въездные ворота и будка. На будке крупная надпись – «КПП-2».

Комендантский пропускной пункт? Так мы расшифровывали надпись. И если перед нами есть «КПП-2», то, стало быть, есть и «КПП-1», а может, и «КПП-3», и «КПП-4»... Ну чем не крепость... И крепость довольно красивая, исполненная старательно, но слишком, на мой вкус, тяжеловесно.

– В квартирах, наверное, никаких соседей не слышно, а? – предположила жена. – Вот бы заснять местное палаццо!

Остоженка, 36.
Здесь каждое
здание –
праздник

Но я указал ей на вышедшего неизвестно откуда форменного дядю со строгим взглядом.

– Не стоит, – сказал я. – Дядя рассердится.

Как потом выяснилось, мы абсолютно случайно вышли на один из местных элитных жилых комплексов...

Повыше в переулочке было проще – военный комиссариат, где часовой с АКМ за плечом ухаживал на крыльце за сослуживицей, вышедшей покурить, школа с неважнецкой футбольной площадкой, привычные московские тополя, охраняемая автостоянка и в завершение – неприметный отель без звезд, где за все отвечал Т. Гусейнов. Так, по крайней мере, указывала табличка при входе.

– Ну вот это нормально, – отметила жена. – Было бы странно, если бы за отельчик во дворах Остоженки отвечал какой-нибудь Е. Петров...

– Или В. Катаев, – немедленно согласился я.

Нрав Остоженки скоро проявился и на самой улице.

В первом простецком «кофейнике» на запрос о чашке кофе молодец за прилавком ответил корректно и твердо: «Рановато пришли, господа хорошие... Я пока занят. Через полчаса – милости прошу».

Занят он был, конечно же, ковырянием в любимом смартфоне.

Во второй кафешке – кофе был горячим, круассан мягким, но сдачи с тысячи рублей не оказалось... «У нас посетители обычно расплачиваются картой!» – пояснила с обидой в голосе местная бариста в восточном пестром халатике, пока мы старательно выгребали из карманов и кошелька разную мелочь. Ну и окончательно расставил акценты знаменитый бассейн «Чайка». Мимо бассейна пройти не мог, все же пять школьных лет отдал кролю и брассу.

– Сколько стоит билет? – поинтересовался я в кассе, где очередь текла очень быстро.

– Сегодня – 3900, – ответила кассирша.

Памятник тургеневской Муму
прост и изящен

Памятник
Павлу
Михайловичу
Фитину,
главе внешней
разведки
в годы Великой
Отечественной
войны, открыт
в 2017 году

– Это за какое время? – уточнил я в окошечко.

– Это за день! – Кассирша по вопросу разглядела во мне чу-
жака.

Кафе рядом с бассейном по-
нравилось. В оформлении пре-
обладал черно-белый цвет.
Деревянные стулья – черные,
подушечки на них – белые.
Играло негромко что-то из на-
шего времени. Посетителей
пока не было.

На Остоженке не принято вста-
вать спозаранку, решили мы.
Тем более по воскресеньям.

А вот и дождик, настоящий
осенний дождик, мелкий и еще
теплый. Мы решили – не заме-
чать!

Что там дождик, не сахарные, да
и рядом всё на Остоженке, дли-
на улицы 1 километр и 100 мет-
ров. Всего-то.

Мы начинаем обратный путь у
станции метро «Парк культуры»,
ранее носившей имя Горького.
В застекленной ротонде – кру-
гленькой, симпатичной – на са-
мом входе сохранилось мозаич-
ное панно с портретом когда-то
популярного писателя. Станцию
эту открыли 15 мая 1935 года,
именно про нее пел Утесов в из-

вестной песенке про извозчика,
где «От Сокольников до Парка
на метро...».

Ну а мы в метро пока не торо-
пимся. Мы разглядываем одио-
кий домик за метро, маленький,
одноэтажный и с одной дверью.
Теперь тут жарят чебуреки, ва-
рят пельмени, подают шаурму и
прочие прелести... А в наши мо-
лодые времена находился в до-
мике магазин «Букинист». При
входе звякал колокольчик – ред-
кая деталь для тех лет.

– Сколько мы заходили сюда, –
вспоминает жена, – а так ничего
и не купили.

– Так тут же в основном прода-
вали антикварные книги! Цены
приличные... Остоженка... –
усмехаюсь я.

На здании бывшего Катковско-
го лица, а ныне Дипломатиче-
ской академии МИД России –
серьезная мемориальная доска.
«Будущность России огромна,
но путь нелегок». Автор приве-
денной на доске цитаты – Алек-
сандр Михайлович Горчаков,
выдающийся русский дипло-
мат, министр иностранных дел,
канцлер Российской империи.
А еще – приятель Пушкина по
лицею, прозванный лицеиста-

А вы посещали
престижный
бассейн
«Чайка»?

ми Франтом. Это ему, Горчакову, Александр Сергеевич посвятил верные строки:

*Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый,
и славный.*

Дипломатическими усилиями светлейшего князя Горчакова Россия вернет себе утерянное после Крымской войны право на Черноморский флот. 1871 год – славная дата.

А вот и молодой, сильный, бодрый Иван Сергеевич Тургенев шагает в скверике! Открыт памятник русскому классику в 2018 году. Тогда же открыт и памятник Муму во двореке дома-музея писателя. Хорошо получилась у скульптора собачка.

Но вот зачем читают сей жестокий рассказ в младших классах, категорически не по-

Остоженка, 21.
Дом Кекушева
со львом

Два этажа,
четырнадцать
окон по фасаду.
Дворянская
классика

нимаю. После «Муму» читать Тургенева школьнику захочется нескоро...

Мимо домика Льва Кекушева не пройдешь! Настоящий замок! Башенка. Лев на крыше – фирменный знак знаменитого московского архитектора. Сколько фантазии рассыпано по адресу Остоженка, 21. Мы даже улицу переходим, с расстояния смотреть удобнее. Смотреть и вспоминать о трагической судьбе мастера.

Зачатьевский монастырь? Но дождик усиливается! И все же зашли на минуточку. Прибран монастырь, аккуратен, оштукатурен, свеж как огурчик. Металлоискатель на входе. И пузатые машины рядком. И вот мы снова внизу. У Пречистенских Ворот. У памятника Энгельсу. И никого рядом с Энгельсом нет, для Остоженки все еще рано.

Мы идем в метро, на сей раз в известный всем москвичам арочный вход станции метро «Кропоткинская».

– Раньше по Метростроевской ходил троллейбус №31. А сейчас по Остоженке? – подводит итоги жена.

– Ходит какой-то автобус. Я еще не запомнил номера. 📍

ДОРОГА РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

Я БЫ НЕ УВИДЕЛ ЭТОТ ДОПОТОПНЫЙ РУЧНОЙ СТРЕЛОЧНЫЙ ПЕРЕВОД, ЕСЛИ БЫ НЕ ПОДСКАЗКА АНАТОЛИЯ ВИКТОРОВИЧА ТРУТНЕВА. ЗАРЖАВЕВШИЙ МЕХАНИЗМ СОЕДИНЕНИЯ ПУТЕЙ, КОТОРЫМ УЖЕ ДАВНО НЕ ПОЛЬЗУЮТСЯ, НЕ ПОДДАЕТСЯ РУКАМ. НЕЧЕГО И СТАРАТЬСЯ ПОВОЕРНУТЬ СКРИПУЧИЙ РЫЧАГ. ПРОТИВОВЕС ДАВНО УНЕСЛИ. «КОРОМЫСЛО» ТОЖЕ ОТСУТСТВУЕТ. ДА И НЕ СМАЗЫВАЛИ МЕХАНИЗМ СТРЕЛОЧНОГО ПЕРЕВОДА БОГ ЗНАЕТ СКОЛЬКО ЛЕТ.

В СЕ ЭТО АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ объясняет мне, пока я разглядываю старую стрелку. И добавляет: раньше на стрелку ставился фонарь, чтобы машинист ее видел. Сначала фонари были свечные, потом – керосиновые.

Такие ручные стрелочные переводы теперь только в фильмах о войне можно увидеть. А на станции Сургут, что в Сергиевском районе Самарской области, они действовали с конца XIX века и до момента ее закрытия – электрических стрелок на этой ветке никогда не было. После того как убрали ручной семафор, а дирекцию перевели на станцию Серные Воды-1, здесь остался только дежурный. Он и переводил стрелку вручную. Потом и его сократили. Локомотивы перестали сюда заходить. И стрелка, находящаяся неподалеку от кирпичной водонапорной башни, стоит без дела. Рельсы и шпалы зарастают травой. Анатолий Викторович каждый день приходит посмотреть на то, как умирает тупик, ведь дом его находится буквально в шагах от старой станции...

А ведь если бы 70-летнего бывшего машиниста Трутнева пригласили в школу или музей, он мог бы рассказать много интересного о железнодорожной

ветке Кротовка – Сергиевск, построенной в конце XIX столетия инженером-путейцем, известным писателем Николаем Георгиевичем Гариным-Михайловским (см.: «Русский мир.ru» №2 за 2012 год, статья «Счастливыч»). Станция Сургут (она же Сергиевск, она же Серные Воды-2) была последней остановкой ветки Кротовка – Сергиевск – ее окончанием, тупиком. Здесь стояло красивое деревянное здание вокзала, возведенное еще при Гарине-Михайловском. Сюда шел большой поток пассажиров и грузов.

Сегодня Сургут заброшен, теперь конечной остановкой является предыдущая станция – Серные Воды-1, куда приходят только грузовые поезда. Пассажирское сообщение по ветке было прекращено в 1996 году...

ПАР И ВОДА

Анатолий Викторович вышел на пенсию в 2009-м и с тех пор наблюдает разорение станции Сургут. Охотники за металлоломом даже рельсы отсюда вывозили. Как-то вечером он застал разграбление стрелочного перевода. Сделал замечание ворам с монтировками. Те удивились: «Тебе, отец, чего надо? Ты кто такой?» «Я тут всю жизнь проработал, – ответил он. – 35 лет по этой ветке поезда водил, а вы расхищаете. Ведь пригодится еще железная дорога!» Так были спасены остатки ручного стрелочного перевода, который теперь демонстрируют туристам-блогерам и художникам с мольбертами, зачистившим сюда, чтобы посмотреть на железную дорогу, построенную русским писателем. Показывают его и ребятам, которых приводит на экскурсию учительница школы поселка Сургут, краевед-энтузиаст Вера Афанасьевна Люкшова. Это она вместе со школьниками установила памятную табличку на стене водонапорной башни, сообщающую, что первый поезд пришел сюда в августе 1897 года. «Здесь находилась станция «Сургут», «Сер-

Это деревянное здание станции Серные Воды-1 (ныне памятник архитектуры) и водонапорная башня на станции Сургут (Серные Воды-2) были построены в начале XX века еще для узкоколейки

гиевск», «Серные Воды-2», – написано на табличке. – Во время Великой Отечественной войны станция трудилась для фронта». Ниже в кирпичи вмонтирована старая ржавая бляха: «Точное нивелирование 1907 год». «При Гарине-Михайловском щебенки не было. Под шпалы подкладывали мелкий булыжник, – продолжает рассказ Анатолий Викторович. – Мы называли такой «голышами». Брали

их из рек или из карьеров, на лошадях сюда возили. В детстве мы из голышей искры вышибали». Самыми крупными булыжниками, которые под шпалы негодились, вымостили площадь у станции Сургут. Так эти голыши времен Гарина-Михайловского «умники» выламывали и утаскивали, чтобы каменку в бане выложить. Понятно, что такое варварство тоже возмущало Анатолия Викторовича. Ведь эти булыжники, как и брусчатка на Красной площади, помнили шаги солдат, которых со станции Сургут отправляли на фронт! Да и как забыть, что в 1941 году на станцию прибывали составы с беженцами и эшелоны с оборудованием и зерном из резерва. Сюда же по «железке» была эвакуирована Липецкая летная военная часть...

Анатолий Викторович жалеет, что не может показать мне здание станции Сургут, построенное при Гарине-Михайловском. Дубовый потолок в нем был так гладко обтесан топором, что впору только дивиться. Внутри стояли печи-голландки и широкие деревянные лавки – не то что современный пластик...

«Давно я не слышал тут теплового гудка!» – с тоской говорит Анатолий Викторович. Тишина над заросшими путями его угнетает. Старый машинист еще помнит, как «паровичок» ухал здесь так громко, что люди торопливо отходили от путей. И с грустью вспоминает, что еще в 1960-е годы по этой ветке ходили паровозы «Овечки» и «Эрки».

На эту станцию он с одноклассниками даже зимой прибегал во время школьных перемен: мальчишки любили поглазеть на поезда. Паровоз в холода всегда должен быть под

парами. Машинист сдавал его прогревальщику, который поддерживал температуру, воду подкачивал, в топку подкидывал уголь. Анатолий как-то стал дразнить служащего, сидящего в кабине машиниста: «Дед, дай пару!» Тот дал – устроил продувку котла. На мальчишке тогда был новый костюм с начесом, а на улице – мороз. Анатолий бежит домой, а одежда на нем звенит от сосулек. Мать его знатно тогда выпорола. Так Анатолий по-настоящему познакомился с железной дорогой, которой потом отдал 35 лет своей жизни.

Железная дорога, проложенная Гариным-Михайловским, и сегодня исправно служит для грузовых перевозок

«Вы вот расспрашиваете... А вообще-то сейчас мне некому все это рассказывать!» – вздыхает Анатолий Викторович. И правда – некому. Раньше у него был собеседник – сторож водонапорной башни Борис Николаевич Аксенов, доживший до 95 лет. Это от него Анатолий Викторович узнал, что из родника рядом с берегом реки Сок, где сейчас раскинулся огород Трутнева, качали насосом воду для паровозов. Хорошая вода, мягкая. За ней соседи до сих пор к Анатолию Викторовичу на огород ходят. Называют ее «паровозной».

Я говорю Трутневу, что такие интересные истории ему надо в местной школе рассказывать. Старый машинист отвечает, что перед школьниками он выступал только один раз. Удивился тогда, что ребятишкам интересно слушать про паровозы. Но в школу его почему-то больше не зовут. А он ведь слышал рассказы старых путейцев о Гарине-Михайловском. В 1883 году Николай Георгиевич купил имение Гундоровка в Самарской губернии, мечтал построить образцовое хозяйство, но разорился и вернулся к работе инженера-путейца. Мест-

Из этого родника когда-то качали воду для паровозов

ные помещики считали его чудачковатым. А в сентябре 1895 года писателя назначили руководителем строительства ответвления Самаро-Златоустовской железной дороги Кротовка – Сергиевск. Его планировалось проложить до деревни Гундоровка, но непреодолимым препятствием стала река Сок: денег на возведение моста через нее не хватило...

Это сейчас вокруг станции раскинулся заросший пустырь. А старый машинист помнит времена, когда все здесь было заставлено грузами – строительными материалами, дровами, углем... Их доставляли для колхозов трех ближайших районов. Склады и амбары на станции ломились от продуктов и товаров. Анатолий Викторович говорит, что местные жители бесплатно брали здесь соль. В детстве в начале сентября он в школу не ходил – арбузы и дыни на станции разгружали. Благодаря железной дороге люди не бедствовали: рядом работали мясокомбинат, комбикормовый и маслозавод. «Гарин-Михайловский оказал нам громадную услугу. Мы ему век благодарны должны быть», – считает Трутнев.

Автор «Детства Тёмы» в музее школы Сургута представлен и как выдающийся изыскатель, и как строитель стальных артерий России

БОРЕЦ С МЗДОИМСТВОМ

Заведующая школьным музеем, краевед-энтузиаст Вера Афанасьевна Люкшова пришла к Анатолию Викторовичу с важным вопросом. Работавший на станции Сургут Евгений Ромашов заявил, что у него хранится старый станционный колокол, но отдавать его в музей он не хочет. Вот учительница и надеется, что Анатолий Викторович поможет ей уговорить Ромашова отдать артефакт. А Трутнев упрямится: говорит, что не помнит на станции никакого колокола.

Вера Афанасьевна и познакомила меня со старым машинистом.

Геннадий Иванович Костёнов встречался с младшей дочерью Гарина-Михайловского

Трутнева и Люкшову объединяет любовь к заброшенной станции Сургут и железнодорожной ветке. Один по ней всю жизнь поезда водил, другая – материал о ней собирает. Оба дружат с бывшим учителем русского языка и литературы Геннадием Ивановичем Костёновым, который много лет изучал жизнь Гарина-Михайловского в Гундоровке. Он состоял в переписке с дочерью писателя Ольгой Николаевной и не раз водил школьников на экскурсии к остаткам его усадьбы в деревне. Мы стоим посреди заброшенной станции, и Вера Афанасьевна вспоминает, что раньше здесь у пассажирских вагонов шла бойкая торговля ягодами и пирожками. Отец Люкшовой, когда дочь плохо училась, пугал ее: говорил, что велит матери сшить нарукавники и отправит Веру к вагонам – продавать малину и крыжовник. Благо курорт Сергиевские Минеральные Воды пользовался популярностью, так что в покупателях недостатка не было. Кстати, в небольшой степени благодаря этому курорту Гарин-Михайловский получил разрешение на строительство здесь железной дороги. Люкшова знает о чем говорит: немало времени она провела в самарских архивах, разыскивая сведе-

ния о строительстве ветки русским писателем.

Путешественник, инженер-путеец Николай Георгиевич Михайловский публиковал свои произведения под псевдонимом Н. Гарин. Купив имение в деревне Гундоровка, Николай Георгиевич занялся хозяйством (этот период он подробно описывает в повести «Несколько лет в деревне». – Прим. авт.), однако не слишком преуспел. Подсчитав, что доставку урожая к самарским пристаням заметно удешевит железная дорога, писатель начал хлопотать, убеждая земство в необходимости прокладки «чугунки». Сооружение Кротовской ветки производилось на основании высочайшего указа, утвержденного 17 января 1895 года Государственным советом. Стоимость работ оценивалась в 1,5 миллиона рублей. Железнодорожная ветка должна была начинаться у станции Кротовка, а затем отклониться к северо-западу от основного пути Самаро-Златоустовской железной дороги (ныне – Куйбышевская).

«Управление Казенных железных дорог, – пересказывает документы Вера Афанасьевна, – уведомило Главное управление уделов, что во исполнение высочайшего повеления предлагается приступить к постройке железнодорожной ветки от станции Кротовка через Тимашевский сахарный завод до Сергиевска. А инженеру Михайловскому было поручено производство окончательных изысканий этой ветки, которые

были завершены летом 1895 года. К этому времени он уже был автором прославившего его «Детства Тёмы». Писатель задумал построить узкоколейную дорогу и максимально ее удешевить. Узкоколейные железные дороги были тогда в России редкостью. И, как показало будущее, именно строительство узкоколейки Кротовка – Сургут способствовало популяризации в России и СССР узкой колеи. Гарин-Михайловский обратился в земство, предложив им дешевую узкоколейную железную дорогу, которая бы прошла через две губернии, захватив пять уездных земств. Возглавлял земство губернский предводитель дворянства, статский советник А.А. Чемодуров, который заверил Михайловского, что сочувствует проекту. Но энергично действовать не может, так как ветка пройдет рядом

С одной из станций узкоколейки снят этот колокол...

с его землями и его могут обвинить в пристрастии. А этого слова тогда боялись. Многие помещики уже требовали от Гарина-Михайловского, чтобы дорога проходила через их имения».

Считая борьбу со злоупотреблениями одним из главных факторов удешевления проекта, Гарин-Михайловский поручил решение всех вопросов, связанных с финансированием проекта, комиссии из выбранных лиц. Она отчитывалась в своих действиях перед общим собранием всего технического персонала дороги. Финансовые дела велись коллегиально, а выплаты осуществлялись под наблюдением приглашенных наблюдателей. Самарские газеты насмехались над таким устройством дела, вопрошая, как мирятся господа инженеры с циркуляром Михайловского, предлагавшего подчиненным воздержаться от незаконных поборов и вымогательств, обычно практикующихся при постройках железных дорог. Однако писатель пошел еще дальше: он организовал суды чести над уличенными в мздоимстве и рукоприкладстве сотрудниками. Однажды и сам инженер-писатель был вызван на суд чести за увольнение десятника без разбора дела.

Когда работы были закончены, правление Самаро-Златоустовской дороги заявило, что не может признать облегченных условий функционирования ветки: согласно проекту Гарина-Михайловского, сторожевые будки не были построены, вместо них ставилась надпись «Берегись поезда». Правление обязало установить будки. Чиновники также не признали телефонную систему связи на дороге, жезловую систему и централизацию станционной отчетности.

Доставалось Гарину-Михайловскому и от крестьян, возмущавшихся, что железнодорожная ветка не позволяет проехать с одного поля на другое. Да к тому же пострадал извозный промысел. Помещики тоже были недовольны писателем. Только один из них поддержал строительство и не взял денег за землю. Остальные

Краевед Вера Афанасьевна Люкшова – главный историк дороги Кротовка – Сургут

запрашивали втрое от действовавших цен, дорого продавали камень, песок и лес. И напрасны были напоминания Гарина-Михайловского о том, что изначально земство обещало строить дорогу чуть ли не за свой счет. Земству хотелось широкой колеи, «а не урода какого-то, который пройдя мимо усадеб никого не удовлетворил. Вы цену удвоили за работу и рабочих увели, а весь хлеб в поле стоит и гниет», – выговаривали писателю. Условия работы на строительстве были нелегкими, но крестьяне из соседних имений все равно стремились устроиться на железную дорогу к Гарину-Михайловскому, которого прозвали «узкоколейником». Сам писатель в повести «В сутолке провинциальной жизни» сетовал на то, как много неприятностей пришлось ему пережить во время строительства ветки. Максим Горький в очерке о Гарине-Михайловском писал, что эта стройка обернулась для Николая Георгиевича множеством анекдотичных ситуаций. К примеру, Министерство путей сообщения запретило писателю приобрести в Германии локомотив какой-то особенной конструкции. Но Гарин-Михайловский путем смелых ухищрений все-таки купил паровичок за границей и контрабандой пригнал в Самару. Жарким днем 17 августа 1897 года на станцию Сургут прибыл первый поезд. «Проживало на ней тогда всего 11 человек», – уточняет Вера Афанасьевна. Она успела записать рассказ внучки машиниста паровоза П.Д. Ирошникова, возившего инженера-писателя, на которого рабочие и служащие только что не молились. Замысел Гарина-Михайловского довести пути до Гундоровки, построив мост через реку Сок, не осуществился. И конечной станцией навсегда осталась станция Сургут. Здесь был буфет, зал ожидания, касса, контора. На берегу речки Сургут располагался дом Николая Георгиевича, рядом – контора с телеграфом. На месте дома писателя общественники установили православный крест, траву вокруг которого обкашивает Анатолий Викторович...

Старые рельсы и шпалы тупика зарастают травой

81 ВЕРСТА

Официально движение по новой железнодорожной ветке было запущено 2 ноября 1898 года. Дорогу длиной в 81 версту обслуживали 80 товарных и 10 пассажирских поездов. Последние запустили для доставки пациентов на курорт Сергиевские Минеральные Воды. Он был довольно популярен у богатей обеих столиц империи, а потому получил в народе прозвище «Дворянские воды». В Сергиевском краеведческом музее хранится страница из атласа железных дорог Российской империи 1910–1917 годов с указанием на «гаринской» узкоко-

лейке всех станций и остановок: Кротовка, Тимашево, Курлина, Сарбай, Кабаново, разъезд Копытовка, Серные Воды и конечная – Сергиевск (Сургут). В 1922 году узкоколейку перемонтировали в широкую колею, после чего скорость поездов на ветке составила 21 километр в час. Этот рекорд был побит в 1960-е годы, когда поезда набирали скорость до 25 километров в час. «Даже в моем детстве поезд шел так медленно, что можно было выйти из первого вагона, нарвать цветов и спокойно успеть сесть в последний», – говорит Вера Афанасьевна Люкшова. Она помнит, что когда в Сур-

Рельс узкоколейки Гарина-Михайловского хранится в музее Сергиевска

гут приходил паровоз, то дети бежали его встречать с криком «Гундорез едет!». Столько лет прошло, а люди все равно помнили, что дорога, построенная автором «Детства Тёмы», должна была дотянуться до Гундоровки.

Об этой деревне 73-летний Геннадий Иванович Костёнов рассказывает с нежностью. К руинам усадьбы в Гундоровке он водил несколько поколений школьников. Там еще сохранялся фундамент, барельеф писателя на постаменте, беседка и дорожки. Сегодня ходить туда учитель не советует, в Гундоровке сейчас никто не живет. Сохранилась лишь липовая аллея, посаженная Гарин-Михайловским. До недавнего времени был там и пруд, с описания которого начинается очерк «Несколько лет в деревне».

Еще в начале 1970-х годов Геннадий Иванович слышал любопытный рассказ от жителей деревни. Воровали с полей Гарина-Михайловского подсолнухи. Управляющий пугал девушек-крестьянок приездом помещика, который их накажет. А писатель и не думал их ругать и даже посоветовал белые платки повязывать, мол, тогда управляющий их лиц не увидит. В Гундоровке Николай Георгиевич открыл для детей кре-

стьян школу, устроил гончарную мастерскую, нанимал учителей и врачей. Нередко раздавал беднякам деньги. За работу Гарин-Михайловский платил крестьянам больше, чем другие помещики, а те ругали писателя за то, что он балует народ. В конце концов имение свое Николай Георгиевич продал в 1903 году..

В годы НЭПа посаженный Гарин-Михайловским яблоневый сад стал приносить хороший доход. Тогда жители Гундоровки обратились к дочери писателя, предложив ей часть прибыли. Она отказалась от него в пользу крестьян. Рассказала об этом Геннадию Ивановичу младшая дочь

Старый машинист Трутнев не теряет надежды на возрождение станции Сургут

Нивелирная марка на стене водонапорной башни – показатель высоты над уровнем моря

писателя, Ольга Николаевна, родившаяся в Гундоровке. С ней он встретился в 1973 году в Ленинграде. Адрес Ольги Николаевны Костёнов получил от своего учителя и краеведа Андрея Алексеевича Галяшина, состоявшего в переписке со старшей дочерью Гарина-Михайловского, Надеждой Николаевной. Как-то раз Галяшин показал Геннадию Ивановичу письмо, в котором она писала: «Гундоровка может гордиться тем, что лучшее произведение, которое написал Гарин-Михайловский, «Детство Тёмы», создано в Гундоровке...»

«Вы вот лучше расскажите, как важный экспонат потеряли!» – ворчит на своего коллегу Вера Афанасьевна. Дело в том, что в книге «Очерки и рассказы Гарина-Михайловского» 1893 года издания Геннадий Иванович хранил путевой лист машиниста ветки Кротовка – Сургут. Книгу читал один из учеников и вернул ее без путевого листа. А в нем были указаны схема и скорость по всему движению пути – где подъем, где спуск. Выбирая место, где пройдет железнодорожная ветка, Гарин-Михайловский пустил ее по самым живописным местам уезда, чтобы люди любовались родным краем...

МЕЧТА О СТАРОМ ПАРОВОЗЕ

Эту железнодорожную ветку Анатолий Викторович Трутнев знает как свои пять пальцев – все-таки 35 лет по ней поезда водил. За работу на ней он награжден знаком отличия Министерства путей сообщения СССР «За безаварийный пробег на локомотиве 1 000 000 км».

Он вспоминает, что помимо товарняков по ветке два раза в сутки ходил пассажирский состав. На станции Сургут каждый второй двор принимал подводы из колхозов, хозяева которых останавливались на ночевку в ожидании поезда. В вагонах возили поросят и коз, корзины с овощами, мешки с картошкой и овечьей шерстью. Мальчишек, оседлавших крыши вагонов, не гоняли. Поезд тащился как черепаха – так медленно, что местные бабушки привязывали телят к рельсам, где трава росла гуще. Анатолий Викторович и сейчас вздрагивает, когда вспоминает этих телят. Проводницы часто просили машиниста притормозить, чтобы выйти и нарвать душицу и зверобой для чая. А когда в низинах скапливался туман, Трутнев луч прожектора направлял как можно ниже – ведь на рельсы нередко лоси выходили.

Бывало, весной талые воды подмывали насыпь. Если состав сходил с рельсов, со всей ветки персонал собирали и своими силами на место возвращали. «Наверх» не сообщали. Здесь жили одной дружной семьей и всегда были готовы друг друга выручить, как это было принято в СССР.

Ступеньки к роднику с «паровозной» водой старый машинист сложил из списанных деревянных шпал

Энтузиасты добьются установки памятника паровоза на дороге Гарина-Михайловского

В 1971 году тепловоз ТЭМ1 сменил на ветке старенький паровоз. А затем и саму ветку подновили, каменные мосты, выстроенные еще при Гарине-Михайловском, укрепили. И пустили более мощные локомотивы.

Но даже в советское время сохранялась на ветке традиция, заложенная еще инженером-писателем. Если умирал кто-то из работников, то гроб ставили на открытую железнодорожную платформу и со станции Сургут тепловоз транспортировал ее

километров пять – до кладбища. Традиция эта соблюдалась до 1990 года. Тогда на железнодорожной платформе проводили приемосдатчика станции Сургут, участника войны, гвардии старшего сержанта Макара Тимофеевича Воробкало. Трутнев тот тепловоз вел и гудел, согласно обычаю. Не подозревал, что традицию этим рейсом завершает. Носил тогда Анатолий Викторович на своих погонах две звездочки машиниста второго класса.

Как только Трутнев вспоминает об этом, Вера Афанасьевна принимается его ругать: зачем он свой китель, фуражку и шинель племянникам отдал? В чем он пойдет на открытие памятника паровоза? Ведь Люкшова разыскала где-то под Оренбургом старый паровоз. Локомотив серии Эр отдают бесплатно.

И сегодня старый машинист и школьная учительница ломают головы над вариантами его доставки. Далеко. Дорого. Процедур много. Нужна команда сопровождения. Но вдохновляющий пример у них есть. Ведь у писателя и инженера Гарина-Михайловского получилось доставить сюда паровоз в конце XIX века...

Такого знака отличия на ветке Кротовка – Сургут удостоен только Анатолий Трутнев

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru